

Юрий Солодкин

Тени
Судьбы

*Признание – сладостный итог
Всех наших дел на белом свете.
В делах нам помогает Бог.
Он за признание не в ответе.*

Юрий Солодкин

Юрий Солодкин

ГЕНЫ СЧАСТЬЯ

Новосибирск
2019

УДК 94(47+57)(=411.16)
ББК 63.3(2)-38
С60

Солодкин Юрий.

С60 Гены судьбы / Ю. Н. Солодкин. – Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2019. – 308 с., ил.

ISBN 978-5-6042927-7-8

Юрий Солодкин – автор поэтических книг «Библейские поэмы», «Если вкратце...», «Стихи по случаю» и шести книжек стихов для детей. Кроме этого, в журналах публиковались его очерки и эссе о замечательных людях с необычной судьбой, которые встретились ему на жизненном пути.

Про одного из них написана строчка: «...Вот где ген судьбы, дарованный от Бога». Поэтому первая книга прозы автора названа «Гены судьбы».

УДК 94(47+57)(=411.16)
ББК 63.3(2)-38

© Солодкин Ю. Н., текст, 2019
© Новосибирский издательский дом,
оформление, 2019

СЛОВО ОБ ИОНЕ ДЕГЕНЕ

Я люблю листать толстенный том антологии русской поэзии «Строфы века». Сборники стихов обычно называют «братскими могилами», потому что кроме авторов они мало кого интересуют. Антология Евгения Евтушенко этому определению не соответствует. Грандиозность замысла, впечатляющий объём, профессиональный отбор – всё это делает «Строфы века» уникальной книгой. Без малого тысяча имён, из которых только десятки на слуху даже у знатоков поэзии.

Я читаю эту книгу небольшими глотками, открывая на случайных страницах. И вот на стр. 701 обнаруживаю совершенно незнакомое имя – Ион Деген. Обратила на себя внимание преамбула, намного более длинная, чем короткое, из восьми строк, стихотворение.

Цитирую Евтушенко: «...эти стихи наизусть читали и Луконин, и Межиров, Гроссман процитировал их в романе «Жизнь и судьба» – и все они были уверены, что анонимный автор убит». Далее в преамбуле говорится о чудесном воскрешении и удивительной судьбе автора стиха Иона Дегена.

Долгие годы стихотворение передавалось из уст в уста, возникали разные варианты. Евтушенко выбрал, на его взгляд, лучший. Вот этот стих:

*Мой товарищ в предсмертной агонии.
Замерзаю. Ему потеплей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*Что с тобой, что с тобою, мой маленький?
Ты не ранен – ты просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки.
Мне ещё воевать предстоит.*

Поразили строчки: «Дай-ка лучше согрею ладони я / Наддымящейся кровью твоей». Вот она, жуткая правда войны и обычность, повседневность смерти. Другие строчки произвели меньшее впечатление, особенно, обращение «что с тобою, мой маленький?». Какая-то инфантильность, абсолютно не соответствующая «дымящейся крови».

Так бы всё это и осталось, но мне повезло. Я познакомился и подружился с Ионом Дегеном. Оказалось, что оригинал стиха существенно отличается от опубликованного в антологии. Приведу его целиком:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*

Вроде, о том же. Но даже запятая в первой строчке совершенно меняет смысл. Это не констатация факта, а обращение к смертельно раненому товарищу, который понапрасну вызывает о помощи. Насколько же это сильнее, чем «ему потеплей»! А строчка «Ты не плачь, не стони, ты не маленький»? Разве это сравнится с совершенно проходной строчкой «Что с тобой, что с тобою, мой маленький»? Разница очевидна. Наконец, «на память сниму», а не «лучше сниму», и победное «наступать», а не общее «воевать» – всего этого вполне достаточно, чтобы сделать вывод: оригинал намного сильнее евшушенковской публикации и заслуженно находится в ряду лучших стихов о войне.

Юрий
Солодкин
и Ион Деген

В один из своих приездов в Израиль Евгений Евтушенко встретился с Ионом Дегеном. Мэтр приготовился услышать благодарность за публикацию, но неожиданно для себя встретил жёсткое неприятие автором тех искажений, которые претерпел стих.

Как рождаются такие стихи? Ведь понятно, что автор не грел рук над дымящейся кровью и не снимал валенок с убитого товарища. Как возникли эти метафоры, в которых реальные ужасы войны преломляются в поэтические образы, более правдивые и более потрясающие, чем реальность, их породившая?

В разговоре с Ионом я попытался это понять. И он мне сказал, что точно не знает, а может только догадываться, из каких ассоциаций мог возникнуть стих «Мой товарищ».

До сих пор во снах ужасов к нему приходит увиденное им, семнадцатилетним парнем, тогда, когда смертельно ранило его друга-разведчика Гошу Куликова.

Слово Иону Дегену:

– Он лежал в грязи рядом с железнодорожной насыпью. Всю ночь лил холодный октябрьский дождь. Время приближалось к полудню, и всё ещё продолжало моросить. Кинжалом я вспорол комбинезон и гимнастёрку на его груди. Рана была ужасной. Не рана, а дыра. Над раздробленными рёбрами клокотала красная пена. Ручьи крови текли, как лава из кратера. И над всем – два кровавых

фонтанчика. А у меня только один индивидуальный пакет. Вощёная бумага, в которую был упакован бинт, не закрыла даже половины раны, а тампон просто утонул в ней. Бинта хватило, чтобы полтора раза опоясать могучую грудь Егора. Я быстро снял нательную рубашку, разорвал её и пытался перебинтовать его. Егор большой ладонью погладил мои мокрые волосы и едва различимо прошептал: «Зря это ты. Рубашку стоит отдать живому». Больше он ничего не сказал.

– Жуткая история, Ион. А снятые валенки? Неужели и это имеет какую-то связь с реальностью?

– Может, и имеет. Правда это были не валенки, а сапоги.

И дальше Ион рассказал другую историю.

В его взводе командиром танка был Толя Сердечнев. Случилось так, что Толя выпрыгнул из люка своей загоревшейся машины в одном сапоге. Сидение, отскочив на сильных пружинах, прихватило правую ногу, и сапог остался в танке. Толя носил обувь 46-го размера. Такой размер был только у него и у замкомбата по хозяйности, гвардии капитана Барановского, к которому и обратились с просьбой выдать Толе новые сапоги. Тот объяснил, что у него сейчас, к сожалению, нет сапог для гвардии лейтенанта Сердечнева. Толя поверх портянок обернул ногу куском брезента и хромал по лужам в одном сапоге. Ежедневные обращения к замкомбату оставались без результатов. Немногие оставшиеся в живых танкисты сочувственно смотрели, как Толя таскал налипшие на примитивную обувь килограммы прусской грязи.

– Как командир взвода, – продолжает Ион, – я нёс ответственность за своего подчинённого и решил по-мужски поговорить с капитаном. Крепко выпив (после наступления в батальоне осталось считанное количество танкистов, а водка ещё поступала на полный штат батальона), я отправился к капитану. Забыв о субординации, не в особенно уважительной манере я заявил, что если завтра гвардии лейтенант Сердечнев не получит сапог, то сапоги мы снимем с гвардии капитана Барановского. Замкомбат стал что-то кричать по поводу военного трибунала, но я уже не слышал, стараясь на выходе не задеть косяки.

Сапог Толя не получил. А тут ещё ночной ливень продолжился холодным морозящим дождём. Глина раскисла так, что даже

я в своих кирзовых говнодавах с трудом вытаскивал из неё ноги. Что уж говорить о толином брезенте. Я изложил Толе план экспроприации сапог гвардии капитана. Толя поначалу горячо возражал, но после того, как мы опорожнили кружку с немецким померанцевым шнапсом, согласился, но выразил сомнение, что они справятся с верзилой капитаном. Тогда они уговорили ещё командира первой роты, гвардии старшего лейтенанта Серёгу, поддержавшего идею тоже не без влияния шнапса. И втроём гвардии офицеры заявили к капитану Барановскому.

Капитан лежал на кровати, тоже не шибко трезвый. Толя и Серёга взнудали гвардии капитана с двух сторон, а я приступил к стягиванию сапог. Это оказалось совсем непросто. Капитан брыкался, как мустанг. Мы и представить себе не могли, что у гвардии капитана Барановского такой богатый матерный словарь. Он грозил нам трибуналом и обещал, что сам примет участие в исполнении высшей меры наказания.

Протрезвев, мы с большой опаской ждали завершения проведённой операции. Но, слава Богу, ничего не случилось. Гвардии лейтенант Анатолий Сердечнев фигурировал в отличных яловых сапогах. А капитан оказался порядочным человеком. Никому о нашей мальчишеской выходке не доложил. Себе же он получил новенькие сапоги на следующий день.

Так или не так, ассоциации – вещь зыбкая, но родились восемь строк, которые до жути просто и с беспощадной ясностью поведали о том, что есть война. «Пока в строках не выступит живая кровь – поэта ещё нет...» – так написал Варлам Шаламов. А кому, если не Шаламову, понимать и чувствовать это. Да, есть такой поэт Ион Деген. Чтобы называться поэтом, совсем необязательно иметь книги стихов и поэм. Достаточно написать восемь строк, в которых выступает живая кровь.

Читая стихи Иона Дегена, читая его рассказы о войне, которые жуткой правдой впечатляют не меньше, чем «Колымские рассказы» Шаламова, изумляясь его биографии, его судьбе, начинаешь думать, какой же ангел-хранитель вёл его по жизни.

Ион рано остался без отца. Лазарь Моисеевич Деген был фельдшером, но о его медицинских познаниях и безошибочных

диагнозах ходили легенды. За военные подвиги в Японской войне он был награждён тремя Георгиевскими крестами. Трудно себе представить, что должен был совершить военный фельдшер, к тому же еще еврей, чтобы получить три Георгиевских креста.

Овдовев, Лазарь Деген, осуждаемый роднёй и друзьями, женился на влюбившейся в него девушке на тридцать шесть (!) лет моложе его и на 59-м году жизни стал отцом маленького Иона. Когда Иону было всего три года, отец умер. Много позже Ион услышал о том, что за гробом шло больше людей, чем было жителей в их небольшом городке Могилёве-Подольском. Трудно поверить, но путь от дома до кладбища был разделён на пять отрезков. На первом отрезке отца отпевал греко-католический священник, на втором – мусульманский муфтий, на третьем – православный батюшка, на четвертом – большой друг отца, ксёндз, с которым отец иногда запирался в костёле, где они слушали органную музыку. И только на последнем отрезке и на кладбище всё шло согласно еврейской традиции. Господи, не это ли храм всех религий, построенный не из камня, а из души и свершений одного человека – Лазаря Дегена?

Когда через сорок два года после смерти отца Ион приехал в родной город, он был рад обнаружить, что память об отце жива. Благодарные земляки, узнав, что он сын старого Дегена, оказывали ему особое почтение и уважение.

С трёх лет у Иона была только мама. Мама есть мама, но как нужна пацану отцовская поддержка, отцовский пример! А тут он единственный и главный мужик в доме. Приходится самому догадываться, что значит вести себя по-мужски, постоять за себя, отстаивать по своему разумению свои честь и достоинство. Это далеко не всегда укладывалось в рамки приличного поведения, и тогда ему доставалось от мамы, которая и драла его, как сидорову козу, и плакала одновременно.

Впервые о своей «отрицательной» исключительности Ион узнал от воспитательницы детского сада. Отсасывая кровь из ранки на его ноге от укуса змеи, она негодовала: «Все дети как дети, но именно этого должна была укусить гадюка!»

А во втором классе произошёл из ряда вон выходящий случай. Учительницу Розу Эммануиловну раздражал, по её словам, какой-то бес, живущий в маленьком Ионе. Его энергия выплескивалась наружу и нарушала покой и порядок. Не дано было Розе Эммануиловне педагогического умения направить эту энергию по нужному руслу. И вот однажды, признаётся Ион, ему удалось во время урока спровоцировать на драку двух, сидящих за ним, примерных учениц. С удовольствием наблюдая за потасовкой, Ион не заметил, как подошла Роза Эммануиловна, сразу понявшая, чьих рук это дело. Она левой рукой оперлась на парту, а правой сильно ущипнула его плечо. Он чуть не взвыл от боли, но в тот же момент взвыла его первая учительница. В руке у Иона была ручка, и он что есть силы вонзил перо в кисть, опиравшуюся на парту. Можете себе представить? Маленький бандит, да и только. Это что же из него вырастет?

Оправдываясь, Ион утверждает, что никогда не был агрессивен, но имел мгновенную защитную реакцию. Эта реакция выручала его в немалочисленных драках, спасала во время войны и помогла ему во многих послевоенных инцидентах.

В течение всех школьных лет Ион учился легко, всё схватывал на лету, но при решении о похвальных грамотах за отличные успехи и примерное поведение с последним всегда возникали проблемы.

Июнь 1941-го. Только что окончен девятый класс, только что исполнилось 16. Началась война. Началась военная эпопея Иона Дегена, отражённая в его потрясающих по силе воздействия рассказах, наполненных жизнью и смертью, взлётами человеческого духа и омерзительными падениями. В этих рассказах ни одного слова вымысла, только одна жуткая, но такая нужная правда.

С первых дней Ион пытался попасть в армию, но от пацана отмахивались, как от назойливой мухи. Мать это только обрадовало, и они отправились в эвакуацию. Но на одной из небольших станций Ион решил отстать от товарняка, увозящего мать на восток, вернулся в Могилёв-Подольский, сколотил из таких же пацанов, рвущихся в бой, целый взвод – 31 человек, среди которых было много его одноклассников. В первых числах июля все они заявили в штаб 130-й стрелковой дивизии. Похоже, вспоминает

18-летний лейтенант-танкист во время войны

Ион, уже начинался бардак, связанный с поспешным отступлением, и в штабе оставался только единственный капитан, который и встретил ребят, готовых воевать. Ребята продемонстрировали, что они не зря проходили военную подготовку в школе. Им выдали каждому по карабину, 100 патронов и 4 гранаты и зачислили в истребительный батальон. В свои 16 Ион стал командиром взвода и оказался на передовой. Безусый парнишка не мог понять, что происходит, почему они отступают.

– Я был убеждён, – вспоминает Ион, – что на третий день войны

Красная армия победоносно вступит в Берлин, где её цветами будут встречать немецкие пролетарии. Но почему-то через месяц после начала войны мой взвод сражался на дальних подступах к Киеву, а «немецкие пролетарии» пёрли на меня в танках и на мотоциклах.

После месяца боёв от взвода осталось двое. Ион был ранен в бедро. Не успев отступить со своими, они оказались в немецком тылу и девятнадцать дней пробирались к своим на восток к Днепру. Пробирались по окрестным лесам, боясь заходить в населённые пункты и питаясь тем съедобным, что могли найти в августовском лесу. Наконец, измождённые и смертельно уставшие, вышли к берегу Днепра. У них не было сомнения, что на том берегу свои, и они под покровом ночи поплыли. Их разнесло течением. До берега Ион доплыл один. После войны Ион побывал на этом месте и не мог понять, как он, раненый и обессиливший, мог переплыть Днепр. Он выполз на берег и лежал на песке, приходя в себя. Недалеке, о ужас, он услышал немецкую речь. Вжался в песок и почти перестал дышать. Пронесло. Звуки речи удалились.

Ион дополз до ближайшей хаты за невысоким плетнём и на руках перелез во двор. Его встретил огромный лохматый пёс, не издавший ни звука. Почти опираясь на него, Ион добрался до зава-

линки и сел под окном. Собака обнюхала его раненую ногу, зашла с другой стороны и положила голову на здоровое колено. Только потом выяснилось, что пёс был исключительно свиреп и слушался только хозяина. «Божа дытына! – сказала тётка Параска, вышедшая на стук в окно. – Подывись, Сирко нэ чыпае його».

Так Ион оказался не иначе, как в посланной ему Богом украинской семье Григоруков. С какой любовью и благодарностью вспоминает он и тётку Параску, и дядю Фёдора из села Грушевки Полтавской области, спасших ему жизнь! Его помыли, перевязали, накормили и спрятали. Но оставаться в селе было опасно. Здесь расквартировались немцы и всюду свирепствовали полицаи. «Рискуя жизнью, – вспоминает Ион, – славные украинские люди передавали меня, как эстафету, с подводы на подводу, давали приют в своих хатах, кормили и перевязывали. Не помню, где и когда мы пересекли линию фронта».

Ион попал в полевой передвижной госпиталь. Военврач решил, что ногу надо ампутировать. Это в шестнадцать-то лет остаться без ноги! Ион категорически отказался и был отправлен в тыловой госпиталь на Урале с ногой, которая всё ещё была в жутком состоянии. Из госпиталя бывшего командира взвода выписали только в конце января 1942 года. Ему всё ещё 16, и он снова просится на фронт. Но кто же призовет мальчишку, которому до 18-ти ещё полтора года!

Не солоно хлебавши, Ион отправляется на юг и четыре месяца живёт в грузинском селе Шрома, окружённый вниманием и заботой гостеприимных грузин. Нога окрепла, прошла хромота. Он освоил работу тракториста. Но война продолжалась, и Ион не мог оставаться в стороне. Узнав, что в тринадцати километрах от села на станции появился бронепоезд, Ион в жаркое июньское утро отправился туда. Ему только что исполнилось 17. Командир бронедивизиона, майор, проверил его документы и попросил нанести на карту обстановку, которую продиктовал. Ион мгновенно выполнил задание. Майор похлопал его по плечу:

– Отлично, малец, мне нужен такой адъютант.

Не первый раз его назвали мальцом. Ему это было обидно, но что поделаешь, если даже пушок над верхней губой ещё не начал пробиваться?

– Спасибо, товарищ майор. Чтобы быть адъютантом, я мог бы подождать призыва в армию.

Майор рассмеялся:

– Так чего же ты хочешь?

– Воевать.

– Выходит, я не воюю? Ладно, пойдёшь в разведку. Там замечательные ребята. Вот грамоты им порой недостаёт.

На фронт они выехали из Грузии в начале июля. Воевать начали под Армавиром. За два месяца доотступались до предгорий Кавказа. Ион быстро заслужил любовь разведчиков-сибиряков и, оставаясь красноармейцем без звания, но уже награждённым медалью «За отвагу», стал их командиром. Он не кичился своей грамотностью и дивился навыкам потомственных сибирских охотников, замечательных воинов. Ион признавался, что для него заслужить их уважение и любовь было куда почётнее, чем все его награды.

Он вспоминает бой на перевале, на высоте 3400 м. К его разведчикам присоединились ещё пехотинцы. Всех вместе было 44 человека, и они столкнулись с «эдельвейсами» из отборной дивизии альпинистов. Альпинисты знали, что в снежную бурю на такой высоте надо сидеть в укрытии и пережидать. А Малец (эта кличка хоть ему и не нравилась, прочно за ним закрепилась) представления не имел о правилах поведения в горах, да и гор-то раньше никогда не видел. Могли, конечно, погибнуть все без единого выстрела, но... Сколько ещё будет этих «но» на его пути! Они взяли в плен чуть ли не целую роту во главе с обер-лейтенантом. Портрет Мальца, геройского командира, красовался на первой странице фронтовой газеты.

В середине октября 1942 года Ион Деген был ранен во второй раз. Пули прошли всю правую его половину сверху вниз (вот везение – правую!) – плечо, грудь, живот и ногу. Раненого Иона чудом спасёт и притащит к своим разведчик Степан Лагутин.

Снова госпиталь, сначала в Орджоникидзе, потом в Кировабаде. За два с половиной месяца, смеётся Ион, всё зажило, как на собаке, и 31 декабря, в канун нового 1943 года он был выписан из госпиталя.

Казалось бы, успокойся, наконец. Дважды ранен. Хватит, отвоевался. Но это не про Иона Дегена. Он поступает в танковое училище в Средней Азии. Сам Бог велел бывшему трактористу в грузинском колхозе и солдату в дивизионе бронепоездов стать танкистом.

После окончания училища младший лейтенант Деген, получив новенький танк с экипажем в Нижнем Тагиле, на железнодорожной платформе отправляется на фронт.

И дальше начинается ещё более удивительная танковая эпоха Иона Дегена, которая закончилась для лейтенанта, командира танковой роты тяжелейшим, казавшимся смертельным, ранением в январе 45-го. Не случайно и не преувеличение здесь слово «эпоха». Восемь месяцев на острие танковых атак – это эпоха для тех, кому война считала жизнь на минуты. Об этом времени Ион напишет самые блестящие свои рассказы. В них и геройство и трусость, и благородство и подонство, подвиги и бессмысленные жертвы, доброжелательность и злобное самодурство. В них и смерть, ставшая привычной и повседневной, и жизнь, в которой всегда есть место любви и дружбе. Ион не пересказывает чужие истории, он пишет только о том, что видел и пережил сам.

Любой ценой – приказывало начальство командиру взвода боевой разведки, лейтенанту Дегену. Для начальства это означало потерю техники, а для танкистов – верную гибель. Почти для всех. Но не для Дегена. Ион был отчаянно смел. На мой вопрос: «Ион, неужели никогда не было страшно?» он ответил: «Ещё как было. Но ещё страшнее было показать, что тебе страшно».

В том самом бою, когда Толя Сердечнев потерял сапог, Иона Дегена вообще посчитали убитым. Ион и механик-водитель успели выскочить из горящего танка до того, как в нём взорвались боеприпасы, но прибывшие позднее на место ремонтники не знали этого, увидели какое-то жуткое месиво с останками убитых и решили, что весь экипаж погиб. Через много лет Ион привезёт жену и сына в бывшую Восточную Пруссию, и они увидят братскую могилу с обелиском, на котором среди имён есть и его имя.

В тяжелейших боях, когда могли уцелеть только единицы, Ион оставался жив. Судьба? Господь? Ангел-хранитель? Кто знает... «Счастливчик» – такое прозвище закрепилось за Ионом.

В каждом рассказе Дегена о войне есть от чего прийти в восторг, хотя главный герой всегда скромно и просто пишет о себе. Здесь упомяну только об одной истории, которая заслуживает пера Шекспира.

У Иона было всего шесть секунд, чтобы выскочить из горящего танка. Он пытался поднять крышку люка, но она не открывалась. Дым сдавил горло. Всё... И тут крышка откинулась, на фоне августовского неба появилась голова Ангела. Ион потерял сознание. Когда он открыл глаза, Ангел сидел рядом с ним, лежащим на траве метрах в тридцати от горящего танка. Им оказалась невысокого роста красивая девушка с погонами младшего лейтенанта. Трудно понять, рассказывает Деген, как эта маленькая девушка смогла извлечь его из башни, спустить с высоты двух с половиной метров и оттащить от горящего танка. Ангела-спасителя звали Марина Парфёнова. Она была командиром взвода в роте дивизионной разведки. Так началась дружба двух командиров взводов – танкового и разведки.

Когда Ион первый раз увидел её после своего спасения, первым порывом было обнять, но он вдруг засмутился, осторожно снял её правую руку со ствола автомата и нежно поцеловал. Такую галантность её разведчики если и видели, то только в кино.

При малейшей возможности Ион и Марина начали встречаться. Однажды он принёс ей три красных георгина, срезанных в разбитой теплице. С цветами к девушке в дыму и огне передовой – какой это был для неё праздник!

Марина ушла на фронт после первого курса филологического факультета. Они оба любили поэзию, но у Иона эта любовь ограничивалась школьным курсом литературы, а от Марины он впервые услышал стихи Бальмонта, Брюсова, Гумилёва, Северянина. Они говорили и говорили и не могли наговориться. А расставаясь, отчаянно смелый в бою Ион не осмеливался даже обнять девушку, не то чтобы поцеловать. Он просто пожимал её руку, как пожал бы своему товарищу.

Разведчики из взвода Марины боготворили её. В условиях постоянной опасности и ужаса каждодневных смертей, в условиях, когда особи женского пола подвергались массированным атакам

изголодавшихся самцов, необычайно смелая девушка Марина сохраняла чистоту и не допускала по отношению к себе никаких вольностей. В её присутствии разведчики старались удержаться от матерщины. Она казалась не от мира сего – святая!

Однажды, придя на свидание, Ион не застал Марину. Её, как ему сказал командир роты, вызвал майор, начальник разведки. Ион решил дойти до майора и там подождать Марину. Из-за дверей он услышал, как майор, срываясь на визг, обзывал Марину последними словами за то, что она ему отказывает. Ион рывком распахнул дверь, слегка отстранил Марину, стоявшую перед майором по стойке смирно, и всего себя вложил в удар. Майор плашмя грохнулся на спину, и лицо его залилось кровью из носа. Поднявшись, он пообещал лейтенанту, что тот штрафным батальоном не отделается, а получит высшую меру. Марина удержала руку, готовую повторить удар. В результате Марина не получила орден, к которому уже была представлена, а за Иона пришлось вступить генералу.

Был момент, когда обе непорочные души были в шаге от интимной близости. Марина потом призналась расстроенному Иону, что желала его, может быть, ещё больше, чем он, но по неумелости обеих боялась забеременеть и быть отправленной в тыл.

Находясь в госпитале, Ион получал тёплые, полные неизрасходованных чувств, письма от Марины. И пусть пути их в дальнейшем разошлись (неисповедимы не только пути Господни), история первой любви Иона Дегена удивительна и неповторима.

В только что упомянутом госпитале Ион оказался после тяжелейшего ранения зимой 45-го. Проникающее ранение головы, открытый огнестрельный перелом верхней челюсти, семь пулевых ранений рук, четыре осколочных ранения ног. Ион то приходил в себя, то вновь терял сознание. Начался сепсис. Надежд на выживание не было никаких. В этот момент (опять случай? сколько их на счету Дегена?) в госпиталь из Свердловска приехал консультант, проф. Василий Дмитриевич Чаплин и назначил ему пенициллин внутривенно каждые три часа, несмотря на возражения начальника отделения («Пенициллин у нас на вес золота, и мы даём его только тяжело раненым, у которых есть шанс вы-

жить, а этот протянет не больше недели»). То, что Ион выжил, было несомненным чудом, и в сотворении этого чуда у Бога были соавторы – Ион Деген с его несокрушимой волей к жизни и Врач с большой буквы В. Д. Чаклин, не признававший безнадежных случаев.

Через много лет, после успешной защиты кандидатской диссертации Иона подошёл поздравить проф. Чаклин, но не с успешной защитой, а с тем, что тот не испугался поблагодарить одного из своих учителей, женщину, которую, и это было известно, терпеть не могли многие из членов Совета. Каково же было изумление профессора, когда он узнал, что Ион тот самый танкист, который не просто выжил, а стал ещё хорошим врачом.

С этого дня не прерывались дружеские отношения между профессором и его бывшим пациентом, а ныне коллегой. Василий Дмитриевич внимательно следил за научными работами Иона Дегена, по-отечески гордился его успехами. Он пригласил Иона на своё восьмидесятилетие. На торжественном заседании Учёного Совета, посвящённого этому событию, учёного с мировым именем поздравляли, величали, вручали адреса, цветы и подарки. У Иона к этому моменту была готова уже докторская диссертация, и он привёз её в Москву для представления к защите. В своём ответном слове юбиляр поблагодарил всех, но особо выделил Иона Дегена, сказав, что его докторская диссертация – лучший подарок, который он получил.

Всё это было много позже, а пока в 45-м Ион медленно выздоравливал. Он перенёс несколько операций, учился есть и ходить. В июне он выписался из госпиталя. Ему ровно 20. Надо бы окончить 10-й класс, но садиться за школьную парту боевому офицеру как-то несолидно. Ион решает сдать выпускные школьные экзамены экстерном, успешно это делает и поступает в Киевский медицинский институт. Однако в первые же дни учёбы он столкнулся с тем, что не успевает за время перерыва на костылях преодолевать расстояние между удалёнными друг от друга кафедрами и опаздывает на занятия. Ион попросил перевести его в Черновицкий медицинский институт, где кафедры были расположены более компактно, и проблема перехода с одной на другую исчезла.

Учился Ион блестяще, но если бы только этим ограничивалась его жизнь. Началось время борьбы с космополитизмом.

После школы Ион, по его определению, был ортодоксальным комсомольцем. На фронте он стал членом партии и свято верил в гениальность Верховного. Даже после развенчания культа вождя Ион продолжал верить в безупречность системы. Тупость, доходящая до идиотизма, с которой ему пришлось столкнуться уже в институте, казалась ему местным проявлением, не носящим общего характера. Прозревание было очень медленным, как выздоровление после долгой и тяжёлой болезни.

Приведу только один случай. На семинаре по биологии студент Деген попытался объяснить ассистентке, почему в его понимании дарвинизм не состыкуется с марксизмом. У той не хватило ума, чтобы растолковать студенту его заблуждение, зато хватило, не знаю чего, пожаловаться на Дегена в партком.

Партийное бюро гневно заклеямило недостойное поведение студента Дегена и решило ограничиться, учитывая его боевые заслуги, а также излишнюю горячность, связанную, возможно, с наличием в мозгу инородного тела (осколок в голове никогда не был извлечён), требованием в присутствии всей группы на следующем семинаре заявить, что заданный вопрос и последовавшая за ним дискуссия были следствием его недомыслия и недостаточного знания материала.

Деген не был бы Дегеном, если бы согласился. Он упёрся и, вот наглость, попросил объяснить, в чём именно он ошибается. Секретарь взорвался и предложил исключить студента Иона Дегена из партии.

Дальше слово Иону.

– Меня просят подождать в коридоре. Вместе со мной выходит член парткома, проф. Михаил Михайлович Зотин и находит слова, удержавшие меня от безрассудного шага. «Садитесь, отрок, – сказал он мне, указав на стул. – Я сейчас скажу вам нечто такое, что не решился бы сказать даже некоторым проверенным друзьям. Вы, конечно, дурень, но из тех, на которых можно положиться. Какого черта вы упёрлись сейчас? Думаете, вы один такой разумный? Если бы только дарвинизмом ограничивалось то, что

у нас сейчас творится! А я молчу, и другие молчат, чтобы не погибнуть бессмысленно, защищая свои маленькие принципы. Галилей, между прочим, отказался от более принципиальных положений, чтобы не пойти на костёр. Выживите, дурень вы этакий. Вот что для вас сейчас самое главное. И не только для вас...». Он задумался и продолжил другим тоном: «Короче, некогда мне с вами болтать. Посидите, пока вас вызовут. Войдёте, повинитесь и кайтесь. Я с вами ни о чём не говорил, и вы меня не слышали. Покаяние – ваша добрая воля», – и Михаил Михайлович вернулся в кабинет. Через несколько минут и меня пригласили туда. Я каялся, – завершил Ион своё воспоминание.

Но больше всего в ту пору досаждали не партийные догмы, а свирепствующая компания против «безродных космополитов». Ион не спускал оскорбительных выпадов в свою сторону, и дрался, доказывая, что он всего лишь еврей, а не безродный космополит. Репутация студента-отличника и фронтовое прошлое спасали его от административных и даже судебных наказаний.

Однажды Ион, проходя мимо студенческой очереди в библиотеке, услышал змеиное шипение «у-у-у, жидовская морда», и здоровенный парень без всякой причины ударил его в левый глаз. Сработала мгновенная реакция (помните перо, вонзённое в руку учительницы), и через несколько секунд верзила, согнувшись пополам, орал, как недорезанный кабан. Ион ходил, опираясь на палку. Это была дюймовая труба из нержавеющей стали, залитая свинцом. Она не только помогала в ходьбе, но и служила для тренировки мышц. И эта палочка, описав с хорошей скоростью дугу между ногами верзилы, вдарила по тому, что было между ног.

Считая, что инцидент исчерпан и что даже вспухший фонарь под глазом неплохо компенсирован ударом в промежность, Ион решил покинуть место происшествия. Но спиной почувствовал опасность, он оглянулся, и как раз вовремя, чтобы ударом палочки по ногам остановить еще одного нападающего. А дальше, когда налетела целая орава, Иону, слава Богу, помог его друг Захар, с которым они учились в одной группе и который на фронте тоже был танкистом. Они встали спина к спине, заняв круговую оборону, и дрались не столько руками и ногами, сколько головой в физиче-

ском смысле этого слова. Они хватали за грудки налетавших на них пятикурсников, резким движением рвали их на себя, изо всей силы ударяли их головой в лицо и опускали на пол, уливающихся кровью. Драка исчерпалась, когда к первым двум прибавились ещё шестнадцать пятикурсников со сломанными челюстями или носами.

Драку эту замяли. Антисемитизм процветал, поощрялся, но не назывался своим именем. Какой может быть антисемитизм в стране, славящейся своим интернационализмом и дружбой народов? Большой цинизм трудно было придумать. Библиотекарша, бывшая свидетелем, подтвердила, что не Ион был зачинщиком. Однако и восемнадцать не понесли наказания. Зачем же наказывать пытавшихся побить евреев? Но тут евреи сами, вопреки легенде об их слабости и покорности, за себя постояли, примерно наказав ораву антисемитов.

На год позже (после окончания второго семестра ему пришлось целый год пролежать в госпитале – сказались результаты ранений), в 1951 году Ион Деген с отличием окончил медицинский институт, а затем прошёл специализацию на кафедре ортопедии и травматологии Киевского института усовершенствования врачей. Однако между «окончил» и «прошёл» случилась история, которая заслуживает быть рассказанной.

Долгие месяцы, проведённые в госпиталях, собственные увечья и сострадание к увечьям других вызвали желание быть не просто врачом, а врачом-ортопедом. Готовясь к этому, Ион параллельно с занятиями в мединституте посещал лекции по механике в университете. Будучи студентом, он уже имел научные публикации. И вот заседает комиссия по распределению молодых специалистов. В личном деле Иона Дегена две рекомендации в аспирантуру от известных профессоров, один из которых главный ортопед-травматолог Украины. Ведёт заседание комиссии приехавший из Киева начальник отдела кадров Минздрава.

– Поедете врачом-терапевтом в Свердловскую область, – решает он.

– Я инвалид Отечественной войны второй группы и имею право на свободный диплом. Но я согласен ехать куда угодно, только ортопедом.

– Советская власть, – грубо пресёк его начальник кадров, – не для того тратила деньги на ваше образование, чтобы вы ставили ей условия.

Никто не мог поверить, что это произошло. Антисемитизм? Да, но не до такой же степени! Смириться? Это не для Иона Дегена.

Хождение по кабинетам Минздрава в Киеве оказалось бессмысленным. Потеряв несколько дней, Ион направился в ЦК компартии Украины. Его снова гоняли из кабинета в кабинет, пока в одном из них Ион не услышал от нагло и цинично ухмыляющейся рожи, что у еврея есть возможность доказать свою преданность Родине, только согрев своим сердцем вечную мерзлоту.

Ион ощутил полную беспомощность. Казалось бы, не вырваться из злобного, уверенного в своей безнаказанности круга. Но есть ещё Москва и наивная надежда, что столичные начальники утихомирят украинских антисемитов. Однако в Москве оказалось ещё хуже. Ровно в девять Ион приходил в бюро пропусков ЦК ВКП/б/ на площади Ногина. Вдоль стены располагались кабины с телефонами, и чтобы попасть на приём, надо было набрать необходимый номер и подробно изложить своё дело. В случае успеха одному из офицеров МГБ, сидящему в окошке, давалась команда выписать пропуск. Выслушав рассказ Иона, телефон каждый раз объяснял, что он обратился не по назначению и давал другой номер. Ожидających было много, и Ион снова и снова занимал очередь к телефону.

Так прошло два дня. На третий день после бессонной ночи в девять часов утра он снова был на площади Ногина. После очередного телефонного разговора, ничем не отличавшегося от всех предыдущих, Ион не выдержал. Сказались и боль в зарубцевавшихся ранах, и накопившаяся обида. Ион рванулся к ближайшему окошку, и капитан МГБ, обалдев от неожиданности, услышал отборнейший мат. Он высунулся из окошка, пристально посмотрел на явно своего человека и его орденские планки и вдруг неожиданно спросил:

- Кем был на фронте, служивый?
- Танкистом.
- В каком корпусе?
- Во второй отдельной гвардейской бригаде.

– Иди ты! Да мы, бля, соседи! Я в сто двадцатой. Слышал? Стой, да ты, часом, не тот взводный, что первым вышел на Шешупу?

Постепенно остывая, Ион утвердительно кивнул головой.

– Ну, бля, недаром тебя Счастливым называли. Надо же тебе нарваться как раз на меня. Чего тебе в ЦК-то?

Эмгестист выслушал рассказ, попросил партбилет и паспорт и тут же позвонил по внутреннему телефону.

– Ну, бля, и вправду ты Счастливчик, – повторил он. – Иди на приём к зав. админотдела.

Около полудня, не прерываемый ни разу, Ион рассказывал заведующему административным отделом о себе, о распределении, о горечи и обиде. Даже впервые произнёс слово «антисемитизм». Тот мягко пожурил его, напомнив, что коммунист не должен обижаться на свой Центральный Комитет. Тут же он позвонил в Киев и приказал заведующему административным отделом ЦК КП/б/ Украины немедленно обеспечить зачисление Иона Дегена в клиническую ординатуру кафедры ортопедии и травматологии Института усовершенствования врачей. В Киеве, похоже, попытались возразить, на что из Москвы последовал раздражённый ответ: «Значит, будет один из 184-х!» Так, среди 184-х врачей, принятых в 1951 году в клиническую ординатуру, Ион Деген оказался единственным евреем. Но это ещё не конец истории.

Наступил радостный день, когда профессор, заведующий кафедрой ортопедии велел ему явиться на работу. Прошло три недели, наполненных тяжёлой, но любимой работой. Подошёл день получения первой врачебной зарплаты. Событие само по себе значимое, а тут ещё и денег осталось на пару трамвайных билетов. Голодный и усталый, около полудня Ион простоял в очереди, чтобы услышать от кассира, что он не числится в ведомости на зарплату. Главный бухгалтер, к которому Ион тут же обратился, посоветовал немедленно отправиться к директору.

В приёмной директора сидели члены Учёного совета, ожидая начала заседания. Иону сказали, что у него есть минут 15–20, и он может зайти. В огромном кабинете во главе длинного Т-образного начальственного стола под большим портретом товарища Сталина в тронобразном кресле восседал директор – многопудовый мужчина

с крупным жирным лицом и маленькими глазками. Сбоку, на краешке стула присела рыжеволосая дама, секретарь парткома Института.

– Клинический ординатор кафедры ортопедии? Деген? Впервые слышу.

– Простите, профессор, вот копия приказа по министерству. Оригинал вам был вручён три недели тому назад.

– Понятия не имею, – и директор снова спросил фамилию и снова повторил, что слышит её впервые.

– А чего это вы с палочкой ходите?

– Ранение.

– Ранение, значит. При эвакуации или баловство какое?

– Нет, в танке. Во время атаки.

– Да ну! А я-то думал, что это у вас с детства. Значит, ранение?

– Да.

– На фронте, говорите?

– Да.

– А как же! У вас, говорят, целая куча орденов, – и директор перечислил ионовские ордена, что свидетельствовало о полной осведомлённости директора и очевидном его желании поизмываться над кажущимся беззащитным еврейчиком. Иону, опиравшемуся на палку, даже не предложено было сесть. Блинообразное лицо директора мерзко ослабилось:

– А говорят, что ордена можно купить в Ташкенте.

Этого стерпеть Ион не мог. Он поставил свою тяжёлую палку в угол буквы Т, подошёл к директору, вытянутой левой рукой схватил вышитую сорочку вместе с волосами на груди, рванул на себя и тут же прямой правой всего себя вложил в удар. Алая струя хлынула из разбитого носа и два багрово-синих кровоподтёка мгновенно вздулись, ещё больше сузив маленькие глазки. Рыжая секретарь парткома издала мощный вопль, услышанный в приёмной. Распахнулись обе половины двери, и появились члены Учёного совета. Ион схватил свою палку и голосом, которым когда-то, перекрывая грохот танка, отдавал команды, произнёс:

– Я тебе, падло, покажу, как можно купить ордена в Ташкенте! – И сквозь расступившуюся толпу профессоров быстро вышел из кабинета.

Через полчаса Ион уже был в Министерстве здравоохранения. Замминистра по кадрам уже ждал его, оповещённый обо всём, что произошло у директора Института. Сразу же с порога он обратился к нему на «ты». После подробных вопросов и восторженных междометий замминистра сказал, что утром он может вернуться на работу, и место в общезитии для него уже приготовлено. Так закончилась эта история.

Начались годы становления Иона как врача и учёного. Словно губка, он впитывал опыт своих учителей и получал свой собственный, работая с полной отдачей. Редкие посещения симфонических концертов в то время были для него единственным отвлечением от работы, которое он себе позволял. Классическая музыка была для Иона миром, в который он погружался, забывая обо всём.

Не играя ни на одном музыкальном инструменте, Ион обладает абсолютным слухом и потрясающей музыкальной памятью. С начала до конца он знает наизусть несколько симфоний Чайковского и Бетховена, множество фортепианных и скрипичных концертов. А 13-ю симфонию Шостаковича, вспоминает Ион, ему повезло услышать на репетициях. За исполнение этой симфонии разгорелась настоящая битва.

Шёл 1962 год. Музыка, посвящённая трагедии Бабьего Яра да ещё с опальными стихами Евтушенко, вступила в конфликт с официальной пропагандой. Композитора, дирижёра, солистов вызывали в ЦК, грозили жёсткими мерами. И всё же репетиции состоялись, и Иону через друзей удалось два дня подряд на них присутствовать. Впечатление было настолько ошеломляющим, что Ион запомнил всю музыку. Он рассказывает, как однажды оказался в одном купе с музыкальным директором Нидерландского радио и телевидения и напел ему несколько мест из 13-й сим-

*При полном параде
много лет спустя*

фонии. Примерно через год Ион получил письмо из Амстердама, в котором этот директор признаётся, что слушал симфонию в исполнении оркестра, как уже знакомую музыку.

Но вернёмся к учителям. В своей книге «Портреты учителей» Ион Деген вспоминает всех поимённо, и тех, кто служил ему примером, и тех, которых не хотелось называть даже коллегами. Среди первых был прекрасный врач Владимир Иннокентьевич Шастин, жизнью своей осознавший то, что Ион понять пока не мог.

Когда-то, ещё в 45-м, Ион попал на литературную встречу в будущей ЦДЛ, которую вёл не кто-нибудь, а Константин Симонов. Молодёнький лейтенант среди других стихов прочитал строчки:

*За наш случайный сумасшедший бой
Признают гениальным полководца.
Но главное, мы выжили с тобой.
А правда что? Ведь так оно ведётся.*

Что тут началось. На самого Сталина руку поднял! На какого Сталина? Для него Сталин был непогрешимым и гениальным вождём, а полководцем разве что полковник, командир их танковой бригады. Выручил Симонов, защитив начинающего поэта, который, по его словам, сидя в танке, и генералов-то вряд ли видел.

Долго после этого Ион никому не читал своих стихов. Только несколько самых близких ему людей знали, что он их пишет. Доктору Шастину во время одного из совместных дежурств в больнице Ион рискнул прочитать несколько фронтовых стихов и только что написанный стих «Ночь в канун Первомаю». В нём Ион разговаривает с украшенной к Первомаю улицей, много повидавшей на своём веку. Её топтала конница и танки срывали мостовую. Она видела погромы и слышала революционные марши.

*Улица, скажи мне, ты запомнила?
Люди, к сожаленью, забывают.
Забывают светлое и тёмное.
Забывают, как оно бывает.*

И чуть дальше:

*Улица гирляндами увенчана,
Но беда кричит в её наряде.
Разве может плачущая женщина
Спрятать горе в пудре и в помаде?*

А может, это всё в прошлом, и не стоит об этом вспоминать в канун праздника? Почему же Иону не по себе:

*Тесно так и так чего-то трудно мне
На твоих просторных тротуарах.*

И тут возникают строчки, в которых с поэтической глубиной отразилась сегодняшняя жизнь улицы, отразилось Время:

*Истрадалась улица топтанием
Робких и запуганных прохожих...*

На доктора Шастина стих произвёл сильное впечатление, и он очень точно заметил:

– Знаете, Ион, в вас одновременно живут два разных человека. Один – с мозгами, до стерильности промытыми советским воспитанием, другой – с сердцем, которым написаны стихи. До второго советская власть, к счастью, не добралась. Вы ведь коммунист, слепо верящий в систему, а я один из миллионов, без вины уничтожавшихся в советских концентрационных лагерях. Можно всё приписать человеку и объяснить культом его личности. Но именно система породила чудовище и его культ. Сердцем вы почувствовали правду. Уверен, что вы придёте к ней и головой.

После короткой паузы добавил:

– Правда, при вашем темпераменте это может сильно усложнить вашу жизнь.

Общение с доктором Шастиным ломало стереотипы. Это было задолго до появления гулаговской литературы, и рассказы

доктора Шастина о его трагической судьбе производили на Иона ошеломляющее впечатление. Они разрушали в его сознании казавшиеся незыблемыми коммунистические идеалы.

История доктора Шастина заслуживает хотя бы краткого изложения. Во время войны он был майором медицинской службы, начальником госпиталя. Госпиталь расположился в небольшом румынском городке. И вдруг, чего не бывает на войне, уже тыловой городок захватили немцы. В госпитале две тысячи раненых. К нему подкатывают немцы на мотоциклах во главе с офицером.

Доктор Шастин встал у входа в белом халате и сказал по-немецки, что войти в госпиталь они смогут, только убив его. В госпитале только раненые, и если офицер не верит его слову, то он может надеть халат и произвести инспекцию. Если в госпитале обнаружится хотя бы один не раненый, он волен поступать с начальником, как ему будет угодно.

Поверил немец или просто не имел времени на проверку, не столь важно. Важно, что немцы оставили госпиталь, а ночью совсем ушли из городка.

На следующий день СМЕРШ (если забыли, это сокращение от «СМЕРТЬ Шпионам») арестовал майора Шастина за то, что он позорно сдал госпиталь в плен. Весь персонал госпиталя и все раненые обратились с письмом, в котором свидетельствовали о том, что доктор Шастин не предатель, а герой, которому они благодарны за спасение. Бесполезно. СМЕРШу никто и ничто не указ. Чем больше посадят, тем выше оценка их работы. А виновный-невиновный, какое это имеет значение.

Приходится опустить перипетии лагерной жизни доктора Шастина. Хлебнул он эту жизнь полной чашей, но слово всё-таки не о нём, а о Дегене.

Однажды, после того, как Владимир Иннокентьевич высал на глазах у Иона пару ампул кофеина и закурил сигарету, тот не удержался и сказал, что с больным сердцем ему противопоказаны и сигареты и кофеин. Иону запомнился ответ: «Вы правы, и то мне противопоказано, и это. Но главное, мне противопоказано покорно сносить то, во что превратили мою Россию». Над мо-

гилой своего учителя уже начавший прозреть Ион Деген громко назовёт его смерть политическим убийством.

Сколько раз Иону приходилось отстаивать своё достоинство силой рук. Не в его характере было увещивать подонков или не обращать внимания на их оскорбления.

Однажды он спустил с лестницы зарвавшегося зятя секретаря обкома с медалью Героя, который в ответ на замечание Иона кинул с презрением: «А ты чего гавкаешь, еврейчик?» Так случилось, что через некоторое время они встретились вновь, но уже в совершенно другой ситуации, и этот зять и Герой, хлебнув спирта, плакался «еврейчику», что променял любовь и верность на шоколадную жизнь. Не начал ли он прозреть, когда кубарем летел с лестницы?

Кстати, о Герое. Ион Деген дважды представлялся к этому званию, но было кому недолюбливать строптивного и несдержанного лейтенанта, и звание Героя ему так и не было присвоено.

Расскажем ещё об одной необычной истории, в которой Ион проявил не только бойцовские качества, но и благородство истинного врача.

Ион собирался сесть в такси, когда из ресторана вышли три прилично одетых мужика и подошли к машине. «Простите, такси занято», – вежливо сказал Ион. Один из мужиков, с пренебрежением глянув на невысокого Иона, оттолкнул его: «Ладно, иди, иди». Ион мгновенно вернул толчок, но более сильный. Мужик зацепился за бордюр, упал и покатился по газону, спускавшемуся к Днепру. Второй мужик размахнулся, чтобы ударить, но не успел. Ион ткнул его концами пальцев распрямлённой ладони в солнечное сплетение, и тот согнулся под прямым углом, издавая нечленораздельные звуки.

Ион уже начал садиться в такси, когда третий, оторопевший поначалу, подскочил к машине с криком: «Ах ты, жидовская морда!» Ион наотмашь ударил его своей уникальной палкой по ногам, сел в такси и уехал. Инцидент был настолько обычным для Иона, что он тут же о нём забыл и никогда бы не вспомнил, если бы...

На следующий день врач Деген начал рутинный обход своих палат. В одной из них, это был шок, лежал третий мужик, постра-

давший от палки. Стараясь оставаться спокойным, Ион осмотрел сломанную голень и сказал, что необходима операция.

– Кто будет оперировать? – мужик, конечно же, узнал вчерашнюю «жидовскую морду».

– Я. Но если у вас есть возражения, могу перевести вас в любую другую больницу. Между прочим, мне довелось оперировать высокопоставленного эсэсовца. У его кровати круглосуточно дежурили офицеры госбезопасности. Вы представляете, как я люблю фашистов, но я выхаживал его, как родного брата. Мне сказали, что его казнили, как военного преступника, но это было уже не моё дело.

Мужик наверняка слышал если не раньше, то от нынешних его соседей по палате, о золотых руках хирурга Дегена. За три месяца до этого Ион Деген пришил оторванную руку двадцатилетнему слесарю-сантехнику. Это была первая в истории медицины успешная операция такого рода. Налетевшим журналистам Ион пытался объяснить, что только по отдалённым результатам можно будет делать выводы, но где уж там удержать сенсацию. О пришитой руке узнали все.

Тысячи операций разной сложности пришлось проделать Иону Дегену за его долгую врачебную жизнь. Но он признаётся, что никогда ни до, ни после так не волновался, как перед операцией пострадавшего от его палки мужика. Операция не относилась к категории сложных, но её результат имел для Иона принципиальное значение. Слава Богу, всё прошло благополучно. В подарок от пациента, который оказался главным инженером крупного завода, Ион получил красивую чёрную кожаную папку с монограммой: «Глубокоуважаемому ... от благодарного ...»

На этом бы и поставить точку. Но не хватило ума или такта у главного инженера, и он выразил сожаление по поводу прискорбного случая, оправдываясь тем, что был пьян, а так он любит евреев и имеет их в большом количестве среди друзей и коллег. Как же неприятны Иону были эти слова о любви к евреям!

Ион вспоминает Дело врачей. Он задыхался наяву, как в ночном кошмаре, когда кто-то или что-то сжимает горло. Всеобщая подозрительность и почти нескрываемая ненависть,

обвинение всех евреев в предательстве, увольнении или смещения с должностей – вся эта вакханалия грозила закончиться депортацией евреев в отдалённые края, где они должны были смыть честным трудом лёгшее на них позорное пятно. Это ли не фашизм – обвинять весь народ целиком, включая Иона Дегена, трижды раненого, чудом уцелевшего, у которого вся грудь в орденах и медалях. Где оно, объявленное равенство и братство всех народов? Или всех, кроме еврейского? Всё болезненней Ион ощущал, что он человек второго сорта. Несмотря на золотые руки хирурга. Несмотря на докторскую степень и открытую им магнитотерапию.

Летом 1976 года доктор медицинских наук Ион Деген, работавший рядовым врачом в больнице, получил приглашение на семинар в Томск, где ему предлагалось, как первооткрывателю, выступить с лекцией о лечебном действии магнитных полей. С письмом из Томска Ион пришёл к главному врачу, и тот сказал, что на командировку денег нет. К ноябрю, когда должен был состояться семинар, Ион успел забыть о приглашении. И вдруг по домашнему телефону звонок: «Ион Лазаревич, с вами будет говорить министр здравоохранения, академик Петровский». С чего вдруг? Рядовой врач в Киеве и министр в Москве?

- Вы почему не в Томске?
- Главный врач не дал мне командировки.
- Немедленно вылетайте.

Заметим в скобках, что за год до этого Деген был приглашён на конгресс в Японию. Все расходы – полёт, гостиница, взнос за участие, содержание – за счёт японцев. В Японию ушёл ответ за подписью Петровского, что д-р И. Л. Деген, к сожалению, не может прилететь, так как у него осколок в мозгу, и он не переносит полётов. Деген узнал об этом ответе только через пять лет от японского профессора-ортопеда на конгрессе в Бразилии, но тут он неожиданно попал в точку:

- Не могу лететь, у меня осколок в мозгу, и я не переносу полётов.

Минутное молчание, затем короткое «не дурите, вылетайте немедленно», и разговор закончился. Не успел Ион сообразить,

что делать, как позвонил на этот раз замминистра здравоохранения Украины, с которым Ион был в дружеских отношениях:

– Ион, иди к своему дурню и получи командировочные. Билеты уже заказаны.

Ион пошёл к «своему дурню». Тот, по-видимому, успел получить взбучку и сидел красный, как рак.

– Идите в бухгалтерию и получите командировочные.

– Сколько?

– Как положено. Два шестьдесят в сутки.

Ион закусил удила:

– Нет, за такие деньги не поеду. Десять рублей.

Это был, замечает Ион, единственный в его жизни случай стяжательства.

– Положено два шестьдесят в сутки.

– А положено доктору медицинских наук работать рядовым врачом в больнице под вашим руководством? Так что, либо платите, либо сами летите в Томск.

Ну, не наглец ли?! Можно только догадываться, что про себя подумал главврач, но куда денешься, велел заплатить. Иону запомнилось гостеприимство томичей и тёплый, уважительный приём на семинаре.

Вскоре семья Дегенов улетела в Израиль. Началась новая глава в жизни Иона Дегена. Проблем было выше головы. Что-то нравилось, что-то вызывало неприятие. В крайних случаях дело доходило даже до непереводаемого на иврит танкистского мата. Но постепенно и он привыкал, и к нему привыкали. Главное, не было пресловутой инвалидности по пятой графе, от которой он страдал гораздо больше, чем от ран, полученных на фронте.

Израиль в лице Иона Дегена обрёл выдающегося ортопеда. Он лечил, писал статьи и книги, выступал на международных симпозиумах. Не заставило себя ждать мировое признание его заслуг. Но прежде всего он оставался Врачом, нерушимо выполняющим клятву Гиппократата: «В какой бы дом я ни вошёл, я войду туда для пользы больного...». Пациент-араб и пациент-еврей ничем не отличались для него друг от друга. Что следовало за чёрточкой, не имело никакого значения.

*С премьер-министром
Израиля
Беньямином
Нетанияху
и внуком*

Однажды, это было до интифады, араб из Газы, работавший на ремонте помещения, попросил посмотреть его полугодовалого ребёнка. На следующий день он привёз завёрнутого в пелёнки младенца, который успел обкакаться с головы до ног. Ион помыл малыша под струёй тёплой воды из крана, тщательно обследовал его и назначил лечение. На протяжении семи месяцев он следил за результатами, пока не убедился, что ребёнок полностью здоров.

Немало арабов обязаны Иону своим излечением. Но были и другие столкновения с арабами. После начала интифады по доброй воле раз в неделю Ион ездил в Шомрон, так на иврите зовётся Самария, безвозмездно оказывать ортопедическую помощь поселенцам. Ездить по дорогам Самарии небезопасно, и начальство снабдило его американским пятнадцатизарядным пистолетом «Ругер».

Каждый раз, переезжая из одного самарийского городка в другой, Ион ехал по пустынной дороге с крутыми поворотами, проходящей по узкой, глубокой лощине. Это опасное место он всегда старался проехать на максимальной скорости. Дальше рассказывает Ион:

– На сей раз я не смог увеличить скорости. Впереди меня медленно плёлся зелёный арабский фёрд-минибус. В зеркале

заднего вида я увидел точно такой же автомобиль, прижимающийся к моей машине. Я открыл окно, взял свой «Ругер» в левую руку и прицелился в идущий впереди автомобиль. Он припустил и скрылся за поворотом. Я остановил машину посреди дороги. Объехать меня было невозможно. Не выключая мотора, вышел из автомобиля. С «Ругером» уже в правой руке подошёл к форду, стоявшему метрах в пяти позади моей вольво. За баранкой сидел араб лет двадцати пяти. Увидев «Ругер» в моей руке, он перестал дышать и стал блее мела.

– В этом пистолете пятнадцать патронов. Если я увижу тебя за мной, пятнадцать пуль будут в твоей башке. Моё идиотское правительство, конечно, посадит меня в тюрьму. Но в тюрьме я буду живым. А ты будешь трупом. Понятно? – И завершил эту речь лучшим образцом из моего танкистского репертуара.

Не знаю, понимал ли он по-русски, вполне мог окончить университет им. Патриса Лумумбы, но впечатление было такое, что он всё понял. Я сел в автомобиль и уехал, а он остался стоять.

В следующую среду перед началом приёма в кабинет заскочил знакомый таксист.

– Ну, доктор, наделал ты переполох в арабских сёлах. Рассказывают, что здесь на «вольво» разъезжает хромой доктор руси, совершеннейший бандит. У него не пистолет, а настоящая пушка. Но здесь же говорят, что этот хромой доктор руси друг арабов. Однажды в больнице, куда не мог попасть араб, он отмывал от говна арабского младенца и вылечил его.

Да, маленькая страна Израиль. Что бы ни случилось, моментально становится известно всем.

Сегодня Иону Дегену 87, но старость всегда будет старше него. Сколько энергии и темперамента, сколько увлечённости жизнью, сколько неотложных дел и сетований на нехватку времени! Ощущение, что какой-то внутренний термомяд работает, не затухая.

Ион Деген, кроме всего прочего, активный член организации ветеранов войны. Российское посольство устраивает праздничные приёмы в честь ветеранов. Им регулярно вручают юбилейные награды. Ион выступает и благодарит, но не всегда сдерживает эмоции.

Приведу целиком стих, по-дегеновски честный и искренний, который он не стал читать в ответном слове, а лично военному атташе прочитал.

*Привычно потокой пролиты речи.
Во рту оскомина от слов елейных.
По-царскм нам на сгорбленные плечи
Добавлен груз медалей юбилейных.*

*Торжественно, так приторно-слащаво,
Аж по щекам из глаз струится влага.
И думаешь, зачем им наша слава?
На кой... им наша бывшая отвага?*

*Безмолвно время мудро и устало
С трудом рубцует раны, но не беды.
На пиджаке в коллекции металла
Ещё одна медаль ко Дню Победы.*

*А было время, радовался грузу
И боль потерь превозмогая горько,
Кричал «Служу Советскому Союзу!»,
Когда винтили орден к гимнастёрке.*

*Сейчас всё гладко, как поверхность хляби.
Равны в пределах нынешней морали
И те, кто блядовали в дальнем штабе,
И те, кто в танках заживо сгорали.*

Что тут скажешь кроме того, что Деген, он и есть Деген, в прошлом, в настоящем и, нет сомнения, в будущем. Многое менялось на протяжении его жизни, но Личность по имени Ион Деген оставалась во все времена достойной заглавной буквы. Такой Личности невозможно подражать. Ею надо быть.

Апрель 2012 года

ПАМЯТИ ИОНА ДЕГЕНА

*У*мер Ион Деген, совсем немного не дожив до 92-х. Солидный возраст, но тяжесть утраты от этого не становится меньше.

Для меня вся его жизнь – это подтверждение того, что он был в числе 36-ти праведников, которые, как принято считать, определяют душу народа. Человек-легенда – так его называли, вручая статуэтку «Скрипач на крыше» на сцене Кремлёвского Дворца съездов. Чудесам в жизни Иона Дегена несть числа. Про него у меня четыре строчки:

*Непостижим Ион Деген,
Полна чудес его дорога.
Не сомневаюсь, вот где ген
Судьбы, дарованный от Бога.*

Он был един во многих лицах – Воин, Врач, Учёный, Писатель, Поэт, и всё это с большой буквы, да ещё с какой большой! Его восемь строк признаны лучшим стихом о войне.

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*

*Поздравление
с 90-летием.
Слева сын
Иона Юрий,
справа
мы с женой*

В 16 лет Ион Деген, ещё не окончив школу, начал войну добровольцем в июне 41-го, а закончил героем-танкистом с полной грудью орденов и медалей. Смертельно раненый в январе 45-го, он чудом остался жить. Окончил мединститут, стал знаменитым врачом-ортопедом, доктором наук. Одновременно написал много рассказов и стихов о войне и не только о ней. Но то, что о войне, могу по силе правды сравнить лишь с «Колымскими рассказами» Шаламова.

Не стану пересказывать насыщенную событиями жизнь Иона Дегена. Интересующихся могу отослать к своему очерку «Слово об Ионе Дегене». А здесь я хочу привести отрывки из письма, которое не так давно переслал мне Ион.

Дорогой Ион Лазаревич, здравствуйте.

Меня зовут Ирина. Я киевлянка, Ваша бывшая пациентка, которая недавно случайно нашла в Интернете информацию о Вас. Я благодарна Богу, что могу, наконец, выполнить свою мечту и поблагодарить Вас за то, что Вы около 50 лет тому назад спасли ногу и судьбу 10-летней девочки, которая очень хотела танцевать и учиться в нормальной школе.

У меня была жидкость в коленной чашечке. Мне поставили тогда диагноз – туберкулёз кости. Уже было направление

в туберкулёзный интернат под Киевом. Врачи сказали, что я никогда не буду танцевать и доучиваться буду в специнтернате. Крушение всех надежд...

И тогда Бог послал Вас! Моим родителям, которые были наслышаны о том, что Вы творите чудеса, как-то удалось привести Вас к нам домой. Я уже не могла наступать на ногу. Вы поднялись на наш пятый этаж без лифта. Я Вас помню с палочкой у моей кровати (это знаменитая самодельная палочка, без которой Ион не мог ходить и с которой связано много остросюжетных случаев в его жизни. – Ю.С.).

У меня до сих пор в ушах Ваши судьбоносные слова: «Успокойся, через месяц ты будешь танцевать!» Я помню камфорные компрессы и мою коленную чашечку, которая приходила в норму. Через месяц я пошла на первую репетицию во Дворец пионеров и вернулась в свою школу.

И вот мне уже почти 60 лет. Когда-то мои родители потеряли Вас из виду, но я помнила слова мамы: «Ирочка, своим выздоровлением ты обязана доктору Дегену». Не знаю, как бы сложилась моя судьба, если бы мама и папа не обратились к Вам.

Посему от всей души хочу выразить свою бесконечную признательность и искреннюю благодарность Вам, гениальному врачу, герою-танкисту, чудесному поэту и уникальному человеку! Вы стали моим Ангелом-Хранителем.

Простите, пожалуйста, что моя благодарность задержалась на 50 лет. Мне очень хочется приехать в Израиль и преклонить перед Вами колено, которое Вы спасли. Я сделаю всё возможное, чтобы в ближайшее время это осуществить. А пока пусть это письмо передаст Вам самые тёплые чувства и пожелания здоровья и благополучия от Вашей благодарной пациентки.

Низкий Вам поклон, дорогой Ион Лазаревич.

С уважением, Ирина Волкова
(бывшая Ира Дымченко)

Вот такое письмо. Достаточно его одного, чтобы оправдать жизнь. К сожалению, Ирина уже не сможет преклонить колено перед Ионом.

А похожих писем Ион получал великое множество. Открытая Ионом Дегеном магнитотерапия, о которой им написана научная монография, спасла многих от хирургических операций.

Последний раз мы встретились с Ионом 29 марта этого года. Он был очень слаб, с трудом поднялся с постели. У него не было никаких сомнений, что он уходит, но не было не то что трагизма, а даже печали по этому поводу. На мои какие-то глупые попытки говорить слова, что всё ещё может быть хорошо, он ответил: «Кончай... Всему раньше или позже приходит конец. Нынче моя очередь. Помнишь мою «Молитву»?

И он прочитал строчки из своего замечательного стиха, а память у него была удивительная до последнего часа:

*За всё, Господь, благодарю,
За радости и за страдания,
За точно по календарю
Цветение и увядание...*

И многое «за что» заканчивалось словами:

*...За то, что всюду в час любой
Вокруг меня родные лица.
За то, что говорю с Тобой
Я, не наученный молиться.*

*За звонкий золотой закат,
За день, что не напрасно прожит.*

*За радость бытия стократ
Спасибо, мой великий Боже!*

Ион был счастлив. Он любил свою страну Израиль. Он искренне радовался её победам и остро переживал её неудачи. Запомнилось, как однажды мы были в гостях у Дегенов и когда, уходя, прощались, Ион приобнял наших сыновей и сказал, обращаясь ко мне: «А они мне ближе, чем ты». И, выдержав паузу, добавил: «Они израильтяне!»

Несколько месяцев тому назад получил от Иона письмо:

...Мне девяносто второй год. Ещё юношей научился встречать смерть без паники. Главное – приучить внуков к тому, что всё идёт своим чередом, как и должно идти. Юмор в таких случаях большое подспорье.

*Во мне нахально хулиганит тумор.
И так как я пока ещё не умер,
Сильнее тумора еврейский юмор.
Он даже обезболивать умеет.*

*Открытым текстом сказано еврею
О том, что срочно ожидаем там.
Облегчить чтоб труды гробовщикам,
Сейчас катастрофически худею.*

*Одно лишь не могу исправить жлобство,
Любимым причиняю неудобство.*

Многие ли способны в такой ситуации с такой самоиронией посмотреть на себя со стороны?!

За последние полтора-два года Ион написал много новых стихов. Они обо всём, что было в его жизни, именно, в его. Большую подборку этих стихов опубликовал журнал «Время и Место».

А ниже строчки, написанные 21 января этого года, в годовщину его смертельного ранения. Эту дату Ион отмечал, как своё второе рождение.

*...Я уже четырёх поколениям
Атеистов представлен, как чудо!
Чудо! После смертельных ранений.
Почему же сомнеьям запруда?..
Если к чудам бывлым недобор,
То диагноз сейчас – приговор.*

И вот нет с нами больше Иона Дегена. Он умер перед наступлением субботы, а это ещё один штрих в подтверждение его праведности.

Личность по имени Ион Деген оставалась во все времена достойной заглавной буквы. Такой Личности невозможно подражать. Ею надо быть.

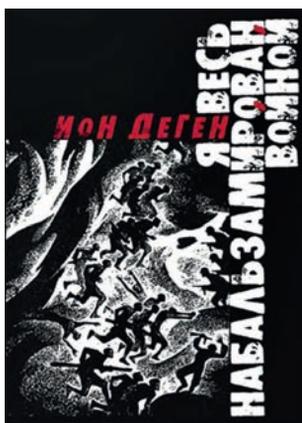
Дорогой мой Ион, светлая тебе память!

28 апреля 2017 года

*Обложка книги
Иона Дегена
«Война никогда
не кончается»
с послесловием
Юрия Солодкина*

СЛОВО ОБ АРКАДИИ ТИМОРЕ

Аркадий Тимор

Небольшим тиражом вышла книга избранных рассказов и стихов Иона Дегена «Я весь набальзамирован войной...» с рисунками Аркадия Тимора. Мысль проиллюстрировать книгу возникла, когда текст был готов к печати, и Деген вспомнил, что его друг Аркадий Тимор, художник-любитель, неплохо рисовал во время войны и после. Аркадия, к сожалению, уже не было среди нас, но удалось найти диск, на котором оказались записанными пятьдесят рисунков Тимора. Почти все они органически вошли в книгу и украсили её. Это неудивительно, поскольку и Аркадий, и Ион, оба во время войны были танкистами.

Однако на этом не была поставлена точка. После знакомства с биографией Аркадия Тимора оказалось, что его жизнь не менее героическая, чем жизнь самого Иона Дегена. В конце книги появилось короткое «Слово о художнике», отдающее дань памяти герою. А теперь считаю своим долгом отдельно

и более подробно рассказать об Аркадии Тиморе с тем же восхищением, которое охватывало меня, когда я писал «Слово об Ионе Дегене». Читая воспоминания друзей и коллег о Тиморе, читая прозу и стихи самого Аркадия, я не уставал изумляться жизни, которая прожита им. И Тимор и Деген – это герои России и Израиля, достойнейшие представители почти полностью ушедшего поколения наших отцов.

Основные материалы почерпнуты из журнала «Слово инвалида войны», основателем и главным редактором которого, а также автором многих статей, стихов и рисунков был Аркадий Тимор. Последний, 20-й номер этого журнала вышел в марте 2006 года и целиком посвящён его памяти.

Аркадий Тимор родился в декабре 1919 года в местечке Дубосары, расположенном на левом берегу Днестра, и поначалу был Абрамом Кацевманом. Один из друзей детства вспоминает, что отец Абраши был шапочником, детей в семье было мал мала меньше, и жили трудно и голодно в то послереволюционное время. Абраша начал учиться в еврейской школе на идиш. Был очень активным учеником, всё схватывал на лету, писал стихи, естественно, на идиш, в школьную стенную газету.

Окончив семилетку, Абрам в 1936 году поступает в одесский мукомольный техникум, но подоспел призывной возраст, и его, не дав завершить учёбу, призывают в армию. Он становится курсантом Нарофоминского танкового училища. С именем Абрам, которое звучало, как обидная кличка, жить было очень непросто.

Обложка журнала, посвящённого памяти главного редактора Аркадия Тимора

*С Героем
Советского
Союза Игнатом
Дьяченко,
спасшим
на фронте
жизнь Аркадия,
1943 год*

И без того хватало унижений по пятому пункту. Поэтому Абраша (и кто посмеет бросить в него камень?) стал звать себя Аркаша, и с именем Аркадий сроднился на всю свою жизнь.

– Мой первый солдатский дом, – рассказывает Аркадий, – был в 55-й легкотанковой бригаде в Наро-Фоминске. Летом 1940 года она была преобразована в 14-ю танковую дивизию. В её составе я вступил в свой первый бой в конце июня 1941 года. Через три дня лёгкое ранение в руку и ногу. Подлечили тут же, в полевом госпитале. Потом были бои в районе Смоленска и известная соловьёвская переправа через Днепр в районе села Ярцево. Впервые увидел реку, в которой вода была красной от крови. А дальше отступление на восток к Можайскому шоссе, к Москве.

– С боями, – продолжает Аркадий, – вышли из окружения. Были переброшены на Волховский фронт, и в составе 122-й танковой бригады несколько раз безуспешно пытались прорваться к блокадному Ленинграду. Во время одного из боёв возле рабочего посёлка Синявино я был дважды тяжело ранен. Один из осколков в нескольких миллиметрах от сердца хирург испугался удалить, и тот остался «на память» на всю мою жизнь.

Несколько месяцев лечения в госпитале. После такого ранения сам Бог велел куда-нибудь в тыл. Хватит, навоевался. Кто упрекнёт? Но у него свои счёты к фашистам.

*Тимор
и Дьяченко,
1959 год*

В сентябре 1941 года в его родном молдавском местечке Дубоссары от рук фашистов погибла вся его родня, близкая и дальняя, всего 55 человек. Евреи Дубоссар умели постоять за себя. Им даже удавалось в прошлом защитить себя от погромов. И на этот раз они оказали сопротивление гитлеровцам. Был настоящий бой, который вошёл в еврейскую историю как один из немногих случаев активного еврейского сопротивления врагу. Было уничтожено более 60-ти фашистов. Не было никаких надежд на победу, но было единственное желание мужественно и достойно принять смерть в бою. И приняли героическую смерть.

Обозлённые фашисты покарали жуткой местью за своих убитых. Они согнали в Дубоссары восемнадцать с половиной тысяч евреев из Дубоссар и округи и зверски всех убили. Среди них 38-летняя мать Аркадия, его самая младшая двухлетняя сестрёнка, 86-летняя бабушка и 93-летний дед. Вспоминает Аркадий и 10-летнего брата-крепыша Лёвку и 12-летнюю сестричку-красавицу Полинушку. Да разве назовёшь поимённо всю многочисленную погибшую семью! Только отца не было там в Дубоссарах. Его призвали в армию. Он стал минёром и погиб под Калинином.

Аркадий остался совсем один. В многочисленных интервью, рассказывая о трагедии своей семьи, он никогда не мог сдержать

слёз. Эта душевная боль всегда была с ним, и страдал он от неё гораздо больше, чем от физических ран.

Под Иерусалимом посажен лес, увековечивший память о погибших в Дубоссарах. Он так и называется – Дубоссарский лес. Аркадий бывал в этом лесу, подолгу сидел среди деревьев, молча говорил с ними и прислушивался к шелесту листьев, пытаясь различить живущие в его памяти голоса.

Теперь понятно, какие счёты у Аркадия были к фашистам, и он после госпиталя с осколком у сердца возвращается в свою 122-ю танковую бригаду. В её составе он участвует в прорыве блокады Ленинграда. Ещё раз ранен, но это не мешает ему снова вернуться на фронт, теперь в 18-й танковый полк. С этим полком он прошёл с боями по дорогам Прибалтики, Польши и Германии. В Данциге снова лёгкое ранение, которое не помешало Аркадию Кацевману закончить войну в Берлине подполковником, командиром полка самоходных орудий.

Казалось бы, на вражеской территории он должен дать волю чувству мести. Вот что рассказывает об этом сам Аркадий:

– В Берлине шли тяжёлые бои. Мы знали, что это конец войны. Наступил момент, когда каждый осознал потерянное, и пришёл черёд призывам к мести. Речь шла о священной мести, если она вообще бывает священной. Для меня месть не означала сделать то, что причинили мне «они». По «их» логике раз вся моя семья погибла, я должен уничтожить таких же, как мои, невинных людей. Внутри у меня всё кипело...

Тогда снизошла на меня то ли жалость, то ли милосердие какое-то зацепило, только вдруг подумалось – вот тот же ребёнок, как мои сестричка или братишка, ходит оборванный и голодный. И принял я решение, и отдал приказ, вопреки негласным указаниям, выделить от моего полка две полевые кухни. Одна стояла на Александер-плац, другая – в пятистах метрах дальше. Круглые сутки варили супы, и было объявлено, что дети, женщины и старики могут прийти и поесть, не предъявляя никаких документов, но чтобы они знали, что командир части, которой принадлежат эти кухни, еврей. Для меня было очень важно, чтобы они знали, что это еврей. Несколько раз я проходил мимо этих кухонь и испытывал огромное удовлетворение от всего, что видел. Такой была моя месть.

Может ли что-то ещё более ярко говорить о личности Аркадия Кацевмана?

Когда Аркадий рассказывал о войне, он никогда не упоминал о своих наградах. А у него целый набор орденов – Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны, Красной Звезды и большое число медалей. В 1995 году к этим орденам прибавился ещё один. Аркадия Кацевмана, который после эмиграции в Израиль сменил фамилию и стал Аркадием Тимором, пригласили в Москву на юбилейные торжества по случаю 50-летия со Дня Победы. Он был Председателем Совета ветеранов Великой Отечественной войны, которых немало оказалось в Израиле. Указом Президента Российской Федерации Бориса Ельцина от 1 апреля 1995 года Аркадий Тимор был награждён орденом Дружбы народов, вручённым ему на торжественном заседании.

Но это было через 50 лет, а пока подполковник Кацевман после Победы остался служить в оккупированной Германии. А куда, собственно, было возвращаться? В Дубоссары, где всё будет напоминать об утраченной семье и только усиливать боль? А куда ещё? Не было ответа. Тем более, что незадолго до конца войны не иначе как Бог послал ему встречу, во многом определившую его дальнейшую судьбу.

В районе Старгарда 18-й танковый полк освободил узников немецкого концлагеря. Среди них была польская семья Богдоль. Попала она в лагерь, скорее всего, из-за того, что кто-то из этой семьи был участником антифашистского сопротивления. Из толпы узников выбежала красивая девушка и бросилась на шею молодому советскому офицеру-освободителю. Ещё как молодому! Подполковнику Кацевману едва исполнилось 25. Девушка обнимала и целовала его, плача и что-то говоря по-польски. А он опустил в растерянности руки, не решаясь обнять её в ответ. Из дальнего уголка души явилось забытое за четыре года войны чувство любви и заполнило его всего. Девушка замерла, положив голову ему на грудь, и так они стояли минуту, час, вечность, как будто небесным магнитом их притянуло друг к другу.

Галина Богдоль – доля Бога, воля Бога. Разве такое может быть случайным, не задуманным Вершителем судеб? Галина Бог-

доль стала его женой, его единственной любовью на всю жизнь. В Дрездене у них родился сын Борис, названный в честь погибшего деда, отца Аркадия.

Подполковника Кацевмана назначили начальником танковой школы. Тут на него обратили внимание представители «Хаганы», пытавшиеся завязать контакты с евреями-офицерами Советской армии. Аркадий Тимор никогда не рассказывал об этом, но это стало известным из рассекреченных документов тель-авивского архива истории «Хаганы».

Два сионистских активиста Цви Нецер и Шауль Авигур вели беседы с Тимором о судьбе еврейского народа, о необходимости иметь своё еврейское государство, о том, что волны антисемитизма плещут во всех странах рассеяния, и раньше или позже обязательно возникнет цунами нового Холокоста. Эти разговоры были близки к собственным размышлениям Аркадия.

Не успела закончиться война, а уже начались разговоры, что евреи воевали в Ташкенте. И это при том, что почти полмиллиона евреев воевало на фронте, двести тысяч не вернулись с войны, многие получили звание Героев Советского Союза. А всех-то евреев было примерно два миллиона. Значит, воевало почти всё боеспособное советское еврейство. Как обидно звучали слова маршала Жукова, которые гуляли по армии. Когда маршалу принесли список отличившихся в боях за Берлин, представленных к званию Героев, он вычеркнул всех евреев со словами: «По евреям мы план уже выполнили». Никуда не денешься, второго сорта ты человек, Аркадий Кацевман, в братской семье народов.

«Хагана» получила интересующие её учебные материалы по американским танкам «Шерман» и советским Т-34. Как отнестись к этому? Очень непростой вопрос, и однозначного ответа на него у меня нет. Могу только вспомнить замечательную фразу одного из героев фильма «Берегись автомобиля»: «Он, конечно, виноват, но он не виноват!»

После Германии Аркадий Кацевман для продолжения службы был отправлен в далёкий Забайкальский военный округ. Суровый климат оказался губительным для маленького Бориса, который родился с врождённым заболеванием почек. Попытка перевестись

в более подходящие для жизни края не увенчалась успехом, и болезнь сына стала причиной, по которой подполковник Кацевман попросился в отставку. Просьба была удовлетворена, и семья переехала в литовский город Каунас. Здесь Аркадий окончил политехнический институт, получив диплом инженера-механика.

Он начал работать на Каунасском заводе сельскохозяйственного машиностроения, но не удивлюсь, если этот завод производил танки. Знаю, что новосибирский Сибсельмаш тоже был заводом сельхозмашиностроения, но являлся одним из крупнейших производителей патронов и снарядов для армии. Как тут не вспомнить Козьму Пруткову: если на клетке со львом написано «осёл», не верь глазам своим.

Талантливый инженер и блестящий организатор, Кацевман в короткий срок становится главным инженером, а затем и директором завода. Но начинается борьба с космополитами, и антисемитизм расцветает пышным цветом. И объяснять никому не надо, что космополит и еврей суть синонимы. Правы, похоже, были те сионские активисты в Берлине, которые видели спасение для евреев только в своём государстве.

Всего ничего прошло со дня Победы, а уже убит, и кто бы в этом сомневался, Михоэлс, расстрелян Еврейский антифашистский комитет. А дальше вселяющее ужас Дело врачей-убийц, и уже не привычные волны антисемитизма, а цунами, грозящий смыть всех евреев в забытые Богом края или на тот свет. Как тут не задуматься о будущем? А что ждёт их тяжело больного и совсем маленького сына?

Мысли об эмиграции возникали давно. В 1948 году, когда было провозглашено государство Израиль, 14 боевых офицеров-евреев обратились с просьбой к Советскому правительству отправить их в Израиль для помощи молодому государству. Было известно, что Сталин поддержал создание Израиля, но откуда им было знать, что их желание покинуть Советский Союз будет приравнено к предательству. Аркадий был готов присоединиться к боевым товарищам, но Галина буквально повисла у него на руках, предчувствуя беду. Она уговорила его не спешить, и вскоре Аркадий узнал, что все 14 исчезли и, как выяснилось позже, были расстреляны. «Я обязан ей жизнью», – всегда говорил Аркадий, вспоминая об этом.

О легальной эмиграции в Израиль не могло быть и речи, и Кацевманы подали заявление на выезд в Польшу. Ничего удивительного, жена полячка и хочет вернуться на родину. Но бдительное око гэбэшников не проведёшь. То ли кто-то из «друзей» оказался сексотом, то ли сами опричники заподозрили обман, но вместо разрешения на выезд – арест за сионистскую пропаганду, побои, лишение орденов, лагерь.

Аркадий никогда не делился воспоминаниями о своей лагерной жизни. Но у него есть короткий и ёмкий стих с говорящим заглавием: «Однонарнику».

*Попраны и совесть и свобода.
Нас загнали в беспредельный мрак.
Ты сегодня сын врага народа,
Я из плена. Значит, тоже враг.*

*Я не знал того, что нас так много
И что здесь хоронят без гробов.
Я не знал, как широка дорога
В этот мир голодных и рабов.*

*Выдюжим. Упрямы мы недаром.
Нас непросто растоптать в пыли.
Выдюжим, мой старьёй друг по нарам,
Лагерь – это тоже соль земли.*

Галина, посланная Богом Галина, кинулась спасать мужа. Быстро стало понятно, что ни гэбэшные, ни партийные начальники, как их ни умоляй, не придут на помощь. Последняя надежда на то, что поможет израильское или польское посольство. И Галина едет в Москву. Её принимают, выслушивают, обещают помочь. А дальше история умалчивает, кто помог. Скорее всего, польское посольство решило помочь мужу польской гражданки, желающей уехать с семьёй в Польшу. Как бы то ни было, важно, что её Аркадий вернулся домой не через 14 лет, которые потребовал прокурор, а после недолгой отсидки.

В 1960 году Кацевманы через Польшу эмигрируют в Израиль, и меняют, как это делали многие эмигранты, фамилию. Теперь он Аркадий Тимор, «оле» на святой земле.

Мне стало любопытно, почему «Тимор», что означает это слово на иврите? Этот вопрос оказался непростым даже для тех, кого называют сабрами. Полагают, что слово «тимор» связано с храмовым предметом, за которым скрыта какая-то тайна. Случаен ли этот выбор? Кто знает. Никогда в разговоре даже с самыми близкими друзьями Аркадий не упоминал об этом, и даже про берлинские встречи они узнали из Интернета уже после его смерти.

Аркадий Тимор начал службу инженером бронетехники в ЦАХАЛе – Армии обороны Израиля. Ему всего сорок с небольшим. Он полон энергии и энтузиазма. И Борис (какая это радость!) начал чувствовать себя лучше. Высокий профессионализм, умение общаться, упорство, когда надо настоять на своём – всё это в короткое время сделало Аркадия Тимора уважаемым и авторитетным специалистом. Забегая вперёд, скажем, что и в ЦАХАЛе он дослужился до чина подполковника.

Разразилась Шестидневная война. Аркадию было поручено на радиостанции «Голос Израиля» давать фронтовые репортажи для русскоязычных слушателей.

Вспоминает Ион Деген:

– На волне тринадцать метров, которая не глушилась, так как в советских приёмниках не было этой частоты, на хорошем русском языке военный обозреватель спокойно рассказывал о первых двух днях боёв, о фантастических победах израильской армии. Его лёгкий южно-русский акцент придавал рассказу такую убедительность, что не было никаких сомнений в правдивости его слов.

*Ведущий программы
на русском радио*

Это было в Киеве. А пять лет спустя, уже в Израиле, в один из первых месяцев эмиграции мы попали на лекцию об Армии обороны Израиля и о военной доктрине. Я с восторгом смотрел на лектора и впитывал каждое его слово, хотя кое-что знал об этом раньше. Образная речь свидетельствовала о том, что лектор явно не чужд литературы. Стал бы он иначе, рассказывая об армии, цитировать стихи? Но главное, меня не оставляла мысль, что я уже слышал этот голос. Где? Каким образом? Имя лектора – Аркадий Тимор – мне тоже ничего не говорило. И только года два спустя я узнал, что Аркадий Тимор и был тем самым военным обозревателем радиостанции «Голос Израиля», которого мы с такой жадностью слушали в Киеве.

Тимор и Деген стали близкими друзьями, хотя имели (а может, и потому, что имели) очень несхожие характеры. У Дегена была мгновенная спонтанная реакция без осмысливания последствий. У Тимора реакция была разумная, взвешенная, без резкого всплеска эмоций. Но для обоих во всех ситуациях важнее всего были собственные честь и достоинство.

Более тридцати лет Тимор имел, по его выражению, свой уголок на радио. Им написаны тысячи статей и несколько книг. И все они, пишет автор, имели единственную цель – рассказать правду о войне и её героях. Но это зов души, а главным делом Тимора оставались танки.

В Шестидневную войну ярко проявились инженерные и организационные способности Тимора. В составе группы, возглавляемой начальником Генерального штаба, Аркадий Тимор участвовал в инспекционной поездке на Голанские высоты после сокрушения сирийской танковой армады. Они увидели в долине сотни не только подбитых, но и брошенных в целости и сохранности танков. Это были советские танки Т-54, Т-55, хорошо знакомые Тимору. Он попросил дать ему возможность отремонтировать и модернизировать танки и поставить их на службу ЦАХАЛу.

Начальство скептически восприняло эту идею. Было известно, что во время Отечественной войны немцы захватили немалое количество советских танков, но освоить их себе на пользу не смогли. Не потому ли, что у них не было такого глубокого зна-

тока советской бронетехники и такого энтузиаста, как Тимор? В течение нескольких месяцев в ЦАХАЛе были созданы две танковые бригады, укомплектованные танками «Тиран-4» и «Тиран-5». Это были восстановленные и переоборудованные Т-54 и Т-55. Позднее советский танк Т-62 после доработки под руководством Тимора стал «Тираном-6».

Вот что сказал об Аркадии Тиморе генерал Армии обороны Израиля, «мистер Танк» Израэль Таль, один из трёх танковых генералов, разгромивших египтян в Шестидневную войну за 36 часов:

– Аркадий целиком отдался укреплению оборонной мощи Израиля. Он солдат и мечтатель. Идеалист. Он мозг и главная штабная инженерно-техническая сила, человек с широким горизонтом и дальним прицелом. Его большое преимущество – боевой опыт, накопленный за годы в Советской армии. Он специалист по советским бронетанковым силам. Когда в ходе нескольких войн мы захватили в качестве трофея советские танки, самоходные установки, бронетранспортёры и прочую бронетехнику, он был главным, обеспечивающим освоение, переоборудование этих машин и приспособление их к нашим условиям.

Дорогого стоит отзыв о Тиморе израильского бригадного генерала Авигдора Кахалани, одного из немногих, получивших отличительный знак Героя Израиля.

В Израиле нет орденов. Есть три медали на небольших прямоугольных ленточках: жёлтой – Героизм, красной – Отвага и голубой – Пример. Никто из награждённых не носит эти медали на груди. Носят только скромные ленточки, соответствующие медалям. Цена наград очень высока. За всю историю непрерывных войн молодого государства, при всеобщем героизме народа

*С генералом
Израэлем Талем,
«мистером Танком»*

только 41 человек получили звание Героя Израиля, из них 21 – посмертно. Авигдор Кахалани единственный, получивший две ленточки – голубую за Шестидневную войну и жёлтую за войну Судного дня.

Так вот Кахалани, дружески общавшийся с Тимором, говорил о нём:

– Он заслужил нашу безмерную благодарность за вклад в вооружённые силы Израиля, за превращение советских танков в израильские «тираны». При этом его отличают замечательные человеческие качества – доброта и терпимость к непониманию. Он не только блестящий специалист и организатор, но и обладает отличным преподавательским умением.

После войны Судного дня Кахалани с Тимором и другими офицерами принимали заезжего немецкого генерала. Они привезли его на Голаны, чтобы показать, где проходили танковые бои. Напомним, что Аркадий начинал учиться на идише и немецким владел свободно. Он с гордостью рассказывал о подвиге танкового батальона под командованием стоящего рядом 29-летнего подполковника Авигдора Кахалани. Слева виднелись дома дружской деревни на фоне горы Хермон. Справа, на юге, даже без бинокля можно было разглядеть развалины сирийского города Кунейтра. А внизу, в долине сотни советских танков Т-55 и Т-62, сгоревших, подбитых и целых, брошенных убежавшими сирийцами. При этом Тимор не умолчал о грубых ошибках израильского руководства, приведших к тяжёлым потерям. Только подвиг батальона Кахалани спас положение. Тимор так говорил об этом, что немецкому генералу показалось, будто он рассказывает не о победе, а о поражении. Когда Аркадий закончил, после минутного молчания, глядя на кладбище советских танков сирийской армии, генерал заметил:

– Станный вы народ, евреи. И это вы называете поражением? Да если бы мы, немцы, уничтожили столько танков в одном бою, мы бы в течение веков праздновали небывалую победу.

За создание на базе советских танков израильских «тиранов» Аркадия Тимора назвали «отцом русских танков». Ион Деген вспоминает, что однажды Аркадий привёз его в израильскую танковую

дивизию, полностью оснащённую советской техникой – танками, бронетранспортёрами, танковыми тральщиками, танковыми мостами, тягачами. Всё это богатство было захвачено в боях с арабами. И ещё Аркадий показал ему завод, на котором собирают лучшие в мире танки «Меркава». Тимор был членом коллектива, создавшего этот знаменитый израильский танк.

Годы берут своё. Аркадий Тимор заканчивает службу в ЦАХАЛе. Пятьдесят один год в общей сложности солдатский стаж ветерана, подполковника двух армий, советской и израильской, Аркадия Тимора.

У Аркадия не было проблемы, чем заняться после выхода в отставку. Он человек исключительно разносторонних дарований. О его даре художника уже было сказано в самом начале. Кроме этого, у него очевидные литературные способности. Он любит поэзию и сам пишет стихи. Все они о войне, о её героях, о беспримерном мужестве, которое не может быть забыто. Он задумал и создал уже упомянутый в начале уникальный журнал «Слово инвалида войны», и, как пишут его коллеги по работе в журнале, можно восхищаться, с каким упорством и тщательностью он разыскивал и собирал материалы для публикаций.

Его «Словом редактора» открывался каждый номер журнала. Во всех его публикациях, как завет, звучало: «Помнить всех и всё в судьбоносной для евреев войне 1939–1945 годов. Победа над фашизмом вручила еврейскому народу ключи от родного дома». Он любил это повторять, он призывал всех, кто ещё помнит, писать и рассказывать об этом детям и внукам, чтобы память о великой победе и победителях сохранилась в грядущих поколениях. После смерти Тимора журнал прекратил своё существование, и это подтверждение тому, что незаменимые люди всё же бывают.

В коротком стихотворении «Память» Аркадий очень точно выражает чувство своей одновременно любви и ненависти к войне:

*...Как печётся война обо мне,
Бережёт мои кости и кровь.
Я солдат! И за это вдвойне
Проклинаю такую любовь.*

*Я с войной рассчитался сполна.
Втрое больше осталось за ней.
Раз меня пощадила Война,
Я не смею забыть о Войне.*

Он пишет «Война» с большой буквы. Для него это имя собственное.

Ему была очень близка песня Владимира Высоцкого, которую он считал гениальной и часто цитировал последние строчки: «Всё теперь одному, только кажется мне, / Это я не вернулся из боя». С этой песней перекликаются собственные строчки Аркадия, призывающие хоть на денёк собраться тех, кого нет.

*Годы ушли, забывается юность.
Мокнет в бору опустевшая хата.
Где вы, друзья? Отзовитесь, молю вас!
Хоть на денёк соберёмся, ребята.*

*Вдоволь надышимся свежестью ранней,
Разных цветов ароматом рассветным.
Если от песен и воспоминаний
Слёзы нахлынут, смахнём незаметно.*

*Вспыхнет костёр, как и смолоду, жаркий
Где-нибудь в чаще еловой, сосновой.
Сядем, ольховые скрутим сигарки,
И затуманятся головы снова.*

*Утром, проснувшись под гомон зелёный,
Мы восхитимся, как будто впервые,
Вкусом картошкы, в золе испечённой.
Хоть на денёк соберёмся, родные.*

Именно родными были для него те, с которыми он воевал рядом. Закончу рассказ об Аркадии Тиморе случаем, который произошёл с ним в больнице. Осколок, находящийся возле сердца,

с годами всё чаще беспокоил. На сей раз он стал причиной болей, заставивших врачей госпитализировать Тимора и произвести зондирование сердечной артерии.

Он лежал на операционном столе. За стеклянной перегородкой группа студентов-медиков ожидала начала показательного занятия. Вошёл профессор. И тут произошло необычное. Профессор посмотрел на пациента и вдруг обратился к нему, отдавая честь:

– Мефакед! (Командир!)

Аркадий удивлённо посмотрел на профессора.

– Ты меня не узнаешь? – спросил профессор. – Я был водителем твоего «Тирана».

Изумлённым студентам профессор с восторгом рассказал о вкладе Аркадия Тимора в оборону Израиля. Закончив рассказ, он негромко запел песню израильских танкистов. Несколько студентов, бывших танкистов, сначала неуверенно тихо, потом всё громче и громче подхватили песню. А пациент лежал и не стеснялся катившихся слёз.

Март 2013 года

В ГОСТЯХ Ч ИЕРУСАЛИМА

1

... Глаз не насытится тем, что видит, ухо не наполнится тем, что слышит... – эти слова из кладезя библейской мудрости – книги Экклезиаста можно без сомнения отнести к Иерусалиму, городу с неисчерпаемой историей, полному Божественных чудес, свидетелю удивительных событий, определивших ход нашей цивилизации.

Ле-шана абаа бэ-Йерушалаим, следующий год в Иерусалиме – как заклинание, как молитву, повторяли из поколения в поколение изгнанные из Земли обетованной евреи. Сколько этих поколений сменилось за две тысячи лет! Рассеянные по разным странам, заговорившие на разных языках и наречиях евреи повторяли на исчезнувшем для общения иврите «Ле-шана абаа бэ-Йерушалаим» и верили, что это раньше или позже случится.

Он решил, что может, наконец, осуществить мечту своих предков. Сразу после войны многим полякам, в том числе, польским евреям, оказавшимся в СССР, было разрешено вернуться на родину. Пять семей российских евреев, не сомневавшихся, что начавшаяся борьба с космополитами означает новую волну антисемитизма, надумали воспользоваться ситуацией, подделали документы, указав местом рождения Польшу, и доехали до Львова, откуда рукой подать до Польши, а из Польши, как было известно, нет больших проблем взойти в Иерусалим. Однако бдительное чекистское око не дремало. Кто проговорился, кто донёс – история умалчивает, но все пять глав семейств были арестованы.

Передо мной обвинительное заключение по следственному делу от 6 февраля 1948 года. Что может быть интереснее подлинных документов? Цитирую (здесь и в дальнейшем изменив имена только главных героев по просьбе одного из них):

«8-го февраля 1947 года Управление Контрразведки МГБ Прикарпатского военного округа при попытке бежать за границу был арестован некто Рахлин Борух Исаакович».

Далее перечисляются «преступные замыслы и практические шаги» и отмечается, что обвиняемый «действовал не индивидуально, а как участник антисоветской, буржуазно-националистической организации хасидов».

Перечисляются главные задачи этой организации:

«а) обработка евреев в духе привития им антисоветских, религиозно-националистических убеждений и частно-капиталистических стремлений;

б) подготовка и осуществление массовой нелегальной переброски антисоветски, буржуазно-националистически настроенных евреев из СССР за границу – в Польшу, Англию, Америку, Палестину».

Упомянется и «проживающий в США лидер еврейских буржуазных националистов Ицхак Шнеерсон», который руководил организацией хасидов в СССР «нелегально, через зашифрованную переписку и общие дерективы».

После упоминания «подпольных комитетов», из которых «наиболее популярным и деятельным являлся Львовский подпольный комитет» делается вывод:

«Таким образом, возникшее во Львове по поводу попытки нарушения госграницы дело на Рахлина приобрело политический, групповой характер».

Думаю, достаточно этого заковыченного малограмотного бреда, растянутого на девять машинописных страниц, в конце которых предлагается мера наказания – 20 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей).

Обратите внимание – от ареста 8 февраля 1947 года до приговора от 6 февраля 1948 года прошёл ровно год. Это был год непрекращающихся допросов и выбивания признательных показаний.

– Все мы люто ненавидели наших мучителей-следователей, – вспоминает Василий Васильевич Парин, крупнейший советский физиолог, заместитель наркома здравоохранения во время войны, один из учредителей Академии медицинских наук и её первый академик-секретарь. Упоминаю его не случайно. Арестованный 18 февраля 1947 года после возвращения из четырёхмесячной командировки в США по обвинению в шпионаже в пользу США, он оказался в той же московской тюрьме и в то же самое время, что и Рахлин.

О встрече с академиком Париным, имеющей прямое отношение к Боруху Рахлину, вспоминает Ион Деген. Деловой разговор между Ионом Лазаревичем и Василием Васильевичем по поводу докторской диссертации Дегена неожиданно коснулся одного тюремного воспоминания академика.

– Уже на стадии следствия по тюрьме поползли слухи про какого-то несгибаемого еврея из Подмосковья, после допросов которого следователи сваливаются от нервного перенапряжения. Среди моих сокамерников, интересных интеллигентных людей, не оказалось таких героев, и я воспринимал рассказ о подмосковном еврее, как красивую легенду. В камере нередко желаемое принимают за действительное. Оказалось, что слухи имеют под собой основание.

Подследственных можно было разделить на две категории – слабых, которые признавали всё, чтобы избежать мучений и издевательств, и сильных, которые не признавали вину, пытаясь доказать её абсурдность, терпели побои, орали от бессилия что-то изменить. Борух, а в миру Борис Рахлин, не принадлежал ни тем, ни другим.

Ещё во Львове после ареста местный следователь по фамилии Вайсер, упомянувший имя вождя и учителя всех народов, услышал в ответ: «Я не верю никому, только Богу одному». Получив за такое кощунство по отношению к вождю удар кулаком по лицу, он, утирая кровь, добавил: «Не боюсь я никого, кроме Бога одного».

– Дуришь народ своим богом, – и за матом-перематом последовал второй удар, после которого из носа потекла кровь на рубаху.

– Вы на нашей крови спасения не обретёте и карьеры себе не сделаете. Не будет вам прощения ни на земле, ни на небе.

Еврей-следователи к евреям-подследственным зачастую оказывались особо жестокими. Им надо было продемонстрировать не только безграничную верность партии и вождю, но и принципиальную беспощадность к соплеменникам – шпионам и врагам народа. А тут ещё рядом то ли помощник, то ли начальник, как не отличиться.

Борис смотрел Вайсеру прямо в лицо. До чего же оно мерзкое! Вроде никакого уродства, лицо как лицо, а ощущение абсолютной мерзости. Он вспомнил картинку из далёкого детства. Ему было лет семь-восемь, когда он подрался с соседским пацаном, обзвавшем его жидом. Ему удалось повалить обидчика на землю и сесть на него верхом. Тот лежал на спине и извивался, как уж. Ребята, собравшиеся вокруг орали: «Бей!», и он хотел, хорошо помнит, что очень хотел ударить по мерзкой роже. Но руки повисли, как плети. Он не мог понять, что случилось. Он встал с обидчика, а тот вскочил на ноги и набросился на него с кулаками. Тогда он плакал от обиды, от своей вдруг возникшей беспомощности. Откуда она взялась?

Много позже он объяснил себе, что это был сигнал свыше. Не надо ему ввязываться в драки, в кулачные разборки. А почему, Ему сверху виднее. Чего это он именно сейчас об этом вспомнил? Может, выражение мерзости на лицах было похожим?

– ...Я тебя спрашиваю!! – злобный крик Вайсера и ещё одна зуботычина вернули его к действительности. – Был или не был?!

Арестованных отправили по месту жительства в Москву, и допросы были продолжены. Жестоких избиений со сломанными костями и отбитыми органами Борух Рахлин, слава Богу, избежал. Хранил его Господь, и он каждый день возносил Ему благодарственные молитвы. А кулаком по лицу или выбитый зуб, так это ерунда по сравнению с покалеченными людьми, которых приволакивали в камеру после допросов.

Диалоги со стороны следователей постоянно перемежались матерными и оскорбительными словами в таком количестве, что они увеличили бы размер диалога минимум в два раза. Да про-

ститися мне лакировка действительности, но матерные слова далее опущены. Уверен, что нет проблемы для русского человека домыслить их самостоятельно.

- Признаёшь ли ты, что нелегально хотел пересечь границу?
- А что делать, если легально нельзя?
- Здесь я задаю вопросы. С какой целью ты хотел это сделать?
- Хотел из Польши отправиться на родину предков в Палестину.

– Какая родина? Какие предки? Там уже давно нет евреев. Это всё сионистская пропаганда врагов Советского Союза.

– Есть евреи, нет евреев. Если нет, то почему мне не быть первым. Наши пророки предсказали возвращение к Сиону, горе, на которой царь Соломон построил Первый храм. Кому от этого плохо, если мы вернёмся?

– Подожди стучать, – следователь обратился к молоденькой машинистке, печатающей протокол. – А тебе сколько раз говорить, что вопросы задаю я. Что за дурацкая еврейская привычка отвечать вопросом на вопрос.

– Зачем столько гнева, гражданин следователь. Вы честно выполняете свою работу. От вас ни одному врагу народа уйти не удастся. А я глубоко религиозный человек, верю в Божественную силу, и что по сравнению с ней пара зуботычин, которую я могу от вас заработать!

Он говорил спокойным, уверенным голосом, никогда его не повышая. Невысокого роста, плотного телосложения, широконосый, с бородой, как и положено хасиду, он смотрел на следователя своими голубыми глазами, как бы выражая сочувствие его тяжёлой работе. Со стороны это могло показаться издёвкой, но у хасида и в мыслях такого не было. В этом была непреклонная собственная сила воли и непоколебимая вера в то, что в любом самом последнем человеке, если он не психически больной, Божья искра существует. Правда, зла вокруг столько, что может мест в аду не хватить.

А следователь незаметно для себя втягивался в разговор.

– Какая Божественная сила? Это опиум для народа, – повторил он заученное определение религии. – Наш народ освободился от по-

пов и раввинов и стал сам хозяином своей судьбы, – почти проделамировал следователь, как на экзамене по политподготовке.

– От человека много зависит, но сила его от веры. У вас от веры в коммунизм и в самую демократическую и справедливую страну Советов, а у меня – от веры в Бога, который наказал нас двумя тысячелетиями изгнания, и за это время наша вера в Него не исчезла. Мы выдержали испытание, и Он возвращает нас на землю Израиля.

– Не бог, а сионистская пропаганда. Она пытается внести раздор в братскую семью народов нашей страны.

– А что, братья обязательно должны думать одинаково? Прошу прощения, гражданин следователь, опять вопрос. Пусть будут разные братья. И пусть себе живут в мире и согласии и где хотят. Только зачем насилие? Что поделать, гражданин следователь, если вопросов больше, чем ответов.

– Типичная мелкобуржуазная пропаганда, – следователь злился на себя, что выслушал эту тираду.

Машинистка, освобождённая от печатания, с любопытством слушала разговор, который должен быть вопросом. Надо поставить этого еврея на место. Иначе где гарантия, что девица не настучит на следователя, который не умеет вести допрос.

– Типичная мелкобуржуазная пропаганда, – повторил он. – Мы единая семья народов. Никакие происки врагов не нарушат наше единство.

Борух-Борис молчал, а следователь решил, что наконец-то этому еврею нечего ответить, и добавил торжествующе:

– Только мракобесы могут верить в существование бога!

– Вы хорошо учились в школе, гражданин следователь. Не знаю про физику и математику, но по истории у вас наверняка были пятёрки. Однако история – это история, а не то, что сегодня нужно одной власти, а завтра другой. Почему из древнего мира исчезло еврейское государство? Не для того ли, чтобы евреи забыли о нём и стали просто советскими людьми, не...

– Опять лекцию читаешь, – перебил следователь, – договоришься, схлопочешь на полную катушку. А что, разве плохо стать одним советским народом, в котором все нации равны?

Спросил и подумал, какого чёрта он дискутирует с этим сионистом. Всё, что надо – получить признательные показания. Да, был связан с хасидским подпольем, да, получал инструкции из-за границы, да, возглавил группу для совершения преступного замысла.

– Хорошо бы так, но не получается, – отвечал тем временем на вопрос следователя хасид. – Все нации, может, и равны, но одна нация равна иначе, чем другие.

– Живите, как все, и будете равны, как все. Всё, хватит. Так признаёшь, что возглавил группу для нелегального перехода границы?

– Мы с этого начали, гражданин следователь. Границу хотел перейти. Но сами посудите, какой из меня глава?

– На вопрос отвечать, да или нет?

– Нет.

– Был членом преступной националистической организации хасидов?

– Хасидом был и есть. И мои друзья хасиды тоже. Мы религиозные люди, исполняющие традиции наших праотцов. Мы никого не притесняем, не калечим. Наша вера помогает нам переносить тяготы жизни. Кому от этого плохо?

– Опять за своё. Был или не был?

– Не был.

– Дети ходили в запрещённую школу, хедЕр или хЕдер, как она у вас называется?

– Это было. Так то же на общественных началах. Хотели, чтобы дети знали историю и веру своего народа.

– Вот и калечили детей. Они, поди, пионерами были, клялись быть верными делу Ленина-Сталина.

– Вожди на Земле, а Бог на небе.

– И кто его видел?

– Так его глазами не увидеть, только душой почувствовать можно. И в вашей душе, гражданин следователь, Он есть. Даже если вы не хотите его признавать. А Он всё равно есть. И его Божественная сила творит чудеса. Разве это не чудо – века гонений, издевательств, истреблений не уничтожили мой народ и его веру в свою судьбу.

– Ты брось меня пропагандировать, гнида сионистская, – прервал монолог следователь. Время допроса заканчивалось, а результат нулевой. Где признательные показания? – Не испытывай моё терпение. В твоих интересах не увливать от прямых ответов, а честно признать себя виновным по всем пунктам. Не хочешь по-хорошему, придётся тебя топить.

Как тут удержаться гражданину Рахлину и не вспомнить Талмуд.

– Как сказал рабби Гилель, увидев плывущий по реке череп: «За то, что ты топил, утопили тебя, но те, кто это сделал, будут также утоплены».

Следователь, услышав незнакомое для себя имя, просветлел лицом:

– Ну вот давно бы так. Кто, ты говоришь, сказал?

– Рабби Гилель.

– Отлично. Где он живёт? Откуда ты его знаешь?

– Он великий мудрец. Жил в Палестине, но давно умер. Две тыщи лет назад.

Просветление лица тут же сменилось потемнением:

– Ну, мудрец, твою мать. Домудруешься у меня!

Он вызвал конвоира и велел увести подследственного.

Сколько похожих разговоров было за год! Чего только не рассказал Борис Рахлин молодому следователю, наученному неприимой борьбе с врагами! И про Авраама и его сыновей Ицхака и Исава, и про Якова с сыновьями, и про Моисея, фараона и десять казней египетских, и про царей Давида и Соломона, и про Первый и Второй Храмы. И всё это вплеталось в ответы на вопросы следователя, постоянно орущего: «Да или нет?!»

И загремел Борух Исаакович Рахлин по приговору на все двадцать лет в ИТЛ. Двадцать не двадцать, а до 1955 года отсидел, когда после смерти вождя всех народов его верный ученик и соратник развенчал культ личности учителя и освободил невинно пострадавших от репрессий. Но это ещё через семь с лишним лет тяжелейших испытаний.

А пока он в «стольпинском» вагоне отправлен к месту отбывания срока, в противоположную сторону от Иерусалима, с которым,

увы, пока не получилось. Казалось бы, нет никаких видимых шансов войти ему в святой город, но одержимым людям они и не требуются. Он верит, что раньше или позже это произойдёт.

«Столыпин» представляет собой почти обычный купейный вагон, но со стороны купе глухая стена без окон, а вместо дверей решётки. Окна есть только в коридоре, по которому ходит конвойный.

В купе «столыпинского» вагона их было четверо. Сам по себе факт удивительный, поскольку норма семь человек, а набивали часто до двенадцати зеков.

Кроме академика Василия Васильевича Парина, сохранившего об этом воспоминание, в купе оказались два высокопоставленных военных – генерал-лейтенант и полковник, бывший военным атташе в Канаде.

– Четвёртым, – рассказывает В. В. Парин, – был тот самый еврей из Подмосковья, о котором не утихала молва среди арестантов. Нам он представился, как Борис Исаакович Рахлин. Внешне он был крепкий, коренастый, но далеко не богатырь. На наш вопрос, правда ли, что он доводил следователей до нервного потрясения, он удивился и ответил, что особых потрясений не наблюдал. Просто возникали разговоры на разные темы, и он, как глубоко религиозный человек, объяснял, что грубая сила граждан следователей ничто в сравнении с Божественной силой, данной его народу.

Нас позабавил этот рассказ. Ничего особо героического в Борисе Исааковиче мы не обнаружили. Так бы это и было, если бы мы не стали свидетелями действительно чуда.

Начальником охранников, именуемых вертухаями, был в нашем вагоне младший лейтенант. Маленький, тщедушный, с прыщеватым лицом, одним словом, мерзкий тип, обделённый любовью. Как ему было не продемонстрировать свою власть над именитыми зеками и не насладиться своей значимостью. Вот они, генералы-академики, и они полностью в его власти. Он может делать с ними всё, что захочет, как полновластный хозяин и герой. Младший лейтенант наказывает генерал-лейтенанта, и тот не может ослушаться. Невежда унижает академика, и тот

должен терпеть. Я ещё как-то крепился, а генерал был на грани самоубийства.

Однажды это вертухайское чудовище появилось у нас среди ночи. Не спалось подонку, решил развлечься. Он поднял генерал-лейтенанта, уличил в каком-то ему одному ведомом нарушении и заставил быстро ложиться на грязный пол, вставать и снова ложиться. Лицо генерала налилось кровью от бессилия и злобы. Он взмок и тяжело дышал, едва успевая выполнять команду «лечь – встать».

Тут с верхней полки соскочил Борис Исаакович. Слегка раскачиваясь, как будто читая молитву, стоя спиной к подонку, он заговорил своим негромким голосом о том, что глядя на гражданина начальника, можно усомниться, что Господь создал человека по образу и подобию своему. Но каким бы ни было тело, оно всего лишь вместилище души. Друзья, поверьте мне, гражданин начальник, в котором мало что осталось человеческого, ещё не полностью завоёван силами ада. Он ещё может возродиться для добра. Товарищ генерал, не мне объяснять вам, что временно превосходящие силы противника ещё не решают исход сражения. Уважаемый академик, не всё можно объяснить высшей нервной деятельностью и комплексами у гражданина начальника. Душа – это поле сражения Добра и Зла. У гражданина начальника ещё есть шанс, и пожелаем ему, чтобы Добро в его душе, очень слабое и подавленное, нашло силы для того, чтобы одолеть Зло, от которого мы сейчас страдаем.

Во время этого монолога «гражданин начальник» стоял, не шелохнувшись, тупо уставившись неподвижным взглядом в спину Бориса Исааковича. Он был в полном ступоре и вряд ли понимал, что именно Борис Исаакович говорил. Скорее всего, голос, тихий, спокойный и уверенный, гипнотизировал ублюдка. Неожиданность ситуации усиливала эффект отупения. Промычав что-то нечленораздельное, «гражданин начальник» вышел из купе, и ни разу больше до самого прибытия в зону эта гадина к нам не заходила.

Тут мы окончательно поверили в уникальные способности еврея из Подмосковья, о которых слышали ещё в тюремных камерах,

а отныне убедились воочию, – закончил рассказ Василий Васильевич, а после небольшой паузы добавил, что и в лагере тем, что выжил, он в значительной степени обязан Борису Исааковичу. Когда хотелось выть от безысходности, когда жизненные силы были на пределе и казалось, что остаётся только помереть, Борис Исаакович, который никогда не впадал не то что в депрессию, но даже в уныние, своим оптимизмом, своей верой и верностью помог выжить и ему, и многим другим.

2

Яше Рахлину было одиннадцать, когда арестовали отца. Увидит он его только через восемь лет девятнадцатилетним юношей, студентом строительного института. Кто бы мог предположить, что строить ему суждено в Иерусалиме!

Связь с отцом не прерывалась, переписка, слава Богу, была разрешена. Но дороже всего были приветы, которые передавали освободившиеся зеки, сидевшие с отцом. Выпив «за нас с вами и за хрен с ними», живые свидетели рассказывали, какой удивительный и всеми в лагере уважаемый человек их муж и отец.

Среди тех многих, которым он помог и примером и словом, был известный всей стране Эдди Рознер, выдающийся трубач и руководитель джаз-оркестра. Его называли «белый Армстронг», считая не менее великим, чем знаменитый американец. Как и Рахлины, Эдди Рознер вместе с женой и дочерью попытался вернуться в Польшу, но был арестован тем же Львовским управлением МГБ и приговорён к десяти годам лагерей. Оказавшись в лагере, музыкант не просто впал в депрессию, а она превратилась в затянувшуюся болезнь. Интерес к жизни был полностью потерян. Уход из жизни был неминуем.

И Борис Рахлин начал борьбу за спасение. Он обладал огромной силой убеждения, основанной на непоколебимой вере в единого Бога Израиля, на верности дарованной Им Торе. Адонай Эхад, единый Бог, Ха-Шем, что в переводе с иврита означает просто Имя с большой буквы, неведомое никому.

О чём говорили они вдвоём с Эдди Рознером, можно только догадываться. Не от него ли тот узнал, что значит быть евреем, что он звено в цепи поколений и как важно ему ощутить себя внутри еврейской истории, как важно достойно выдержать испытания, ниспосланные свыше. Какие слова извлекал хасид из своей жестоковой души? Как реанимировал почти умершую волю к жизни? Нет ответов, но есть результат. Эдди Рознер дождался реабилитации. После освобождения он создал джаз-оркестр при Мосэстраде. Его оркестр исполнял музыку в знаковой советской комедии «Карнавальная ночь». Он приглашался с оркестром во все «голубые огоньки», гастролировал по всей стране. Всего бы этого могло не быть, не окажись рядом с Эдди Рознером в лагере никому не известный хасид Борис Рахлин, память о котором и благодарность которому музыкант сохранил на всю жизнь.

А как рассказать о тяжелейших страданиях, выпавших на долю самого Бориса Рахлина? Как передать ту боль, которая на грани между жизнью и смертью, если сам её не испытал, если сам не прошёл через этот ад? Никакого воображения не хватит, любые невыстраданные слова будут фальшивыми. Он чудом выжил, говорим мы в таких случаях, и по-разному объясняем это чудо.

Как ни орали на него надзиратели, приказывая снять ермолку, он отказывался это сделать. Своим негромким и мягким голосом он пытался объяснить, что это религиозный обычай, означающий смирение перед Богом.

– Обычай, говоришь, – осклабился разозлённый в очередной раз вертухай. – А помолиться, придурок, не хочешь? У меня, бля, есть для тебя молельня. Всю жизнь, сука, помнить будешь.

Прав оказался вертухай. На всю жизнь запомнилась эта пытка. «Молельню» даже карцером назвать было бы преувеличением. Это была холодильная камера площадью чуть больше метра на метр и высотой примерно метра два с половиной. Потолок был покрыт изморозью, а на стенах с отвалившейся местами штукатуркой застывшими натёками мерцала наледь в тусклом свете маленькой лампочки внутри железной решётки под потолком.

Экспериментально было установлено максимальное время пребывания провинившихся эзков в этой камере – 15 минут. По-

сле этого их выволакивали с обморожениями и часто без сознания. Не всех удавалось согреть и отпоить кипятком.

Оказавшись в камере, чтобы одолеть пронизывающий насквозь холод, он начал быструю ходьбу на месте, энергично размахивая руками. Идти было легче под хасидскую песню, которую они пели на встречах. Песня была в темпе марша, что было как нельзя кстати.

Не боюсь я никого, кроме Бога одного, кроме Бога одного.

И не верю никому, только Богу одному, только Богу одному.

Хасиды, положив руки на плечи друг другу, смыкались в круг, и этот круг вращался в ту и в другую сторону. А здесь и руки не раскинешь, упрёшься в стены.

Нет, нет, не боюсь я, не боюсь я никого, кроме Бога одного.

Ляй-ля, ляй-ля-ля, ляй-ля, ляй-ля-ля,

Кроме Бога одного.

И ещё раз:

Ляй-ля, ляй-ля-ля, ляй-ля, ляй-ля-ля,

Кроме Бога одного.

Мороз не унимался. Как бы забыть о холоде, об этих серых, обледеневших стенах, унести мыслями от этого кошмара в неоглядную даль, где тепло и покой.

Разве это не его девиз – смерти не бояться, за жизнь бороться. Эти слова повторяли все эки, и это придавало им силу. Сейчас его черёд не бояться смерти.

И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим –

продолжала звучать в нём песня. А маленько бы огня сейчас не помешало.

Он должен жить всем смертям назло. Он будет бороться за жизнь до последнего вдоха. А что сверх того, то от Бога. Захочет Всесильный – спасёт, а нет – присоединимся к праотцам.

Надо бы ещё пожить. Сареле (так он ласково по-еврейски называл свою Сару), знаю, как тебе непросто, одной с двумя детьми. Работает по две смены, чтобы как-то свести концы с концами. Тоже не первая молодость, как бы не надорвалась... Выдержишь. Должна выдержать. Женщины, они семижилые. В часы испытаний, когда беда с семьёй, откуда у них только силы берутся.

Соня, дочка, совсем уже большая, не пропадёт. Ей бы только жениха хорошего. А Яша, Янкеле ещё совсем пацан. Каково ему остаться без отца... Почему остаться? Он ещё живой. Или не приходилось ему промерзать насквозь на пронизывающем ледяном ветру? И ничего, даже не простужался. Барух Ха-Шем! Ему надо помогать. Шагать надо быстрее и двигать руками энергичнее. И так посмотреть смерти в глаза, чтобы она отвернулась.

Не боюсь я никого, кроме Бога одного, кроме Бога одного...

Мысли вернули его к началу войны. В армии он не служил, был признан негодным по причине жуткой близорукости. Но тут война. Возраст уже за сорок. Он идёт в военкомат, просит записать его добровольцем. Над ним смеются: «Ты ж немца перед собственным носом не разглядишь!» А немец прёт, уже и от Москвы недалеко. Он снова в военкомат. Не взяли даже окопы копать. Справку выдали – просьба отклоняется по причине состояния здоровья. Но что ему справка. Не будешь же её показывать в ответ на косые взгляды. Руки, ноги, голова на месте, да и нестарый ещё. А близорукость, кто ж её видит. Очки с толстыми стёклами, так их каждый нацепить может.

А потом была эвакуация в Ташкент. Перегруженный поезд. Короткие остановки и спринтерские пробежки за кипятком. Надо было наполнить чайник и успеть обратно на поезд. Ох, сейчас бы этот чайник с кипяточком – и руки погреть можно и изнутри согреться.

А в Ташкенте поначалу жильё с земляным полом, муравьёв видимо-невидимо и сортир во дворе. Вместо двери занавеска, да и зачем дверь. Даже если непрошенные гости пожалуют, красть-то нечего. Потом переехали в двухкомнатную квартиру с удобствами. Кроме них, в этой квартире разместились ещё четыре семьи. Ничего, в тесноте да не в обиде. Главное – победы дожждаться.

Как оскорбительно звучало придуманное антисемитское – евреи воевали в Ташкенте. Его братья были призваны в первые дни войны. Два младших погибли, а старший вернулся в середине войны без правой руки. Но говорить всегда будут, на то они и антисемиты. Им ни объяснить, ни доказать ничего нельзя. Да и сейчас

чего он вдруг про них вспомнил? Из всех детей-беженцев, играющих во дворе их многоквартирного дома, переполненного эвакуированными из самых разных мест, один Яков был евреем.

Ташкент! Как там было тепло! Какое тепло, жарко! Днём на улицу выйти невозможно – такое пекло. А здесь зуб на зуб не попадает. Никак не согреться. Значит, надо ещё быстрее, ещё энергичнее. Он уже почти бежал, учащённо дыша.

А Янкеле, энергии через край. Дырку на месте крутит. Целыми днями с ребятишками во дворе. Однажды прибежал с улицы расстроенный. Оказывается, местный узбекский мальчик собрал вокруг себя детей и затеял игру – пусть каждый назовёт свою столицу. А во дворе беженцы со всех краёв. Один говорит – Кишинёв, другой – Киев. А дальше и Минск, и Рига. Янкеле назвал Москву. Но узбекский мальчик возразил: «Москва – это столица русских и всего СССР, а у евреев должна быть своя столица, как у узбеков Ташкент». А Янкеле и про его еврейство никто пока не говорил, а тут ещё и столицы лишили.

Помню, усадил его за стол. Как умудриться рассказать ребёнку правду и предостеречь, что говорить её кому-то ещё опасно и надо держать в тайне. Да, сынок, мы действительно евреи, и у нас есть своя столица – город Иерусалим. Но много лет назад враги отняли её у нас, и мы, евреи, оказались в разных странах. Но придёт время, обязательно придёт, и мы вернёмся и отвоюем нашу столицу. Однако пока это тайна. Ни с кем об этом нельзя говорить, даже с близкими друзьями. Сейчас ты узнал об этом, и хорошо, но никому ни слова. Обещаешь?

Пообещал. Но всё равно было боязно. Сколько он знал пострадавших, обвинённых в связях с международным сионизмом, в работе на иностранные разведки. Вот и сам получил такой приговор. Только Янкеле тут ни при чём.

Когда же это было? Он уже и счёт времени потерял. Где-то перед концом войны они вернулись из Ташкента. Может, год спустя узнал он, что есть путь через Польшу в Палестину. Заиграло ретивое! Как упустить такой шанс. Документов особых не требовалось. А чтобы соседи не догадались, попросил начальство, благо необходимость была, отправить его в командировку во Львов.

Всем сказал, что уезжает на неделю и жену с детьми берёт с собой. Пусть, мол, посмотрят на замечательный город Львов. Взяли пару чемоданов. На неделю-то зачем больше?

Во Львове задание командировочное выполнил и на вокзал – присмотреться, как люди уезжают в Польшу. Тут его и повязали.

Побег не удался. Но Иерусалаим никуда не исчез. Он остаётся неизменной притягательной силой. Не получилось в тот раз, получится в другой.

О чём он? Какой другой? Треклятый мороз. Что этому морозу до его мечты? Убьёт хладнокровно. Хладно-кровно. Не случайно говорят – кровь стынет в жилах. Не фигурально – от ужаса, а реально – от холода. Застыли пальцы. Сжать – разжать, сжать – разжать. И бег на месте. Выше колени. А руками, как по невидимой груше. Удар. Ещё удар. Лево́й и сразу резко правой. Не дождётесь. Он будет жить. Ха-Шем испытывает его, и он должен достойно выдержать это испытание.

Я не верю никому, только Богу одному, только Богу одному...

Аврааму тяжелей было. Сына в жертву велел принести. Представить жутко. Но крепок был в вере Авраам, уже руку занёс с ножом. Остановил его Господь в последнюю минуту.

Силён тот, кто не усомнится в Тебе. Он повторил это шёпотом. Затем сказал так громко, что слова, отражённые от стен, зазвенели в ушах. Силён тот... (дай мне силы не остановиться) ...кто не усомнится... (а разве сомневался он хоть одну минуту?) ...в Тебе... (хоть Ты в неведомых сферах, но Ты есть!). Ещё и ещё он повторял вслух – силён тот... (молитва не должна быть мысленной) ...кто не усомнится... (произнесённые слова молитвы лучше достигают цели) ...в Тебе... (услышь и не дай погибнуть).

Иерусалим. Ле-шана абаа бэ-Иерусалаим! Как он желал, чтобы у него эта мечта осуществилась. Ни с кем этой мечтой не делился, но верил в неё и себя готовил. От отца и деда унаследовал, как жить. Не унывал даже в самых трудных обстоятельствах. Радовался жизни, несмотря ни на что. Возносил благодарственные молитвы Ха-Шему за то, что просто жил. Танцевал под весёлые ритмы так, что небесам становилось жарко.

Жарко... Жарко... Вот что надо ему сейчас. Надо танцевать, чтобы согреться. Зазвучала, застучала в висках такая знакомая и любимая еврейская музыка. Ноги задвигались в такт. Быстрее, быстрее, ещё быстрее. Только не упасть.

*Ляй-ля, ляй-ля-ля, ляй-ля, ляй-ля-ля,
Только Богу одному...*

Где я? Что со стенами? В лёгкой дымке проступают скалистые породы с каменными натёками. С потолка и из пола каменные сосульки. Что-то из них сталактиты, что-то сталагмиты, легко перепутать. Пещера. Доносится голос: «Йоав, нашли вход!»

Йоав бен-Цруя доволен. Его догадка оказалась верной. Он поделился ей с царём. Давид со своим войском уже не один месяц осаждает крепость евусеев, окружил её со всех сторон, а взять не может. Перед ними или мощные крепостные стены или неприступные горные склоны. Взять измором тоже не получается. Похоже, не голодают. Тут как раз Йоав со своей догадкой. Воду они должны откуда-то брать. Наверняка у них есть ход к источнику в долине. Если пройти вверх по ручью, то его можно обнаружить. Похвалил царь смекалистого воина и пообещал в случае успеха сделать его главой будущей столицы.

И вот этот вход! Он вместе с Йоавом и другими воинами медленно поднимается по пещере, круто уходящей вверх. Его охватывает радостное чувство. Он оле, он поднимается в Иерусалим. Вот они в крепости. Враг застигнут врасплох. Короткая схватка. Он падает, теряя сознание. Его подхватывают чьи-то руки.

– Смотри-ка, живой! А мы про тебя, бля, забыли. Считай, срок минут прошло. Ну, ты, бля, даёшь! Семижильный что ли? Или слово какое знаешь? Поделится бы.

– Ха-Шем!

3

Мы стоим в Иерусалиме на том самом месте, где была евусейская крепость. Мы это я с женой и Яков Рахлин, тот самый Янкеле, но который уже приближается к восьмидесяти. Никакого намёка

на старость. Энергичен, подвижен, остроумен. Об Иерусалиме знает всё и вдоль, и поперёк, и вглубь и любит этот город, в котором прошла половина жизни, может быть, больше, чем те, кто в нём родился и вырос.

Об Якове Рахлине речь ещё впереди, а пока мы с ним здесь, откуда начинался город. Это место в Иерусалиме и сейчас называется Ир-Давид – город Давида. С одной стороны городская стена намного более поздних веков, над которой возвышается чёрный купол Аль-Аксы, с другой – по склону противоположной горы арабская деревня. Обращаю внимание на израильский флаг, развивающийся на флагштоке посреди деревни. Поймав мой взгляд и не дожидаясь вопроса, Яков пояснил, что всегда находится кто-то, кто, рискуя собственной жизнью, пытается чего-то добиться. Эти хотят показать, что они на своей земле. Разве это не так?

– Поговорим о другом. Смотрите сюда. Раскопки обнажили самые древние стены. От них начинался город Ир-Давид, в котором мы находимся. Он называется ещё нижним городом. Если есть нижний, то быть и верхнему. Верхний Ир-Давид в километре отсюда, там где Мигдаль Давид, цитадель или башня Давида. Евусеи назвали вершину, на которой был нижний город, Сион, а саму крепость – Евус. Некоторые считают, что верхний город ещё до взятия Евуса был в руках Давида, и уже назывался Ир-Давидом. И с Сионом не всё однозначно. Гора Мориа, которая после построения Храма стала называться Храмовой, именуется ещё и Сионом, и дала название движению евреев за возвращение на Землю обетованную – сионизм.

Сион, Мориа, Храмовая гора – все эти названия Яков остроумно объединил, обыграв слово «синонимы» – сионимы. А для меня, не историка и не археолога, какое имеет значение, здесь это было или в километре отсюда, так это называется или иначе. Мне интересны события и люди, которые вершили историю. Когда перед глазами камни – свидетели прошедших тысячелетий, начинаешь ощущать свою причастность к давно минувшей истории.

...Вот и свершилось пророчество Самуила о следующем после Саула царе Израиля. Закончилась гражданская война. Убит глуповатый и простодушный Ишбошет, сын Саула, взошедший после

отца на царство. Он, Давид, который более семи лет был царём только Иудеи, отныне признан царём всему Израилю. Ему только тридцать с небольшим, но есть что вспомнить на пути к сегодняшнему дню.

Совсем мальчишкой он был умелым пастухом и придумал пращу, из которой научился метать камни в цель. А каким героем он стал, когда из этой пращи убил Голиафа! Бывалые воины воздавали ему честь, и сам царь Саул удостоил высшей похвалы и взял к себе на службу. Старший сын царя Йонатан стал ему близким другом. По вечерам на царских застольях все восхищались игрой Давида на арфе и песнями, которые ему нравилось сочинять. Что там говорить, не обделил его Бог умелыми руками, быстрым разумом, отчаянной смелостью. А в придачу к ним ещё и поэтической душой.

Всё бы хорошо, но... Знал он о пророчестве Самуила, хотя и в мыслях у него не было что-то предпринимать, чтобы оно свершилось. Будет – не будет, Бог сказал Самуилу, пусть сам и вершит. А вот Саул, узнав о пророчестве, был взбешён. Есть Йонатан, любимый старший сын. А Давида убить, и нет проблемы. Побеждает не тот, кто прав, а кто остаётся жив.

Спасибо Йонатану, настоящий друг, предупредил. И началась безрадостная жизнь в бегах. Сначала Иудея, потом филистимский Геф, и снова Иудея уже после гибели Саула и Йонатана. Иудейские мужи провозгласили его своим царём, а правая рука Саула Авнер, его давний враг, ставший, по сути, единоличным правителем при царе Ишбошите, объявил его, Давида, самозванцем, заслуживающим смертной казни. Всё решила победа в кровопролитной битве при Гаваоне.

Теперь он царь, помазанник Божий, и сделает всё, чтобы Бог был им доволен. Первое – ничего в отместку тем, кто не поддерживал его или воевал против. Второе. О втором он думал уже давно. Если он станет царём страны Израиля, где будет её столица, в которой ему жить? Хеврон, где он сейчас, или один из главных городов какого-то другого надела? Любой выбор делал неравными наделы, давая преимущество тому, чья столица. А что, если... Неожиданно пришло нестандартное решение.

К югу от надела Беньямина на горе Сион располагался евусейский городок-крепость, который ещё в авраамовы времена назывался Шалем, а затем стал известен, как Евус. Неоднократные попытки его штурмовать заканчивались безуспешно, и Евус остался независимым посреди израильских колен. Идеальное место для новой царской резиденции. И Давид, не знавший поражений, решает завоевать Евус.

Кто сказал, что история учит, что история ничему не учит. Кое-чему, всё-таки, учит. Разве Вашингтон не появился на территории, не принадлежащей ни одному штату? Случайно? Думаю, что нет. Отцы-основатели знали Библию, а значит, и историю Иерусалима.

Давид после десяти с небольшим лет изгнания вернулся и создал мощную державу со столицей в Иерусалиме. Страна Израиля, рассеянная по всему свету, через две тысячи лет вернулась к своим берегам. Случайно? Нет больше ничего похожего в истории. Необъяснимое чудо. А на необъяснимые чудеса способен только Господь Бог.

Мы стоим на смотровой площадке посреди того, что осталось от первого дома царя Давида. Вот оно, путешествие во времени, не фантастика, а реальность. Это действительное прикосновение к истории, несравнимое с тем впечатлением, которое оставалось от прочитанных книжек.

Вот здесь была крыша, гуляя по которой царь Давид увидел купающуюся Батшеву. Взыграло ретивое. Неодолимое, страстное желание с первого взгляда. Нормально. И жён может быть сколько угодно, а царю отказать кто ж посмеет. Но одна загвоздка: от живого мужа жену увести – великий грех прелюбодейства. А Батшева замужем, и Урия – один из славных воинов Давида. Будь Урия на месте, никто бы никогда не узнал о вспыхнувшей внезапно царской страсти. Но как на грех, именно на грех, Урия оказался в военном походе.

И Давид не сдержал свою похоть, позвал Батшеву во дворец и овладел ею. Верный слуга не проболтается, Батшеве и в голову не придёт рассказать мужу об измене, а Бога он умастит жертвоприношением, ещё и храм построит для ковчега, тот и простит ему это маленькое прегрешение. Но... Батшева понесла. Тут уж

грех никак не скроешь. Надо срочно что-то делать. Что? Призвать Урию с поля боя, а после этого кто разберёт, чей ребёнок? Урия явился с докладом, был радушно встречен царём и отпущен повидаваться с семьёй. Довольный, что проблема решена, царь на утро вдруг узнаёт, что Урия в свой дом не пошёл, а ночевал во дворце.

– Как так, ты не захотел порадовать красавицу-жену?

– Прости, царь, но негоже мне воспользоваться твоей добротой, когда мои товарищи в походе далеко от дома.

Выхода нет. И Давид пишет записку командиру своего войска с приказом в очередной битве использовать Урию там, где он точно будет убит.

Комментарии излишни. Узнав о гибели Урии, Давид берёт его вдову в жёны. Теперь это законно. Ребёнок, зачатый во грехе, почти сразу после родов умирает. Но тут же Батшева зачала уже без греха и через положенное время родила будущего царя Соломона.

Вот такая история. Её вам могут рассказать, когда вы будете на вершине цитадели Давида. Её ведь тоже считают первым домом Давида, и сверху вы можете увидеть прямоугольник пустого бассейна, поросшего травой. Его называют бассейном Батшевы, уверяя, что именно в нём она купалась, когда её увидел Давид. Скорее всего, это придумано, зато прекрасный повод вспомнить реальную историю, которая разыгралась в ближайших окрестностях.

– Теперь, – приглашает нас Яков, – у нас есть возможность спуститься к источнику Гихон, от которого нам навстречу поднимались воины Йоава бен-Цруя для захвата крепости Евус. Грубо вырубленный в скале ход ведёт вниз. Идём гуськом, осторожно ступая по неровному полу, местами покрытому резиновыми ковриками. Подходим к почти вертикальной глубокой шахте. Внизу шумит вода. Здесь черпали воду защитники крепости. Здесь проявили себя скалолазами воины Давида.

В обход, по проделанному много лет спустя акведуку мы спускаемся к самому источнику. Стоим на площадке для туристов, а рядом бурлит и шумит поток. Много воды утекло, но она и сегодня ничем не отличается от той воды, которая поила когда-то воинов царя Давида.

Гробница царя Давида находится недалеко от Сионских ворот. Это несколько тихих прохладных комнат со сводчатыми потолками. Каменное надгробие покрыто синим бархатом с вышитыми золотом текстами на иврите. Гробница почитается святыней. Мужчины подходят к надгробию с одной стороны, женщины – с другой. Перед надгробием стулья. Кто-то сидит и читает давидовы псалмы и молитвы, кто-то делает это стоя, качаясь в такт со своим бормотанием. Подхожу и прижимаю ладони к бархатному покрывалу.

– Шалом, Давид! Как ты там среди праотцов? Нелёгкая у тебя судьба! Я уже вспоминал о ней, когда стоял рядом с твоим домом в Ир-Давиде. Сколько силы, ума и благородства было в тебе с юных лет! Царь Саул, ставший твоим смертельным врагом, дважды оставался в живых только благодаря твоей милости и великодушию. Воин, поэт, арфист и певец, – всё тебе одному во славу Израиля и Господа. Живи и оправдывай доверие. Но чем выше человек по служебной лестнице, тем всё труднее и труднее ему оставаться безгрешным. Что тогда говорить про царя!

Как же ты не мог совладать с безумной страстью к Батшеве? И так далеко это зашло, что пришлось убить ни в чём неповинного Урию, который был твоим преданным и смелым воином. Знаю, мучился ты совестью, хотел искупить свой грех и построить Храм для Ковчега Завета вместо шатра-скинии. Но через пророка Натана Господь сообщил, что не может дать прелюбодее добро на возведение Храма.

А сколько пролито крови! Можешь, конечно, утешать себя, что не по твоей вине, что ты не хотел. Кровавая битва при Гаваоне между Иудеей, где ты стал царём, и остальным Израилем, где после Саула царём стал его сын Ишбошет. Да, Ишбошет был недалёким властолюбцем. Да, тебя нарёк царём пророк Самуил. Но сколько евреев погибло с обеих сторон, чтобы ты стал единым царём всего Израиля!

А трагедия с твоим родным сыном Авишаломом? Сколько народу, включая Авишалома, погибло в битве, и ты сохранил трон. Внизу в Кедронской долине заметно выделяется высокое надгробие с куполом, удлинённым кверху. Это могила убитого Авишалома, которого ты с почестью похоронил и оплакал горькими отцовскими слезами.

На каких весах взвешивать твои добродетели и пороки? За всё свой ответ на Божьем суде. А здесь, на Земле, вот оно, людское признание твоих заслуг. Ты герой и святой, и поклониться твоей могиле едут евреи со всего мира. И я склоняю голову перед твоей славой и величием.

Сказав всё, что хотел, Давиду, я убрал руки с надгробия и пятясь отошёл от него, как положено отходить от святого места.

К другому надгробию на кладбище по склону Масличной горы мы подошли с Яковом на следующий день. Оно ничем не отличается от сотен других надгробий, сделанных, как под копирку. Это как бы говорит – все равны перед Богом. На плите ивритскими буквами написано «Барух бен-Исаак Рахлин». На соседнем надгробии – Сара бат-Ноах Рахлин.

Я кладу камешки на могильные плиты. Давняя традиция – приносить на могилы не цветы, а камешки. Цветы красивы, но они быстро завянут и погибнут. Они символ временного и смертного. А камни – символ вечности, в которую ушли те, кто жил.

Замечаю на торцах надгробия какие-то написанные имена. Оказалось, что это близкие к родителям люди, которые ушли вслед за ними.

Яков вынимает камень, закрывающий небольшое углубление в надгробии, достаёт оттуда то, что осталось от предыдущих сгоревших свечей и зажигает две новые. Поместив их в углубление, возвращает камень на место. Немного помолчали.

– Незадолго перед смертью отец мне сказал: «У меня нет претензий к Всевышнему. Я прожил достаточно большую жизнь. И хотя эта жизнь полна была трудностей и невзгод, Он всегда был рядом, чтобы помочь их преодолеть. А сколько было счастья и радости, так и не счесть! Мы взошли в Иерусалим, Янкеле. Слава Богу и спасибо Ему за всё. Барух Ха-Шем!». Совсем на пороге смерти, когда отец

уже не мог говорить, он написал записку, которую закончил прощальными словами молитвы на иврите: «Шма Исраэль! Адонай элохейну, Адонай эхад» (Слушай, Израиль! Бог наш, Бог один).

– А когда он эмигрировал в Израиль?

– Это произошло только в конце 1969 года. А весной этого года отец снова явил миру свою удивительную силу. Он пережил тяжелейшую операцию по удалению аппендицита. Накануне по вызову на боли в животе приехала «Скорая помощь». Врач определил боли в районе печени и «прописал» грелку. Грелка привела к резкому усилению боли, поднялась температура и отца госпитализировали для срочной операции. Операция проходила в сельской районной больнице. Не особенно доверяя местным врачам, отец попросил присутствовать на операции своего знакомого хирурга, даже фамилию его помню – доктор Ципнис.

Дали наркоз, и папа уснул. Он потом вспоминал, что видел во сне Любавичского Ребе. Сначала на глазах у Ребе он присутствует при внесении нового свитка Торы в синагогу, а потом оказывается с ним в одной комнате, хочет ему что-то сказать, но просыпается и слышит разговор хирургов между собой.

Оказывается, они никак не могут найти этот проклятый аппендикс. Бывают атипичные случаи. Что делать? Ципнис говорит, что надо срочно зашивать, иначе, не забывайте, что больному за семьдесят, он проснётся, и его сердце не выдержит. А оперирующий хирург возражает, что если воспалившийся отросток не удалить, то больной неминуемо умрёт от перитонита. И тут оба абсолютно онемели, услышав голос с операционного стола: «Делайте всё, как надо. Я выдержу».

В этот момент за печенью нашли то, что искали. Отрезали и зашили по живому без наркоза. Отец вынес казалось бы невыносимую боль. Чудо? Чудо! Присматривались, нет ли нимба вокруг головы. Не обнаружили, но к святым причислили. «Святой» выздоравливал в больничном коридоре, поскольку в палатах свободного места не было. Люди толпились в коридоре, чтобы подивиться на героя, просили у него благословения. И никого из них не интересовало, в какого Бога он верит. Способен на необъяснимое чудо, значит, Божий человек.

В конце 1969 года папу вызвали в ОВиР.

– Вы просили о разрешении на выезд в Израиль. Ваше ходатайство удовлетворено. Вам дается неделя на сборы.

Отец взорвался.

– Ну почему всё нужно делать так, чтобы вас ненавидели? Что можно успеть за неделю? Мы же не сидим на чемоданах.

Дали месяц.

В Израиле их поселили в хабадской общине. Район в городке Кирьят-Малахи так и назывался Нахлат гар Хабад. По слухам сам Любавичский Ребе активно содействовал строительству этого района для своих хасидов-эмигрантов.

Отцу шёл восьмой десяток. О работе и речи не шло. Но разве может Борух Рахлин сидеть без дела? Он активист в местной синагоге, добровольный помощник местной полиции и заведует кассой взаимопомощи в своей общине.

Уже из Израиля в канун не помню какого Нового года родители полетели в Америку по приглашению Любавичского Ребе.

– По приглашению? – удивляюсь я, прерывая рассказ Якова, – глава Хабада, живущий в Америке, приглашает в гости незнакомого российского хасида, недавно совершившего алию со многими такими же, как он?

– В том-то и дело, что знакомого. Они почти одногодки. Их семьи жили в Екатеринославле неподалёку друг от друга. Отец Менахема-Мендла, будущего Любавичского Ребе, был раввином, да и мой дед был не последним человеком в общине. Учились в одной ешиве, и отец вспоминал, что с виду обыкновенный мальчишка удивлял своими способностями, своей памятью и познаниями. Вся его последующая жизнь говорит о его незаурядности, чтобы не сказать – гениальности. Его даже пытались признать Мошиахом. Но это другая песня. А друг для друга Ребе Менахем Шнеерсон и Борух Рахлин были друзьями детства.

В гостях родители пробыли две недели. На прощание Ребе уверил отца, что вся наша семья, часть которой жила ещё в России, соединится в Израиле. Для отца это было очень важно, так как он доверял предсказаниям Ребе.

Мы с женой встречали их в аэропорту. Самолёт опоздал на шесть часов. Пассажиры выходили уставшие и измученные. Но вот появляются родители. Отец просто бежит со счастливой улыбкой и сияющими голубыми глазами, шляпа набекрень. Едва завидев нас, он кричит: «Барух Ха-Шем, мы снова в Израиле. Какой воздух! Такой только в Эрец Исраэль!»

Папа умер 27 числа месяца Тамуз, между двумя трагическими датами в истории еврейского народа – 17 Тамуза, когда враги проломали иерусалимскую стену, и 9 Ава, когда был разрушен Храм. Я написал в письме Любавичскому Ребе, что его хасид пал, как один из бойцов при защите Храма и Иерусалима.

– Кстати, – прервал минутное молчание Яков, – здесь, на Масличной горе я получил свою первую работу в Израиле.

– После первой работы было ещё тридцать лет строительного труда?

– Да, много чего было. Сначала комплекс зданий в Маале-Адумим, а потом Иерусалим – различные объекты в Иерусалимском университете, в Яд ва-Шеме, в Старом городе. Всего более сорока объектов.

Если будете в Яд ва-Шеме, то увидите над входом в Детский мемориал металлические штыри, торчащие из скалы. Посетители да и гиды начинают искать в этом какой-то символ, художественный смысл. А я смеюсь. Всё дело в том, что скала над входом очень мягкая, склонная к разрушению, а архитектор во что бы то ни стало хотел её сохранить. Для укрепления скалы через просверленные отверстия ввели специальный раствор, а в отверстия вставили арматурные стержни. Они должны были послужить анкерами для дополнительного крепления, но оно не понадобилось, а торчащие штыри так и остались. Я всегда с удовольствием рассказываю своим группам, что являюсь одним из авторов этой «абстрактной скульптуры».

– Не могу не спросить, как ты стал профессиональным гидом?

– Мне всегда была интересна наша история. Я с большим удовольствием ходил на различные экскурсии, сам много читал, а поближе к пенсии поступил на двухгодичные курсы экскурсоводов, сдал экзамен и вот уже полтора десятка лет вожу экскурсии.

5

За две с половиной тысячи лет кто только не завоёвывал Иерусалим. Вавилонский царь Навуходоносор и персидский царь Кир, Александр Македонский и римские императоры, арабские халифы и египетские султаны, турки-сельджуки и турки-османы, крестоносцы и мамлюки. Огнём и мечом вершилась история.

Евреев то угоняли в плен, то разрешали вернуться, то просто выгоняли на все четыре стороны. После завоевания Иерусалима Римом изгнанные евреи в большинстве своём оказались в Италии. Римляне не препятствовали этому. Они только запретили им иметь землю и заниматься ремёслами. Было только два выхода: или рабский труд, на что и рассчитывали победители, или придумать что-нибудь новенькое. И наши предки придумали. Они начали заниматься торговлей. Почти весь торговый флот в древнем Риме был еврейским, и пришлые евреи стали более зажиточными людьми, чем коренные жители. Как же это можно выдержать! Начались еврейские погромы, горели корабли. И побежали, кто куда, и многие оказались в Испании. Начался их вклад в Европейскую историю. Схема повторялась: переселение, усиление влияния, высокие должности и звания, погромы, переселение. Испания, Германия, Польша и дальше на восток – Украина, Белоруссия, Россия.

Прошу прощения за такой поверхностный экскурс в историю, но по большому счёту всё так. Однако во все времена рассеяния всегда находились такие евреи, которые, несмотря ни на что, оставались в Иерусалиме. Даже тогда, когда римский император Адриан дал Иерусалиму другое название и запретил евреям под страхом смерти входить в город, они селились в разрешённой близости от него. А те, кто волей судьбы оказывались вдали, продолжали молиться в сторону Иерусалима и ждали момента, когда можно будет вернуться.

Мы с Яковом идём по району Иерусалима, который называется Нахлаот – Наследия. Этим словом именуют то, что переходит

по наследству. Сейчас Нахлаот в самом центре Иерусалима, в пешем пути от Старого города. А полтора-два десятилетия назад, когда этот район начали заселять, это была малопривлекательная окраина. Рядом с домиками вековой давности всплески новых многоэтажных домов. Вижу маленький патриархальный домик с небольшим двориком, который притулился к бетонной громадине. Спрашиваю у Якова, как он смог уцелеть. Оказывается, не устроили хозяина никакие компенсации. Дом предков и память о них для него дороже любых денег, а насильно его переселить не позволяет закон.

Современный Нахлаот – большой район, но его старинная часть очень небольшая. Говорят, быстрым шагом её можно пересечь и вдоль и поперёк за десять минут. Но мы ходили по её узким улочкам несколько часов, глаза по сторонам и слушая Якова. Ширина улочек когда-то определилась тем, чтобы два навьюченных верблюда могли разойтись.

На заборах, окружающих дома, можно увидеть фотопортреты тех, кто ушёл из этого дома в мир иной. Казалось бы, зачем проходим глазами на незнакомых им людей? Но не хотят ли нынешние жильцы призвать нас так же помнить о своих предках, как помнят они?

Район Нахлаот состоит, в свою очередь, из большого количества крохотных кварталов, микрорайонов. Их примерно тридцать, и каждый имеет своё название, например, Нахалат Ахим (наследие братьев), Нахалат Цион (наследие Сиона), Мазкерет Моше (квартал Моше). В отдельных кварталах, не смешиваясь друг с другом, живут курдские, йеменские, иракские, турецкие – евреи любой национальности, как шутит Яков.

Имя Моше не единожды увековечено благодарными потомками. Это Мозес Монтефиори, богатейший британский финансист и преданный делу сионизма еврей, который задолго до сионистских конгрессов вкладывал свои немалые средства, чтобы улучшить условия жизни палестинских евреев и привлечь новых поселенцев. Сегодня музеем является огромная Мельница Монтефиори, которую он построил, чтобы у евреев была работа и мука. В Нахлаоте на деньги Монтефиори построено много домов, которые бесплатно раздавались поселенцам.

Сейчас даже самые невзрачные дома снабжены всеми удобствами, а поначалу вода черпалась из колодцев и туалеты были во дворе, иногда один на несколько одноэтажных «семейных единиц проживания, представлявших, как правило, автономную составную часть длинного строения» (это цитата из описания старого Нахлаота). На фасаде одного из домов в квартале Мазкерет Моше был вывешен призыв, содержание которого исчерпывающе говорит о быте тех времён. В переводе на русский этот призыв гласит:

Сим мы призываем всех жителей квартала со всею тщательностью следить за своими домами и за домами почтения, и за свободным пространством перед домами и блюсти их в чистоте и приличии. И пусть не выносят они мусор свой и не выплескивают помои свои нигде, кроме тех мест, которые для того специально отведены, и не дают детям своим справлять нужду перед домами, и не оставляют двери домов почтения открытыми! Как говорится, дай Бог и нам и детям нашим.

Домами почтения называли приюты для инвалидов и немощных стариков.

Нам повезло. Мы идём по Нахлаоту в канун праздника Пурим. Улочки полны разряженных ребятишек, да и взрослые не отстают – и роскошные парики под Эстер и страшные маски под Амана. Задерживаемся около детского садика. Двор по-праздничному украшен, на столах напитки и сладости. Дети что-то говорят друг другу, поют песенки на иврите. Слов не понимаю, но догадываюсь. О чём ещё можно петь в праздник Пурим, как не о чуде спасения евреев и не о гибели их врагов. И вот они, благодарение Ха-Шему, счастливые дети в своей стране.

– И все эти дети останутся в Нахлаоте? – спрашиваю Якова.

– Конечно, нет. Жизнь берёт своё. Кто-то уезжает, но какая-то часть остаётся, и она верна времени и месту. Надеюсь, что Нахлаот не опустеет. Это наша история. Надо помнить о прошлом, жить настоящим и доверять будущему.

Вечером мы с Рахлиными идём в синагогу, где сегодня с заходом солнца читают Мегилат Эстер – Свиток Эстер. В нём вся исто-

рия, отмечаемая в праздник Пурим, что переводится, как Жребий. Счастливым жребий выпал на долю евреев, и они были спасены от полного уничтожения.

Разделяемся с жёнами, которые уходят на балкон, а мы проходим в зал, где Яков садится на отведённое ему постоянное место, я рядом. Народу не так много, а зал большой, поэтому свободных мест хватает. Яков достаёт Свиток, перешедший к нему от отца. Не знаю, сколько этому Свитку лет, но выглядит он, как старинный, с пожелтевшей бумагой и выцветшим местами текстом.

Молодой кантор хорошо поставленным голосом читает Мегилат, и Яков отслеживает чтение, постепенно разворачивая Свиток. Как только упоминается имя Амана или его сыновей, возникает невообразимый шум. Трещётки, барабанный бой, удары палками, выстрелы из игрушечных пистолетов. Особенно неистовствуют дети – мальчики внизу и девочки наверху. Я сам стучу крышкой откидного столика. Пусть слышат все наши враги, что с ними будет то же самое, что с Аманом и его сыновьями, если они замыслили зло против евреев.

После окончания службы Яков провозит нас на машине вдоль границы района Гило. Напротив, через долину светится множеством огней Вифлеем. Чужая территория. Чья? Двух новых государств рядом не получилось. Одно состоялось и стало одним из лидеров в современных высоких технологиях, другое превратилось в странное образование, живущее на содержании мирового сообщества. Одно... Другое... Можно много чего противопоставить. Может, надо не освобождать Палестину от евреев, а поучиться у них и вместе с ними устремиться к тому, чтобы все палестинцы, к которым по праву и человеческому и Божескому относятся евреи, стали достойными и мирными людьми.

– Видишь, на этом доме следы от пуль, – прерывает мои размышления Яков. – Какие достойные? Какие мирные? Аллах акбар, и умри, неверный. Пули прилетели из Вифлеема, не прицельные. Куда попадут, туда и попадут. А мир глотает сказки о сионистских агрессорах, об убийцах палестинских детей.

А вон видишь, новый многоэтажный дом. Сколько было крику во всём мире – оккупированные территории, запретить строй-

ку, обуздать оккупантов. Пошумели несколько недель и затихли. А дом стоит, и люди в нём живут. Будем сильными, значит, будем. Разговорами-переговорами проблему не решить. Много лет с ней придётся жить. Но раньше или позже... Барух Ха-Шем!

6

Мы идём по Мамилла Авеню к Яффским воротам Старого города. Авеню только для пешего хода. По бокам шикарные бутики, кафе и кафешки, сувенирные магазинчики. Но главным украшением улицы являются выставки-продажи картин и скульптур, как правило, в стиле «модерн». Часть скульптур выставлена наружу, и ощущение, что идёшь по музею современного искусства.

На момент Яков задерживается у дома, сложенного из сплошь пронумерованных камней.

– Обычно камни нумеровали, когда старые дома надо было сохранить, но переместить и собрать на другом месте. Когда работа была закончена, и осталось только стереть номера, кто-то посоветовал оставить их, как свидетельство уважения к старине. К совету прислушались, и гиды теперь с удовольствием об этом рассказывают.

Через Яффские ворота входим в Старый город и направляемся к Западной Стене – Стене Плача.

– «И вознесём Иерусалим во главу нашего веселья» – с этой фразы, которую произносят все женихи, стоя под хупой, Яков начинает свой рассказ у Стены Плача. – Но даже свадьба не располагает к полному веселью, потому что Храм разрушен, и жених, напоминая об этом, разбивает ногой стакан на полу.

Всё же почти пятьдесят лет назад произошло событие, которое дало повод для полного, безграничного веселья и полной, безудержной радости. Это случилось во время Шестидневной войны 7 июня 1967 года, когда весь Израиль в эфире услышал знаменитые слова генерала Моти Гура «Гар ха-Баит бэядейну!» (Храмовая гора в наших руках!). Этот день стал Днём Иерусалима.

Сколько раз я слушал, читал и не уставал рассказывать о том, как наши парашютисты ворвались в Старый город через Львиные ворота, как в первых рядах был Шломо Горен, главный раввин Цахала, со свитком Торы в руках.

Глаза Якова светились гордостью. Казалось, что он участник события или, по меньшей мере, его живой свидетель.

– В глубине Марокканского квартала они увидели Западную стену – Стену Плача, то, что осталось от разрушенного Храма. Они молились и плакали, пели и танцевали. Свершилось! Свершилось!! Вот оно, чудо. Барух Ха-Шем!

Правда, в бочке мёда не обошлось без ложки дёгтя или даже без ведра. Храмовая гора, как же не совершить благородный жест, была передана арабам. Мол, посмотри, мир, какие мы хорошие. Посмотрел мир, и всё вернулось на круги своя – агрессоры, преступники, злодеи. Ладно, не будем о грустном.

Расскажу ещё замечательную историю, случившуюся в тот день.

Когда наши бойцы передвигались по узкой улочке к Стене Плача, в переулке неподалеку от Храмовой горы военврач Ури Френд принимал роды у арабской женщины. Все прошло благополучно, и Ури удостоился благодарственных приветствий.

Через некоторое время стало известно, что роженица, ее звали Лейла, оказалась еврейкой, то ли насильно выданной, то ли по доброй воле вышедшей замуж за араба. Корреспондент газеты «Маарив» Мордехай Элькан, бывший свидетелем этих родов, рассказывает, что через несколько лет случайно встретил Лейлу и узнал, что после смерти мужа она вернулась к еврейству и к своему прежнему имени Иегудит. Она умоляла Мордехая устроить ей встречу с доктором Ури Френдом, которого называла не иначе, как ангелом, сошедшим с небес в стальной каске и с автоматом «Узи», чтобы поднести ей самый дорогой подарок – красавицу дочь. Встреча была очень трогательной. Ури вручил Иегудит «Свидетельство о рождении» дочери Хульды.

Через год после этой встречи Ури Френд погиб в войну Судного дня. В 1984 году, когда Хульде исполнилось 17, Мордехай Элькан привез ее к Стене Плача, неподалёку от которой она родилась в тот исторический день – День Иерусалима.

В этой истории всё правда. Может быть, какие-то детали домыслены репортёрами, но разве это имеет значение. История замечательная!

А теперь, прежде чем спуститься в туннель Западной Стены, отрытый археологами, и вдохнуть воздух самой древней старины, молча подойдём к Стене со своими словами и молитвами.

Ежегодно я бываю в Израиле, и каждый раз обязательно прихожу к Стене. Постоять около Стены, прижать к ней ладони, коснуться лбом, ощутить себя внутри необъяснимой ауры, внутри удивительной истории своего народа, которая сегодня продолжается в тебе. У меня ощущение, что от Стены исходит поле, проникая через ладони в самую глубину, ещё не совсем осознанную, но реально осязаемую. Что выше этой вышины и этой бездны что бездонней!

Я не пишу Богу записки, не обращаюсь с просьбами. У меня есть к Нему только один вопрос: «Кто я и зачем?» Вдруг на этот раз ответит. Но Он повторяет каждый раз один и тот же ответ: «Если бы ты это знал, то ты был бы Богом, а не Я».

На этот раз мы пришли к Стене с одним из сыновей и шестилетней внучкой. Внучка была у Стены впервые, хотя она уже слышала о разрушенном Храме, о святости этого места для евреев. Сын обратил её внимание на многочисленные бумажки, торчащие из расщелин между камнями.

– Это записки, в которых люди обращаются с просьбами к Богу в надежде, что Он им поможет. Хочешь, мы тоже можем написать записку. О чём бы ты хотела попросить Бога?

– Хочу, чтобы построили новый Храм.

Март 2016 года

ГАОН

Он родился в местечке под Вильно в декабре 1922 года. По семейному преданию, услышанному от матери, они были потомками Виленского Гаона, одного из выдающихся духовных авторитетов ортодоксального иудаизма. «Гаон» в переводе с иврита означает «гений». Не знаю, был или не был на самом деле знаменитый раввин его предком, но Семён Владимирович с гордостью показал мне портрет Гаона, висящий у него в кабинете. Сам он никогда не был религиозным человеком, но со временем удостоился газетной публикации, озаглавленной «Гений среди нас», что в обратном переводе на иврит прозвучало бы, как «Гаон среди нас». Однако до этого «со временем» был долгий путь, полный удивительных событий и свершений.

Семья, в которой родился Семён Скуркович, едва сводила концы с концами. Шесть детей мал мала меньше, мать, с утра до вечера хлопотавшая по дому, и отец – сельский счетовод, получавший мизерную зарплату. Жили впроголодь, и когда представилась возможность по вызову родственника эмигрировать из буржуазной Литвы в новую страну под названием СССР, сулившую всем обездоленным счастливую жизнь, семья, ни минуты не раздумывая, переехала в Москву. Ютились в одной комнате в коммунальной квартире. Семён вспоминает, как в раннем детстве всё время хотелось есть. Он подружился с соседским мальчишкой, и его мать иногда угощала супом худющего приятеля своего сына. Вкус этого супа Семён помнит всю жизнь и признаётся, что ничего более вкусного никогда не ел.

Нужда заставила отдать Семёна и его старшего брата в детский дом.

Семён Скуркович

– Это был еврейский детский дом, – сказал Семён Владимирович, на что я с недоверием отреагировал:

– Как еврейский? Неужели детей делили на евреев и неевреев?

– Не то чтобы делили, но...

И дальше я услышал удивительную историю подмосковной Малаховки. Отмена черты оседлости, гражданская война и жилищные трудности в Москве вызвали волну еврейского переселения в Подмосковье. Уникальное еврейское местечко образовалось в Малаховке, и там в 1919 году была организована трудовая школа-колония для беспризорных еврейских детей. Некоторое время в Малаховке жил Марк Шагал и преподавал рисование в школе-колонии. Об этом времени он вспоминает в книге «Моя жизнь»:

«Несчастливые дети, сироты, забытые, запуганные погромами, ослеплённые сверканием ножей, которыми резали их родителей, и вот их-то я учил живописи».

Таких детей оказалось довольно много, и для них выделили дополнительно в самой Москве старинный особняк, брошенный хозяевами после революции. В этом детском доме и оказался Семён Скуркович со старшим братом.

В большой гостиной, в которой играли дети, стоял рояль. Шестилетний Семён подошёл к нему, поднял крышку и начал нажимать на чёрно-белые клавиши. Звуки заворожили его. Каждая клавиша звучала по своему, а некоторая их последовательность напоминала мелодии слышанных песен.

Семён каждую свободную минуту бежал к роялю. Не зная нот, не имея представления о диезах и бемолях, Семён подбирал музыку, которую слышал. Пальцы послушно перебирали клавиши, а дети и воспитатели с изумлением слушали знакомые мелодии в исполнении малыша-самоучки. А малыш мог часами заворо-

женно слушать фортепианные концерты великих композиторов. Особенно его восхищала музыка Бетховена, любовь к которой он сохранил на всю жизнь. В семь лет, вспоминает Семён Владимирович, он играл по слуху отрывки из Первого концерта Бетховена для фортепиано с оркестром.

Три года Семён пробыл в детском доме, о котором у него сохранились самые тёплые воспоминания. Дети не были окружены ежеминутной опекой и значительную часть времени были предоставлены сами себе. Хочешь – можешь бежать к роялю, а хочешь – можешь с другими пацанами лихо прокатиться на буфере трамвая. И то и другое он делал с удовольствием.

В детском доме были, в основном, еврейские дети, и их нередко водили на спектакли в ГОСЕТ – ГОСударственный Еврейский Театр. Эти посещения врезались в мальчишескую память на всю жизнь. После спектакля к детям выходил сам Михоэлс и беседовал с ними. Ему представили талантливого малыша. Великий актёр взял его на колени и спросил, кем он хочет быть. Малыш растерялся. «Музыкантом?» – помог ему Михоэлс. «Да!» – выпалил малыш, и Михоэлс, вспоминает Семён, что-то ещё сказал про открытые перед ним все дороги и пожелал исполнения его мечты.

Семья потихоньку обустроивалась. Отец теперь назывался не счетоводом, а бухгалтером. Мать тоже окончила бухгалтерские курсы и начала работать. Они забрали детей из детского дома. Семён к этому времени уже приобрёл устойчивую репутацию музыкального вундеркинда. Он выступал на всех детских праздниках.

Однажды его пригласили в Радиокomiteт, где он играл в какой-то музыкальной передаче. Редактором этой передачи оказалась ученица Елены Фабиановны Гнесиной, известной пианистки и не менее известного педагога, одной из сестёр Гнесиных, основавших знаменитое музыкальное училище. У редактора возникло желание показать одарённого мальчика, которому ещё не было восьми, своему педагогу, и они, предварительно договорившись, отправились на встречу.

Елена Фабиановна сыграла небольшой пассаж и попросила Семёна повторить сыгранное. Тот без труда повторил со всеми ин-

тонациями, которые услышал. «Неплохо, – скуп похвалила педагог. – А попробуй повторить ещё такую композицию», – и она сыграла более сложную и длинную музыкальную пьесу. И её Семён повторил, продемонстрировав не только удивительную музыкальную память, но и технику исполнения, которой его никто не обучал. Талант был несомненный, и Елена Фабиановна сказала, что мальчика необходимо учить музыке, что у него есть все данные, чтобы стать выдающимся музыкантом.

Сказать легко, но дома у них не было и быть не могло инструмента, а в школу надо ездить на двух трамваях с пересадкой. Родителям пришлось смириться с тем, что нет возможности обучать сына у знаменитого педагога. Но в музыкальную школу неподалёку от дома он поступил и приходил туда не только на занятия, но и просто поиграть для души на школьном пианино, в чём ему, спасибо большое, не отказывали. А когда семья, наконец, смогла взять напрокат пианино с небольшой ежемесячной оплатой, счастьем мальчика не было предела.

Завод, на котором работали родители Семёна, имел свой клуб с различными кружками художественной самодеятельности. Семёна, о музыкальных способностях которого было хорошо известно, часто включали в концертные программы. Он исполнял популярную музыку на фортепьяно и радовался бурным аплодисментам зала. Память сохранила, как в клубе в связи с каким-то событием принимали Председателя ВЦИК М. И. Калинина, и Семён сыграл для высокого гостя «Интернационал», чем умилил до слёз «всесоюзного старосту».

Был в клубе духовой оркестр. Семёну почти в шутку предложили, не хочет ли он научиться играть на трубе. Семён попробовал. Ему понравилось, и он довольно быстро освоил трубу, став полноправным оркестрантом. Он не только играл туш при вручении наград и марши на демонстрациях, но и участвовал с оркестром в похоронных процессиях, за что получал небольшую плату. Подрабатывал он также в соседнем кинотеатре, куда его приглашали в качестве тапёра, когда демонстрировали немые фильмы. Заработок, хоть и небольшой, был всегда к стати в их семье с хронической нехваткой денег.

Наступила пора решать, куда пойти учиться после школы. Казалось бы, явные музыкальные способности, какие могут быть сомнения! Очень хотелось самому сочинять музыку, стать композитором. Но у Семёна была ещё одна мечта.

Однажды в журнале «Пионер» он прочитал популярную статью об ожоговой болезни. В ней говорилось о том, что после ожога в коже возникают ядовитые вещества – токсины, от которых, если ожоги значительные, человек погибает. И у Семёна возникает честолюбивое желание найти, когда вырастет, способ лечения ожогов, победить токсины и заслужить благодарности всего человечества. Это желание не исчезло к моменту окончания средней школы. Некоторое время Семён колебался в выборе между музыкой и медициной. Но в итоге юное дарование самонадеянно решило, что композитором, не обучаясь специально, стать можно, а вот врачом наверняка нет. И Семён поступает во Второй Московский медицинский институт.

Учился он неистово и отлично успевал по всем предметам. Началась война. К зиме немцы были под Москвой. В свободное от учёбы время студенты-медики работали санитарями в больницах и госпиталях, куда непрерывным потоком везли раненых с передовой на подступах к Москве. Кроме того, они ещё подключались к борьбе с зажигательными бомбами, которые в большом количестве летели с немецких самолётов. Семён Скуркович в этой борьбе настолько отличился, что получил свою первую, а потому очень дорогую для него, боевую награду – медаль «За оборону Москвы». Семён был очевидцем незабываемого военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года. Спать приходилось урывками. После бессонных ночей нужны были невероятные усилия, чтобы не заснуть на лекциях.

В 1943 году, окончив учёбу по ускоренной программе, они получили дипломы врачей и были отправлены на фронт.

Семён в звании лейтенанта медицинской службы получил назначение старшим врачом 366-го танкового полка 3-го Украинского фронта. «Старшим врачом» звучало условностью, поскольку в ПМП (передвижном медицинском пункте) он был единственным врачом, и в его подчинении было несколько санитаров.

Вместе со своим полком медики сражались на передовой. Санитары, как солдаты, погибали от пуль и снарядов противника. Семён вспоминает жуткую картину гибели его санитаря Идриса Бибикова, убитого прямым попаданием немецкой болванки в живот.

В ПМП раненым оказывали первую помощь и отправляли в медсанбат, находящийся вдали от боевых действий, для последующего лечения. Семён знал, что в таком медсанбате под Сталинградом в армии генерала Василия Чуйкова служит врачом его старшая сестра. А в стрелковой дивизии сражается его младший брат, сержант, который, забегая вперёд, вернётся домой с двумя орденами Славы, многими медалями и с перебитыми автоматной очередью ногами.

Рассказывая о войне, Семён Владимирович никогда не забывал о своих фронтовых друзьях – о смелом и весёлом командире автоматчиков Лёне Литинецком, одессите, с которым они переписывались после войны, и о добродушном красавце-танкисте Купервасере, погибшем в танковом бою незадолго до победы над ненавистным врагом.

Я обратил внимание на то, что обе фамилии еврейские, и спросил, случайно ли это? В ответ Семён Владимирович сказал, что на войне не было деления по национальному признаку. Все были по одну сторону баррикады, и всех объединяла неприимиримая ненависть к фашистам. То, что именно евреи оказались его друзьями, говорит только о том, что их было не так мало в боевых частях. Они знали о многочисленных гетто, о тотальном уничтожении евреев на захваченных территориях. Многие потеряли своих родных и близких, и чувство праведного возмездия не оставляло их.

Однажды Семён уговорил, отваги было через край, чтобы его взяли с собой в атаку. Ему выдали автомат (по должности ему полагался только пистолет), и он вместе с другими автоматчиками, сопровождавшими танки, ринулся в бой. Из боя вышел целым и невредимым, даже получил за этот бой орден Красной Звезды, но при этом и строгий нагоняй от командира полка за nepoзвoлитeльную самодетельность. Как можно бросить ПМП? А раненые?

В танковом полку к Семёну в ПМП после каждого боя приносили обожжённых танкистов. Они выскакивали, если успевали, из горящих машин, объятые пламенем, и катались по земле, пытаясь затушить огонь. Они дико кричали от боли. Прикосновение к обгоревшей коже приводило к болевому шоку. Обгоревшие лица вызвали глубочайшее сострадание, а он бессилен был им помочь. Семён помнил, как в далёком детстве он мечтал найти способ лечения ожогов. Эта мечта привела его в медицину. Теперь она становилась осознанной целью. Он уже врач и многое понимает, но придётся подождать, когда кончится война.

А что музыка? Оставила ли она, наконец, врача Семёна Скурковича в покое?

– Музыка не оставляла меня ни на минуту, – признаётся он. – В голове постоянно звучали какие-то мелодии, услышанные или вдруг возникшие как бы сами по себе.

– По ходу наступления, – продолжает вспоминать Семён, – мы часто останавливались в домах, где был рояль или пианино. Про моё умение играть всем было известно, и меня тут же тащили к инструменту. Набивался полный дом, и я часами играл, импровизировал, аккомпанировал нестройному хору голосов, поющему любившиеся песни. Мои друзья Гоша Беленький и Миша Вилькин написали стихи, а я музыку нашей полковой песни «Гвардейское знамя».

При упоминании имени Гоши, Георгия Борисовича Беленького, глаза Семёна Владимировича стали излучать какое-то особое тепло, которое обычно возникает при очень дорогих воспоминаниях.

– Я должен рассказать вам о нём. Он мой одноклассник. Окончил, как я, Второй медицинский. На фронте был врачом. Дважды ранен, второй раз тяжело. Опять же, как я, из фронтовых наград больше всего гордился орденом Красной Звезды. После войны стал доктором медицинских наук, профессором. Его отец был расстрелян в 1937-м, а Гошу по той же 58-й статье арестовали в 1950-м. После пяти лагерных лет он был реабилитирован и вернулся в Москву. Умер он рано, не дожив до пятидесяти.

Гоша был не только талантливый врач и учёный, но ещё и талантливый писатель. Его повесть и рассказы вышли в издательстве «Советский писатель», а издательство «Искусство» опубликовало его драму «Три долгих дня», которая успешно шла на сцене МХАТа им. М. Горького. Это вам не баран чихнул! – улыбнулся Семён Владимирович. – Гошу приняли в члены Союза писателей СССР, что было очень почётно. Но вряд ли я стал бы вам всё это рассказывать, – продолжает Семён Владимирович, – если бы не тот круг общения, который у меня возник благодаря Гоше. Мы собирались дружеской компанией, выпивали, закусывали, говорили на самые разные темы. Это было время хрущёвской оттепели. Говорить можно было откровенно, не боясь. В нашей компании были известные драматурги Эмиль Брагинский и Александр Володин, часто наезжавший в Москву из тогда ещё Ленинграда. Для меня общение с ними было университетом культуры.

Тут Семён Владимирович начинает с энтузиазмом рассказывать о Володине и Брагинском, но я мягко его останавливаю, сказав, что оба драматурга – широко известные личности, что ему повезло и можно только позавидовать такому общению, но у нас речь не о них, а о его жизни и судьбе.

– Давайте вернёмся к вашей замечательной истории.

– А на чём мы остановились в нашей замечательной истории? – вторит шутливо Семён Владимирович.

– На том, что Вы написали музыку полковой песни на слова Гоши и Миши.

– Так вот, сейчас, вспоминая об этом на 92-м году жизни, мне очевидно, что и слова и музыка очень примитивны, но в то время они отражали наши мысли и чувства.

Пожелтевший листок фронтовой газеты со словами песни, как память о прошлом, сохранился в бумагах Семёна Владимировича, и он протянул его мне:

– Можете прочитать, но не судите строго.

Песня начиналась со строк:

*Мы стояли насмерть за страну родную,
По приказу Сталина мы в атаку шли.*

Не дожидаясь, пока я дочитаю до конца, Семён Владимирович пояснил:

– У немецких солдат на ременных бляхах было написано «С нами Бог!», а в наши головы было впечатано «С нами Сталин!» Вера – это не единственная, но главная составляющая победы. Безоговорочная вера удесятерляет силы, избавляет от страха собственной гибели, делает смерть героической.

Я напомнил Семёну Владимировичу строчки, поразившие меня в далёкой юности своей гениальной простотой:

*Мы так вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.*

– Да, это так. Поэта забудут, а строчки эти останутся. Они исчерпывающе отражают десятки лет нашей истории.

Заканчивалась песня на мажорной ноте словами о светлом послевоенном будущем:

*На своих знамёнах мы несём народам
Счастье и свободу, дружбу и любовь.
Отгремят, промчатся огневые годы,
Солнце мирной жизни засияет вновь.*

Как эти слова были созвучны мыслям и надеждам однополчан! Песню пели, и Семён был этому по-авторски рад.

Дважды Скуркович был ранен. Первый раз – на австро-венгерской границе. Снаряд разорвался рядом с ним. Его нашли на краю воронки, без сознания, присыпанного жуткой смесью земли и крови. Санитары отложили его в кучку убитых. Но тут неподалёку оказались два ангела-спасителя в лице двух офицеров. Один был украинец, другой русский.

– Дывысь-ка, у нього ще кров бижить струмком.
– Слушай, так если мёртвый, кровь вроде бы не должна бежать.

Контузия была тяжелейшей, но обошлось без серьёзных ран. Подлечившись в госпитале, Семён вернулся в свой полк.

Второе ранение случилось под Веной. На этот раз пуля пробила мягкие ткани бедра, не задев кость. Повезло! Даже госпиталь не понадобился. Несколько перевязок, немного похромал – и всё.

Военврач Семён Скуркович получил, кроме упомянутого ордена Красной Звезды, ещё орден Отечественной войны 2 степени. К медали за оборону Москвы прибавились медали за освобождение Белграда, за взятие Будапешта и Вены и, наконец, долгожданная медаль за победу над Германией.

После окончания войны Семён уже в чине капитана медицинской службы почти два года прослужил в оккупационных войсках в румынском городе Констанца.

– И можете себе представить, в послевоенной Румынии чуть было не погиб. То и дело случались покушения на советских офицеров. Однажды прохожу мимо многоэтажного дома, и к моим ногам падает сверху здоровенное бревно. То ли ангел-хранитель замедлил мой шаг, то ли отклонил полёт бревна чуть в сторону. В любом случае вечная ему благодарность.

В 1947 году капитан Скуркович демобилизовался и вернулся в Москву, имея удостоверение инвалида войны. Москва произвела на него тяжелейшее впечатление. Она ещё не оправилась от войны. Пенсии, которую он получил по инвалидности, едва хватало на полуголодное существование. Ему было трудно понять, почему в побеждённой Румынии люди жили лучше, чем в победившей России.

Ещё не устроившись на работу, он решил написать письмо знаменитому композитору Сергею Прокофьеву. Музыка всегда в нём звучала. Он записывал её с надеждой, что его музыку оценят профессионалы. И вот он пишет письмо признанному музыкальному авторитету, вкладывает в это письмо ноты сочинённой им скрипичной пьесы и с наивностью, свойственной творчески одарённым людям, ждёт ответа маэстро с оценкой своего «шедевра».

Случилось почти невероятное, и знаменитый композитор не просто ему ответил, а пригласил в гости. В назначенный день и час Семён явился по указанному адресу. Его приветливо встретила девушка, которая по возрасту вполне могла быть дочерью

пятидесятилетнего композитора. Её звали Мирра Мендельсон. Только год спустя она станет Миррой Прокофьевой, а пока она преданная до самозабвения спутница в непростой личной жизни композитора.

Мирра провела Семёна в гостиную, где стоял рояль. Сергей Прокофьев встал из-за рояля, поздоровался и предложил Семёну сыграть что-то из его сочинений. Семён сыграл и с нетерпением ждал, что же скажет мастер. А тот, никак не выразив своего отношения, предложил выпить по чашке чая. Мирра пригласила их к столу, на котором уже стояли красивые чайные чашки, а рядом печенье, конфеты и ещё какие-то сладости.

– Угощайтесь, не стесняйтесь, – дружески предложила Мирра, и они оба в ожидании устремили взгляды на Прокофьева.

Прокофьев отечески улыбнулся:

– Что я могу сказать, у вас явный музыкальный талант и вполне обоснованная тяга к сочинительству. А чем занимались до армии?

– Я врач, окончил Второй медицинский.

– Замечательная профессия. Но нельзя быть кем-то и ещё композитором. Это требует полной самоотдачи. Более того, если вы долго не сочиняете музыку, дар сочинительства может ослабеть и даже совсем исчезнуть. Поэтому решайте. Но если выберете музыку, приходите, и я возьму вас в свои ученики.

Очень лестно было Семёну получить высокую оценку всемирно известного композитора, но медицина опять взяла верх. Однако Семён Скуркович не стремится стать практическим врачом. Он хочет заниматься только научно-исследовательской работой, но получить её не так просто.

Ещё не определившись, Семён много времени проводит в Медицинской библиотеке, что на Кудринской площади. Он следит за последними новинками в медицине, генерирует собственные идеи, но как найти такое место, где он придёт к двору со своими идеями?

В большом фойе библиотеки, где на короткий отдых от изучения научной литературы собирались медики, Семён разговорился с молодым хирургом, бывшим фронтовиком, в то время аспиран-

том, а впоследствии замдиректора Института онкологии Минздрава РСФСР Юрием Грицманом.

– Кстати, его сын Андрей стал не только врачом, но и поэтом. Он живёт в Нью-Йорке, на жизнь зарабатывает как врач, а для души пишет стихи, редактирует и издаёт какой-то поэтический журнал.

– Итак, вы встретились с его отцом, – возвращаю Семёна Владимировича к разговору в фойе библиотеки.

В разговоре Семён поделился, что ищет работу, и новый знакомый сказал, что в Институте гематологии и переливания крови проф. Н. А. Фёдоров ищет молодых и перспективных сотрудников. Семён вспомнил, что этот профессор был ассистентом кафедры, когда он, ещё учась в институте, занимался на этой кафедре студенческой научной работой. Семён на всякий случай заручился рекомендацией заведующего кафедрой, проф. Сахарова, который помнил способного и работающего студента Скурковича и сохранил дружеские отношения со своим бывшим ассистентом Фёдоровым.

Профессор Н. А. Фёдоров принял Семёна Скурковича очень тепло. В его лаборатории, прямое следствие войны, трудились, в основном, пожилые женщины. Он нуждался в молодом энергичном сотруднике. И Семён Скуркович начинает работать у него врачом-лаборантом. Зарплата, конечно, одно название, но плюс пенсия по инвалидности и пока отсутствие семьи позволяют относительно сносное существование. Главное – у него теперь интересная и увлекательная работа.

Через короткое время он получает тему кандидатской диссертации. Работает с утра до вечера с полной отдачей и после успешной защиты диссертации в 1950 году становится кандидатом медицинских наук. Интенсивная работа продолжается, и в 1955 году, ему всего 33-й год, Семён Скуркович завершает работу над докторской диссертацией. Молодой и перспективный доктор наук получает звание профессора, и через некоторое время его группа выделяется из лаборатории проф. Н. А. Фёдорова в самостоятельную лабораторию иммунологии под руководством проф. С. В. Скурковича. Как это прекрасно звучало!

Через много лет известный рентгенолог, проф. Э. Новикова в своей автобиографической книге «Рентген моей жизни» тепло вспомнит «советы молодого, талантливого и очень смелого, искреннего, независимого учёного профессора Скурковича Семёна Владимировича». Один из таких советов последовал от него, когда она подыскивала сотрудника в свою группу: «Сотрудников надо выбирать очень осторожно, узнать всё о них. С женой или мужем можно разойтись, если они не подошли друг другу, а от сотрудника плохого, склочного в условиях советской власти избавиться очень трудно».

Хорошо понимал Семён Владимирович окружающую действительность, в том числе, и то, что для успешной карьеры надо быть членом КПСС. Ему неоднократно предлагали вступить в партию, но каждый раз он искренне и убеждённо объяснял, что очень серьёзно к этому относится и должен ещё работать над собой, чтобы быть достойным. Так и не стал никогда членом КПСС.

Что же это были за научные исследования, в которых Семён Скуркович получил выдающиеся результаты и мировое признание?

Помните вопрос, который мучил Семёна ещё в детстве? Почему при небольших ожогах организм справляется с бедой, а большие обожжённые поверхности кожи приводят к гибели? Есть ли возможность помочь организму в борьбе за жизнь?

Семён Владимирович начинает меня просвещать:

– Охраной нашего здоровья занимается иммунная система. Она производит лимфоциты и некоторые другие клетки, которые циркулируют в крови и готовы сразиться с инфекцией в любом месте организма. Это врождённый иммунитет. После иммунизации антигеном...

– Стоп, – прерываю я, услышав новое для себя слово «антиген». – Не забывайте, Семён Владимирович, что я не иммунолог и не врач, и мои познания в иммунологии носят самый общий характер.

– Поясню. Вы наверняка знаете про микробы, вирусы, грибки, опухолевые клетки. Добавим ещё трансплантаты, которые сейчас сплошь и рядом пересаживают от одних людей к другим.

Всё это носители чужеродных для нашего организма веществ, названных антигенами. Попадая в наш организм, они вызывают иммунную реакцию. Если побеждает иммунная система, организм продолжает здравствовать, если нет, увы... Ясно?

– Пока да.

– Тогда продолжаю. После иммунизации чужеродным антигеном победившая иммунная система сохраняет о нём память. Это уже приобретённый иммунитет, и при повторной атаке тем же антигеном иммунная система уже имеет готовые антитела, чтобы отразить атаку без промедления. Болезнь может не возникнуть вообще или будет протекать не так тяжело.

Доктор Скуркович обратил внимание на то, что люди, перенесшие первый ожог, повторный переносят намного легче. Это означает, что после первого ожога возникает приобретённый иммунитет. Кровь уже содержит антитела послеожогового токсина. Если такую кровь использовать для приготовления сыворотки и вводить эту сыворотку больному, впервые получившему сильные ожоги, то следует ожидать лечебный эффект.

Клиническая проверка показала, что всё обстоит именно таким образом. Результаты были опубликованы и сразу привлекли внимание. Их повторили во многих ожоговых центрах, и сообщения об этом в медицинских журналах свидетельствовали о высокой эффективности сыворотки Скурковича.

Руководитель лаборатории, профессор Н. А. Фёдоров в 1956 году полетел в Бостон, США на Всемирный ожоговый конгресс с докладом по иммунотерапии ожогов. У научного сотрудника его лаборатории Семёна Скурковича и вопроса не возникало, почему не он летит на конгресс докладывать результаты своей работы. Молодой, беспартийный да ещё с отягчающей пятой графой в паспорте. Какая может быть граница, тем более, в США!

Доклад профессор Фёдорова вызвал восторженную реакцию коллег, и Семён Скуркович искренне радовался тому, что о его работе узнали учёные и врачи из разных стран.

Приведём один из ярких примеров успешного использования противоожоговой сыворотки. Семён Владимирович получил из Штатов отпечаток статьи с описанием лечения детей, получивших

ожоги во время пожара в детском приюте. В статье были фотографии обожжённых детей до и после лечения. Лечебный эффект был убедителен, а ссылка на то, что это достижение советских учёных, вызывала законную гордость.

Сейчас, много лет спустя Семён Владимирович говорит о том, что иммунотерапия ожогов имеет перспективы развития, так как современные методы позволяют выделить ожоговый токсин, на его основе сделать вакцину и иммунизировать пожарных и всех тех, кто подвержен риску получения ожогов. Это значительно уменьшит потребность в антиожоговой сыворотке, получение которой от людей, перенесших ожоги, связано со многими трудностями.

Свою работу по иммунотерапии ожогов Семён Владимирович считает незаконченной. Научные исследования должны быть, по его мнению, продолжены. Особенно это актуально в связи с возросшей опасностью лучевых ожогов.

– Исполнилась Ваша детская мечта помочь человечеству в борьбе с ожогами.

– Да, такое ощущение, что это было предназначено судьбой. После этого было много других научных исследований, но наиболее важным считаю создание препарата против стафилококков. Главная идея всё та же – лекарство должно помогать иммунной системе. Не конкурировать с ней, это безуспешное, а порой и вредное занятие, а именно помогать.

После серьёзных травм и ранений, после сложных хирургических операций, когда организм существенно ослаблен, самую большую опасность для него представляют микробы, называемые стафилококками. Они могут вызвать сепсис, в быту известный как заражение крови. Процесс лавинообразный, и если его не остановить, летальный исход неизбежен. А остановить можно только быстрой и эффективной помощью иммунной системе. Одно время помогали антибиотики, но зловредные микробы, умеющие приспособливаться, перестали на них реагировать.

Выдающимся достижением профессора С. В. Скурковича и его сотрудников явилось создание антистафилококковой плазмы и гаммаглобулина (иммуноглобулина).

Идея проста – больному необходимы препараты, приходящие на помощь иммунной системе и целенаправленно уничтожающие стафилококки. Откуда их взять? Произвести их может только сама иммунная система живого организма. Но не заражать же его специально и ставить жизнь под угрозу! Казалось бы, замкнутый круг. Но на то и учёные, чтобы найти выход.

Посеять и вырастить культуру стафилококков нет проблем, но затем её ядовитые и сильно действующие токсины надо удалить. После этого из микробов и токсинов нужно приготовить стафилококковую вакцину и иммунизировать здоровых доноров. В крови доноров вырабатываются защитные вещества – белки гаммаглобулины. Далее из крови доноров выделяются нужные фракции, и препарат готов.

За каждым шагом стоит сложный и тонкий технологический процесс, и доктор Скуркович с коллегами получил несколько авторских свидетельств на способы получения антистафилококкового гаммаглобулина.

Работа по созданию нового средства для борьбы со стафилококками, нечувствительными к антибиотикам, завершилась в начале 60-х, а в конце тех же 60-х в СССР, особенно, в Москве и ряде других городов, вспыхнула настолько сильная эпидемия стафилококковой инфекции, что её назвали «стафилококковой чумой». Нечувствительные к антибиотикам стафилококки свирепствовали в родильных домах и больницах. Умирали новорожденные, летальный исход после операций принял угрожающие размеры. Родильные дома и больницы закрывались одни за другими.

Министр здравоохранения СССР издал приказ об изготовлении препарата Скурковича, но производство раскручивалось очень медленно, а люди умирали и умирали. То и дело самому Семёну Владимировичу приходилось принимать участие в спасении людей, используя наработанные в лаборатории препараты. Особенно он радовался, когда удавалось помочь детям.

Началось победное шествие препарата Скурковича, и тысячи спасённых жизней, и тысячи благодарственных писем. Они до сих пор заслуженно греют душу создателя спасительного средства.

Ни одно письмо не осталось без ответа, хотя тут, естественно, не обошлось без помощи секретаря. Семён Владимирович считает, что не ответить было бы неуважением к людям, а этого он никогда не мог себе позволить.

В самой главной советской газете «Правда» появились друг за другом две статьи: «Атакующий микробы» и «Схватка с невидимками» – об успехах лаборатории профессора С. В. Скурковича. В Советском Союзе это означало высшую степень признания. Был снят научно-популярный фильм. О чудодейственном средстве узнала вся страна.

Семён Владимирович вспоминает пятимесячного Толика из Саранска. Профессор Скуркович получил телеграмму-мольбу от его родителей: «Спасите нашего ребёнка!» Малыш погибал от пневмонии, вызванной стафилококковой инфекцией. Антибиотики не помогли. Медицина оказалась бессильна. Родители прилетели с ребёнком в Москву. Его поместили в клинику и тут же сделали инъекцию нового препарата – желтоватой жидкости из пластикового мешочка. Эффект нельзя назвать иначе, чем чудом. На следующий день после инъекции ребёнок, измождённый болезнью, впервые спокойно уснул. Ещё через день он начал улыбаться. Нетрудно представить, какие слова говорили Семёну Владимировичу родители спасённого ребёнка. Для них он был посланцем Бога, дарующим жизнь.

Приведу целиком письмо от 28 декабря 1972 года, которое Семён Владимирович хранит в своих бумагах.

«Уважаемый Семён Владимирович!

Маленькая Олеся, её мама и папа, их сослуживцы от всей души благодарят Вас и поздравляют с Новым Годом. Желаем Вам здоровья и новых успехов в Вашей большой и нужной людям работе. Трёхмесячная Олеся Иконникова только благодаря Вам получила право на жизнь.

Ещё раз огромное Вам спасибо!»

Под этим письмом 38 (!) подписей. Простые слова, без каких-либо претензий на оригинальность, но искренние, добрые и, в бук-

вальном смысле слова, благо дарят человеку, совершившему чудо исцеления.

А сколько было обращений от сильных мира сего – членов правительства, партийных боссов, генералов разных ведомств. Вспоминает Семён Владимирович, как ему позвонили из Грузии и сказали, что в тяжёлом состоянии его большой друг, министр здравоохранения Илья Шалвович Задгенидзе. Необходима была срочная помощь, и в Москву спецрейсом прилетел самолёт, на котором в Грузию доставили самого Скурковича с его препаратом. Министр был спасён, а Семён Владимирович попал в руки широко известного грузинского гостеприимства. По его признанию, его так никогда и нигде больше не принимали.

Помнит Семён Владимирович, как к нему однажды обратился бывший в то время Первым заместителем Председателя Совета министров СССР Н. А. Тихонов с личной просьбой помочь ребёнку, у которого стафилококковый сепсис. Его родители, которых он хорошо знает, позвонили из Парижа, где находятся в командировке, и умоляют спасти их малыша. «Сделайте всё возможное. Если что-то нужно Вам, обращайтесь, не стесняясь, к моему помощнику», – закончил Первый зам. Семён Владимирович даже запомнил фамилию помощника – Серебряный.

Ребёнок был спасён, а Семён Владимирович по просьбе директора Института, решившего воспользоваться ситуацией, позвонил Серебряному и пожаловался, что очень медленно строится новый корпус их Института. На следующий день по этому поводу было совещание в Моссовете, а ещё через день множество людей и строительных машин заполнило стройплощадку. Очень знакомая картина, когда большинство проблем решают связи и контакты.

Успех безоговорочный. Чувство удовлетворения научными результатами полное. Но жизнь – это не только работа. Говорят, что счастлив тот человек, который утром с удовольствием идёт на работу, а вечером с удовольствием возвращается домой. Семён был таким счастливым человеком.

В 1950 году, после трёхлетнего ухода за Семёном раз и навсегда женился на Мине, враче-вирусологе из Института полиомие-

лита. Через год родилась дочь, а ещё через четыре года сын. Оба со временем к радости родителей стали врачами.

И музыка, как бы он ни был занят на работе, продолжала в нём звучать. Вот что он сам говорит об этом:

– С моей точки зрения, музыка и наука – это проявления одного и того же интеллекта. Я отношусь к музыке со страстью и любовью, а к науке – с любовью и страстью. Ибо счастье определяется не тем, что ты имеешь, а тем, как ты себя чувствуешь в этом положении. Однажды поделился этим со своей женой – может, лучше стал бы я композитором, писал бы оратории, симфонии, оперы, на которые, казалось, хватило бы сил, и был бы счастлив. И знаете, что мне сказала Мина? «Будь ты музыкантом, жалел бы, что не стал учёным!» Музыка способна лечить души, но не физические недуги. Когда мне удалось спасти от смерти многих людей, я был по-настоящему счастлив, что выбрал медицину.

– Тем не менее, – вспоминает Семён Владимирович, – когда я проходил после удачного эксперимента через вестибюль Института, а там у нас всегда негромко играла классическая музыка, и слышал моего любимого Бетховена, то вдруг осознавал, что удачный эксперимент – это земное, а льющаяся музыка – это небесное, вселенское, божественное.

Когда оставалось хоть немного свободного времени, музыка вступала в свои права. Сочинённый Семёном Скурковичем концерт для фортепиано с оркестром был с успехом исполнен в Московском Доме учёных в 1977 году пианисткой Л. Казанской и оркестром под управлением Л. Грина. Большую профессиональную помощь в подготовке концерта оказала композитор Т. Назарова. Все эти имена сохранились на магнитофонной кассете с записью концерта. Бурные аплодисменты, нескрываемое удивление и похвальные слова о музыке были очень приятны автору. Известный учёный, доктор наук да ещё композитор!

Улыбаясь, Семён Владимирович вспоминает, что секретарь Союза композиторов Тихон Хренников лично распорядился ежегодно выделять С. В. Скурковичу путёвку в Дом творчества композиторов «Руза», расположенный в одном из самых живописных уголков Подмосковья. Семён Владимирович с благодарностью

пользовался этой возможностью и целый месяц из своего двухмесячного отпуска, положенного доктору наук, проводил в прекрасных условиях не только для отдыха, но и для творчества.

– Семён Владимирович, – возвращаю его к разговору о дальнейших иммунологических исследованиях. – Насколько мне известно, кроме успешной борьбы со стафилококками, у Вас есть ещё немало достижений, которыми можно гордиться. При этом многие исследования начались ещё в Москве и были успешно продолжены в США.

– Невидимых врагов у живого организма великое множество, – продолжает рассказ о своих научных работах Семён Владимирович, – и приходится удивляться не только изощрённому коварству агрессоров, но и изумительной стойкости и находчивости иммунной системы, спасающей жизнь. Как тут поверить, что обошлось без Создателя?! Но даже Ему пришлось возложить надежду на иммунитет, увы, начинающий работать с задержкой во времени, которая может оказаться губительной для организма. Как помочь иммунной системе? Этот вопрос не оставлял меня всю жизнь. Со стафилококками более или менее понятно, а что делать с армией вирусов, атакующих организм и вызывающих целый ряд серьёзных заболеваний?

В первом приближении ситуация обстоит следующим образом. Вирусы устроены так, что могут размножаться только внутри живых клеток. Клетки после попадания в них вирусов начинают вырабатывать интерфероны – вещества с антивирусной активностью. Поражённые вирусом клетки могут погибнуть, но произведённые ими интерфероны, попавшие в организм, защищают здоровые клетки от проникновения вирусов.

Поначалу препарат, который так и назывался – интерферон, успешно применяли для лечения вирусного гриппа. Вместе с тем, после вирусных инфекций часто возникало много тяжёлых и порой необратимых осложнений. Всем известно, что не так страшен грипп, как осложнения после него. Почему они возникают?

Профессор Скуркович высказал гипотезу, что интерфероны могут быть переработаны с избытком, и, оставаясь в организме в большом количестве, они могут привести к таким страшным

последствиям, как аутоиммунные заболевания, например, ревматоидный артрит. Если это так, то необходимо избыточный интерферон из организма удалить.

И в лаборатории Скурковича по тому же принципу, по которому делались антистафилококковые препараты, изготовили препарат, содержащий противоиИнтерфероновые антитела.

Первое испытание нового препарата проводилось на шестнадцати тяжёлых больных, страдающих ревматоидным артритом, который сопровождался невыносимыми болями в распухших суставах и их деформацией. В течение пяти дней больным дважды в день делались инъекции. Результат не вызывал сомнений. Весь персонал больницы сбежался посмотреть на вчерашних инвалидов, которые избавились от мук и радовались чуду. А Семён Владимирович не мог скрыть душевной радости и от того, что видел счастливые лица излеченных людей, и от того, что его гипотеза оказалась верной.

Статьи проф. Скурковича и его сотрудников печатаются в самых авторитетных зарубежных научных журналах: «Immunology» в Англии, «Ann. Allergy» и «Nature» в США, в Трудах знаменитого Института им. Л. Пастера во Франции. Особо выделим журнал «Nature», в котором публиковали свои работы Нобелевские лауреаты прежде, чем им присуждалась эта престижная премия. Дважды Семён Владимирович удостоился чести быть опубликованным в «Nature», что подтверждает высокий мировой уровень достижений лаборатории и её руководителя. Нобелевской премии не последовало, но Государственная премия СССР была присуждена, однако среди лауреатов не оказалось основного автора и руководителя работы. Как такое могло случиться, расскажем чуть дальше.

Профессор Скуркович непрерывно генерирует новые идеи. Активная исследовательская работа не прекращается ни на один день. В его лаборатории по тому же принципу, по которому делались антиИнтерфероновые препараты, изготавливают другие антицитокиновые лечебные средства.

При слове «антицитокиновые» мне снова приходится признаться в собственной безграмотности и просить Семёна Владимировича пояснить, что это такое.

– Интерферон, о котором мы говорили, это один из многих известных к настоящему времени цитокинов – биологически активных белков, с помощью которых разнообразные клетки иммунной системы могут обмениваться друг с другом информацией и согласовывать свои действия.

– Тут нет преувеличения? Ведь обмен информацией – свойство разумных существ.

– Никакого преувеличения. Цитокиновая среда ещё мало изучена, но уже ясно, что в ней взаимодействуют часто меняющиеся сложные сигналы. Их действия вызывают изумление. Цитокины объединяют в своих реакциях иммунную, эндокринную и нервную системы. Всякий биологический отклик организма связан с цитокинами. Нормальная работа цитокинов определяет нормальное функционирование всего организма. Любые сбои в работе цитокинов, недостаток их или перепроизводство, приводят к болезням, в первую очередь, к аутоиммунным заболеваниям, причина которых долгое время оставалась неясной, и лечение практически отсутствовало.

Предположение, что дело в нарушении синтеза цитокинов, впервые в мире было высказано профессором С. В. Скурковичем. Это предположение нашло блестящее подтверждение и принесло Семёну Владимировичу очередное международное признание. Он стал пионером в лечении, названном антицитокинотерапией, которое сегодня широко используется во всём мире. Не так просто произнести это длинное слово – антицитокинотерапия, но это для непосвящённых. Семён Владимирович произносит его с гордостью человека, совершившего открытие.

Мы ещё вернёмся к этому выдающемуся достижению учёного, а пока он живёт и работает в Москве и пожинает плоды известности. Зарубежные коллеги проявляют огромный интерес к работам уже ставшего всемирно известным профессора. В составе делегаций они посещают его лабораторию. Его приглашают с визитом в институты и центры для обмена опытом и с докладами на медицинские конференции. В страны Варшавского блока ещё куда ни шло, но в капиталистические?! По-прежнему беспартийный, всё с тем же пятым пунктом да ещё персонально,

а не в составе делегации, в которую всегда для присмотра входил сотрудник КГБ.

И всё-таки в 1969 году профессору С. В. Скурковичу разрешили полететь в США с докладом о новом подходе к лечению лейкозов. Как это чудо произошло? Мы уже упоминали, что медицинская помощь, которую Семён Владимирович оказывал сильным мира сего, сделала его вхожим в самые высокие кабинеты. Так называемое «позвонковое право» действовало повсеместно. Решение вопроса зависело от того, кто позвонит и попросит. На этот раз позвонил заместитель заведующего отделом науки ЦК, член-корреспондент Академии наук И. М. Макаров, и вопрос моментально был решён.

Коллеги из США приняли профессора Семёна Скурковича по высшему разряду. Его доклад был заслушан с огромным вниманием и закончился аплодисментами. Он посетил клиники и лаборатории, увидел уникальное оборудование, которое ему и не снилось, услышал о больших деньгах, вкладываемых в медицину. Семён Владимирович и раньше слышал об этом, но совсем иное увидеть собственными глазами. Всё это трудно было сравнивать с состоянием медицины и уровнем жизни медицинских работников в СССР. Этот уровень исчерпывающе отражается в популярном анекдоте тех времён. «Почему большинство врачей работает на полторы ставки? Потому что если они будут работать на ставку, то им будет есть нечего, а если на две, то им будет есть некогда».

В Национальном Институте Здоровья (НИИ) США профессору Скурковичу предложили в любое удобное для него время приехать на более длительный срок, чтобы совместно поработать. Вежливо поблагодарив за приглашение, Семён Владимирович сказал, что это не так просто, хотя прекрасно понимал, что это попросту невозможно. До момента, когда он снова окажется в Национальном Институте Здоровья, пройдёт десять лет.

Семён Владимирович рассказывает, что не ощущал на себе антисемитизма, и условия работы были у него по советским меркам замечательные. Его не тронули в годы разгула борьбы с «безродными космополитами», когда евреи в массовом порядке изго-

нялись с руководящих должностей. Не коснулось его лично и Дело врачей-убийц в белых халатах. Московский горисполком выделил его семье прекрасную квартиру. В своей «раковине» он чувствовал себя вполне комфортно. Но всё, что происходило с другими, было у него на глазах. И как можно быть уверенным, что в следующий раз это не коснётся тебя и твоих детей. Однако не это, признаётся Семён Владимирович, было главной мотивацией для отъезда за рубеж. Он прежде всего учёный, и возможности, которые ему виделись в США, притягивали с невероятной силой.

До сих пор трудно понять, как в 1979 году, когда люди сидели в отказе по многу лет, когда ОВИРы цинично издевались над желающими уехать, профессору Скурковичу удалось сравнительно легко выехать в Штаты. Министр здравоохранения СССР, узнав о заявлении, поданном на отъезд, пригласил учёного к себе, сказал, что готов исполнить его просьбы, если они есть, что уже подготовлены бумаги для представления работ лаборатории на Государственную премию. Но отпускать или не отпускать – решали только «компетентные органы». И можно с уверенностью сказать, что никогда Семён Скуркович не смог бы уехать, если бы не помощь генерал-лейтенанта МВД Владимира Борисенко. Когда-то Семён Владимирович спас его дочь, и после этого они, одногодки, стали друг для друга Семёй и Володей. Семёя хотя и не был антисоветчиком, но не раз откровенно выражал Володе своё отношение к тому негативу, который видел вокруг себя. Это были брежневские времена, застойные, но уже не такие опасные.

Итак, в 1979 году Семён Владимирович Скуркович эмигрирует с семьёй в США, где его уже ждёт место в Национальном Институте Здоровья, который он посетил в качестве гостя во время зарубежной поездки.

Почти сразу он получает грант от Американского ракового центра для развития своих идей по лечению онкологических заболеваний. Ему всего 57, и он полон энтузиазма и новых идей по лечению иммунных заболеваний, связанных с нарушением синтеза цитокинов. А это, по предположению профессора Скурковича, и аутизм, и рассеянный склероз, и псориаз... остановим перечисление страшных людских недугов. И все эти заболевания, как по-

казали последующие исследования, связаны с перепроизводством в организме различного типа цитокинов, говоря по-научному, с гиперпродуцированием цитокинов.

Работы профессора Скурковича по созданию антицитокинов, уничтожающих этот избыток, как уже было сказано, явились революционными. Он впервые выявил воспалительные цитокины, которые участвуют в формировании воспалений в самых разных местах человеческого организма при ряде заболеваний, и предложил их удалять. Клинические исследования показали высокую эффективность антицитокинов в борьбе с воспалениями.

Испытания антицитокинов в разных клиниках мира в разное время дали положительные результаты. Врачи самых разных специальностей публиковали в советских и зарубежных журналах результаты испытаний: ревматологи – по лечению ревматоидных артритов, невропатологи – по лечению рассеянного склероза, окулисты – по остановке отторжения роговицы, онкологи – по лечению лейкозов, нефрологи – по использованию антицитокинов при гемодиализе, инфекционисты – по лечению СПИДа, дерматологи – по лечению псориаза и алопеции (облысения у детей).

Упомянем о длившемся тридцать лет эксперименте, который начался ещё в России в Институте онкологии и был продолжен под руководством профессора Скурковича, уже ставшего сотрудником американского Института Здоровья. Лечение вакциной, созданной Скурковичем, подвергались 54 ребёнка с острым лейкозом, для которых скорый летальный исход не вызывал сомнений. Выжили и благополучно росли восемь детей. Казалось бы, не так много, чуть больше 15 %, но это при стопроцентной смертности, которая была прежде. Успех несомненный. Результаты эксперимента были доложены на Всемирном онкологическом конгрессе и получили восторженные отзывы.

Нельзя не сказать о вкладе профессора Скурковича в борьбу с синегнойной палочкой, приводившей, как правило, к сепсису и летальному исходу. Профессор С. В. Скуркович и его сотрудники получили патент на антисинегнойную иммунную плазму.

Ещё одно достижение связано с другой палочкой, не приобретаемой человеком, как синегнойная, извне, а живущей в нашем

кишечнике и благотворно участвующей в пищеварении. Беда возникает, когда эти кишечные палочки вследствие язвенного колита или ранения попадают в кровь. Тогда у людей с ослабленным иммунитетом они могут стать патогенными, что нередко приводит к сепсису и гибели организма.

В лаборатории С. В. Скурковича совместно с НИИ вакцин и сывороток им. И. И. Мечникова были созданы трудно произносимые по-русски, но очень нужные эшерихиозные вакцины (эшерихиа коли – кишечная палочка) против четырех типов антигенов кишечной палочки.

– И представьте себе, нам было отказано в патенте на эту уникальную вакцину. Знаете, почему? Никогда не догадаетесь!

– Даже и пытаться не буду.

– Рецензент дал отрицательный отзыв. Оказалось, что у него какие-то личные счёты с Институтом им. И. И. Мечникова. Конечно, можно было бороться, но не хотелось на это тратить время, да и смысла большого не было. Одним патентом больше, одним меньше, какое это имело значение. Гораздо важнее и интереснее было проверить лечебную эффективность нового средства.

Семён Владимирович вспоминает очень рискованный эпизод, когда в крупной детской больнице им. Морозова заболела трёхлетняя девочка. У неё был менингит, вызванный кишечной палочкой. Она умирала. Надежд на спасение не было, и доктор Скуркович предложил ввести в спинномозговой канал иммунную сыворотку против эшерихиозной бактерии.

Сначала была тяжёлая реакция ребёнка и волнение врачей, но постепенно наступало улучшение, и через несколько дней девочка была практически здорова. Её мать плакала от счастья. Семён Владимирович вспоминает большущий торт, который она принесла с искренней благодарностью за спасение своего ребёнка.

Рисковать Семёну Владимировичу приходилось не раз. На согласования не было времени, и он часто брал решения на себя. За это в Институте его прозвали «партизаном».

– Что ещё вспоминается, Семён Владимирович? Понятно, что обо всём не расскажешь. Я же знаю, что у Вас многие десятки патентов и российских и американских.

– Вы правы. Долгая жизнь и непрерывная работа с полной отдачей. Вот ещё памятный результат. По заказу военного ведомства в нашей лаборатории были созданы иммуноглобулины высокой активности к оспе и столбняку. Мне рассказали, что противооспенный иммуноглобулин был успешно использован, когда в одной югославской деревне вспыхнула эпидемия оспы. Весь мир был встревожен, но советским учёным, – улыбается Семён Владимирович, произнося забытое словосочетание, – оспу удалось остановить.

В 1984 году коллективу учёных за создание и внедрение антистафилококковых препаратов была присуждена Государственная премия СССР, о которой уже упоминалось. Каково же было удивление Семёна Скурковича, когда его, автора и руководителя работы, не оказалось в списках награждённых.

– Мне, – говорит Семён Владимирович в нашем разговоре, – не очень была нужна медаль и денежное вознаграждение. Сами понимаете, я зарабатывал гораздо больше, чем все мои бывшие коллеги, вместе взятые. Но где справедливость?

И он пишет письмо в Министерство здравоохранения, которое представило работу к награде. Приведу цитату из ответного письма Минздрава:

«...Возможно, переезд в США и смена гражданства привели к тому, что Вы не попали в число лауреатов премии 1984 года. Несмотря на это, Вы учёный с мировым именем. Ваши заслуги как автора антистафилококковых препаратов и работ по антицитокинам общепризнаны...»

То, что он автор и проводил выдвинутую на премию работу, будучи гражданином СССР, не имеет значения. Слава Богу, хоть заслуги не отрицаются, но покинул Родину, «продался» капиталистам, значит, не заслуживает.

До сих пор профессор Скуркович пытается отстоять свои права. Он мечет громы и молнии, обращается в инстанции разных уровней – правительственные, судебные, общественные. Говоря об этом, он не может сдержать резких выражений по отношению к бездушным и некомпетентным чиновникам всех рангов.

– Семён Владимирович, дорогой, – пытаюсь успокоить возмущённого несправедливостью учёного, – прошло тридцать лет. Гори они огнём. Пожалейте своё время и нервы.

Бесполезно. Отступать Семён Владимирович не привык ни при каких обстоятельствах. А обстоятельства всегда требовали преодоления.

И в Штатах от него потребовалось не меньше сил и настойчивости для преодоления бюрократических барьеров, чем в Союзе. Но там он был только государственным служащим, а теперь у него появились совсем другие возможности, определяемые частной инициативой.

Семён Владимирович вспоминает разговор со знаменитым изобретателем вакцины от полиомиелита, доктором Джонасом Солком вскоре после эмиграции.

– Доктор Солк хорошо знал мои работы и дал им высокую оценку, но при этом добавил: «Америка не такая хорошая, как Вы думаете. Для того, чтобы реализовать Ваши патенты, Вы должны найти честного и богатого инвестора».

Одна компания выделила 40 млн долларов на получение антистафилококковых иммунных препаратов. Пригласили профессора С. В. Скурковича в «Board» (Совет директоров). Однако компания отказалась строго следовать патенту, на чём настаивал Семён Владимирович. Изменения в патенте привели к тому, что работа потерпела неудачу, и он был бессилён что-либо изменить. Прошло немало времени, пока антистафилококковые иммунные препараты, предложенные С. В. Скурковичем, начали широко использовать во многих странах мира, включая Россию.

Наученный горьким опытом, Семён Владимирович решил организовать собственное дело. Поначалу всё складывалось отлично. Ему помог адвокат, мистер Браун. Оформляя очередной патент профессора Скурковича, он сказал ему, что его идеи могут принести большие деньги, и они договорились создать компанию. Арендовали помещение, купили необходимое оборудование, пригласили в «Board» инвесторов и даже приобрели на ферме коз и овец, необходимых для получения препаратов.

Так появилась компания Advanced Biotherapy Concepts во главе с президентом Семёном Скурковичем. Планы были грандиозные – со временем превратить компанию в мощную международную корпорацию, включающую клиники и фармацевтические предприятия. Семён Владимирович не мог представить, в какую конкурентную борьбу он вступает.

Бизнес-история профессора Семёна Скурковича и грустная и понятная. В Советском Союзе, приспособившись к советской бюрократии, Семён Скуркович страдал от невозможности развернуться в полную силу, от необходимости согласовывать всё и вся, выпрашивать штаты и деньги, обосновывать покупку нужной зарубежной аппаратуры. В Америке он надеялся уйти от этих проблем, и ушёл. Но возникли другие, о которых он даже представления не имел.

– Теперь я вижу, каким я был наивным, – говорит мне Семён Владимирович. – Помните, что сказал Ян Гус, когда в Праге его сжигали на костре, про старушку, которая подбрасывала хворост? Святая простота!

Итак, есть фирма, есть авторитетные люди, сулящие успех. Нашлись бизнесмены, ничего не понимающие в медицине, но имеющие деньги и нюх на то, как их можно умножить. Были выпущены акции фирмы, часть которых досталась Скурковичу. По договору все патенты теперь принадлежали не автору, а фирме. Но разве это важно для учёного? Главное, чтобы как можно быстрее провести клинические исследования и сделать препараты доступными для больных.

Семён Владимирович работал, как одержимый. Он был счастлив, но счастье, к сожалению, было недолгим. На определённом этапе денег стало не хватать. Профессору Скурковичу, владевшему большим пакетом акций, было предложено их продать. Кто бы опять думал о последствиях?

Чтобы получить деньги и продолжить исследования, Семён Владимирович продаёт свои акции. Обидно, больно, но и с этим Семён Владимирович готов был смириться. Лишь бы препараты скорее дошли до больных. У него же с детства, как вы помните, «одна, но пламенная страсть» – излечить человечество

от тяжёлых недугов. И тут Семёна Владимировича ждало такое разочарование, что он до сих пор не может об этом спокойно говорить.

Мы слышаны о том, что частная инициатива способствует быстрому научно-техническому прогрессу. Это истина, но только относительная. Когда вступает в силу закон больших денег, прогресс тормозится или даже останавливается. Ни для кого сегодня не секрет, что крупные нефтяные компании чинят серьёзные препятствия развитию альтернативных средств, исключая нефть-тепродукты. Они покупают большое количество патентов и кладут их под сукно, делая невозможным дальнейшее развитие. Похожая ситуация имеет место в медицине.

Идеи проф. Скурковича, раскрывающие глубинную роль иммунной системы в возникновении различных патологий и предлагающие абсолютно новый подход к излечению ряда болезней, неминуемо приводят к революционным изменениям в фармакологии. Но это совсем не нужно фармакологическим гигантам. Они зарабатывают столько на продаже лекарств, что начинает действовать закон больших денег.

Семён Владимирович горяч в оценках, он называет преступниками владельцев его патентов, но, увы, они действуют по правилам. Можно сколько угодно возмущаться, что это аморально. Можно взывать к любви, к человеколюбию. Тщетно. Закон Больших Денег.

Напоминаю разгорячившемуся Семёну Владимировичу известные слова Эрнста Неизвестного: «Рая на земле нет. Но, если выбирать лучший из адов, то это Америка». – Хоть и ад, но всё-таки лучший! – заключаю я.

– Лучший из адов, худший из раев – можно сколько угодно жонглировать словами. Кстати, в русском языке и ад и рай, по-моему, не имеют множественного числа. Назовите, как хотите, но чёрное всегда чёрное, а белое – белое. Положить под сукно мои патенты – это преступление, и никаких оправданий и утешений тут быть не может.

В распоряжении компании, которая больше не принадлежала Семёну Скурковичу, оказались патенты на препараты для ле-

чения диабета первого типа, псориаза, рассеянного склероза, для остановки отторжения трансплантантов и некоторые другие. Профессор Скуркович был автором, научным руководителем, главной движущей силой, но в бизнесе у него не было никаких прав. С горечью Семён Владимирович говорит:

– Больше всего я переживаю за больных детей, которые страдают от диабета первого типа. В Америке 1,5 миллиона таких детей, которые должны вводить инсулин по 7–8 раз в день. Этот тип диабета так и называется – «детский диабет». Я знал, как помочь этим детям, и не мог использовать для этого свои патенты. Человек, владеющий акциями компании, делал вид, что пытается реализовать патенты, но это было не больше, чем желанием на какое-то время меня успокоить. Поняв это, я попросил его перепродать мне мои патенты, которые он купил за бесценок, но он запросил такую крупную сумму, что я онемел. У меня и близко не было таких денег.

– Семён Владимирович, вы не одиноки. В похожей ситуации оказался, к примеру, Андрей Тарковский. Как вспоминает его сын, тоже Андрей, отцу пришлось отказаться от коммерческих прав на фильм, чтобы получить деньги на его съёмку. «Гений – это одно, а законы кинорынка – другое, – сказал младший Тарковский. – В итоге после отца осталось лишь два чемодана вещей».

– Вот видите. Как там говорилось – звериный оскал капитализма! Может, и не звериный, но оскал – это точно, – добавляет Семён Владимирович и после небольшой паузы добавляет. – Я не могу сказать, что я бедный человек, но из богатого человека, которым некоторое время был, я превратился в человека, у которого нет денег даже на то, чтобы симфонический оркестр и хор исполнили мой «Холокост».

Прежде, чем рассказать о «Холокосте», необходимо вернуться к музыкальной стороне жизни Семёна Владимировича. Даже став знаменитым учёным-иммунологом, он продолжал не только самозабвенно слушать классическую музыку, но и сочинять свою собственную. Его музыкальная эрудиция поражает. Он не только знает всю классику, но и на слух может определить, какой дирижер управляет оркестром.

В Штатах ему повезло встретиться с великим скрипачом Исааком Штерном. Они говорили между собой по-русски, хотя Штерн эмигрировал с родителями в младенческом возрасте в начале двадцатых годов минувшего века. Семён был всего на два года младше, и они быстро перешли на «ты». Семёну запомнилась шутка Штерна по поводу культурного обмена между Штатами и Союзом: они нам посылают своих музыкантов из Одессы, мы им посылаем своих музыкантов из Одессы. Семён дал послушать фрагменты магнитофонной записи своего концерта для фортепьяно с оркестром.

– Замечательно, – похвалил скрипач. – А для скрипки ничего нет? – И, не дожидаясь ответа, попросил, не оставит ли Семён ему кассету, чтобы он мог кое-кому показать музыку.

И, действительно, показал. Семёну позвонил пианист, имя которого он за давностью лет вспомнить не смог. Тот приехал к нему в вашингтонский дом, сказал много хороших слов про музыку и уехал. К каким-либо последствиям это не привело, да Семён на них особенно и не рассчитывал.

Его честолюбивые амбиции вполне удовлетворялись научными достижениями, а музыка больше была для себя, для души. Хотелось, конечно, чтобы кто-то её исполнил на публике, но надежду можно было возлагать только на счастливый случай.

Из музыкальных сочинений, написанных Семёном Скурковичем, больше всего ему удалось, как он считает, симфоническая поэма в четырёх частях для двух голосов, хора и оркестра, посвящённая Холокосту. Видевший лагерь смерти собственными глазами, он не мог забыть немислимое зверство человекоподобных. Люди должны помнить об этом. Его музыка о любви двоих, обречённых на смерть и бессмертных.

С этой симфонической поэмой связано наше знакомство с Семёном Владимировичем, перешедшее, к большой моей радости, в дружбу. Началось с того, что после одной из телевизионных литературных передач на RTN, которые ведёт Илья Граковский и в которой я участвовал со своей книгой «Библейские поэмы», Семён Владимирович позвонил мне, сказал, что ему очень понравились стихи и спросил, не соглашусь ли я написать строчки к его музыке, посвящённой Холокосту.

Я ещё представления не имел, кто такой Семён Скуркович и что за музыку он написал, но согласился попробовать, и Семён Владимирович прислал мне ноты. Не играющий ни на одном музыкальном инструменте и не способный по нотам воспроизвести мелодию, я обратился к своим музыкально одарённым друзьям. Они сыграли музыку, нашли её оригинальной и интересной, а мне она просто понравилась.

И я начал сочинять слова, которые, в моём понимании, музыке соответствовали. Для общего представления о том, что получилось, приведу небольшие фрагменты. Хор начинается со строк:

*Судьба на муки обрекла Народ.
В небеса руки он простёр.
Где Ты, Бог? Разве Ты не видишь нас?
Стоны наши услышь...*

Затем вступают сопрано и тенор, она и он, которые успели полюбить друг друга, но не судьба была им стоять под хупой. Они в одном фашистском лагере, но женские и мужские бараки разделены, и нет возможности им видеть друг друга. Они поют о любви, о трагедии, выпавшей на их долю, о том, что вместе они смогут быть разве что после смерти. Продолжает хор:

*Где ты, Ха-Шем?
Видишь ли ты этих двоих?
Метры пути не одолеть,
Вмиг разорвут псы.
Ближе до звёзд этим двоим,
Ближе до неба.
Там обретут вечный покой,
Будут сиять рядом.*

И тенор и сопрано вторят друг другу:

*Свадьбу сыграть не судьба на Земле.
Будет хупою нам звёздное небо.*

В заключительной части хор поёт, обращаясь к Богу:

На смерть, на муки Ты обрёл Народ.

Как палач, смаху бьёшь кнутом.

Наказать жёстко Ты задумал нас.

Слышишь стоны?

Прости,

Не можем мы целовать, Господь,

Кнут, которым бьёшь...

... Тернист наш звёздный путь,

Но другой дороги нет.

Симфоническая поэма символично заканчивается несколькими тактами израильского гимна «Хатиква» («Надежда»). Мы были, есть и будем. Народ вечен.

Семён Владимирович мечтает, чтобы его поэма была исполнена большим симфоническим оркестром и многоголосым хором. Для этого нужны немалые деньги. Он пытается найти поддержку в еврейских общественных организациях, пишет письма с просьбой помочь выдающимся людям: Стивену Спилбергу, Барбаре Стрейзанд, Эли Вайзелю, Нобелевскому лауреату, пережившему Холокост. Ему кажется, что еврейская кровь этих знаменитостей вызовет их интерес к его «Холокосту», и они поспешат прийти на помощь. Но в ответ молчание или вежливые холодные отписки.

Семён Владимирович возмущается:

– Как они могли?! Пепел шести погибших миллионов должен всегда стучать в сердце каждого еврея. Разве можно забыть об этом?

– Семён Владимирович, дорогой, – пытаюсь успокоить его я, – да не забыли они о Холокосте. Но к ним обращаются сотни, если не тысячи людей, большинство из которых графоманы, сочиняющие стихи, романы, музыку и жаждающие признания. У них нет физической возможности выискивать жемчужины в этом море. Поэтому абсолютно все, о которых они ничего не слышали,

получают, в лучшем случае, вежливые отписки. Вы же не заручились ничьей авторитетной поддержкой. Они о Вас представления не имеют. Поэтому такая реакция. Холокост тут ни при чём.

– Нет, при чём. Американские евреи слишком благополучны и не хотят помнить ужасную трагедию своего народа. О ней мало говорят, её начинают забывать. И это очень грустно, чтобы не сказать больше.

– Семён Владимирович, – делаю ещё одну попытку, – я понимаю, что музыка «Холокоста» – это часть Вашей души. Трагедия, свидетелем которой Вы были, осталась на всю жизнь непроходящей болью, незаживающей раной. Но этого мало для того, чтобы оркестры наперебой кинулись исполнять Вашу музыку.

– Даже если моя музыка несовершенна, само слово «Холокост» не может оставлять никого равнодушным и должно вызывать желание помочь автору, а не отмахиваться от него, как от назойливой мухи.

– Пусть будет так, – согласился я, понимая, что мои аргументы бессильны. – Дай Бог, чтобы Ваша мечта сбылась, и мы услышали исполнение Вашей симфонической поэмы.

Сегодня, когда я пишу о нём, Семён Владимирович продолжает остро переживать свою неудачу в бизнесе, но не потому, что не заработал больших денег, а потому, что не смог и до сих пор не может помочь тяжело больным людям, страдающим от практически неизлечимых болезней. Есть выдающиеся научные результаты, есть международное признание коллег, но разве всё это сравнимо с благодарными и счастливыми глазами излеченных людей. Видеть эти глаза было самой большой радостью в жизни Семёна Владимировича Скурковича.

Ему идёт 92-й год, но он продолжает изумлять своей творческой активностью. В последнее время им получены два патента на замену гемодиализа, производимого машиной, на инъекцию антител, которую может делать сам больной. Не надо быть специалистом, чтобы понять, как это жизненно важно для больных, у которых отказывают почки. Только в Штатах семьсот тысяч таких людей, и инъекции антител могут кардинально изменить их жизнь и значительно снизить смертность от этой тяжёлой болезни.

Одновременно им подготовлена статья о профилактике и лечении раковых заболеваний на самых ранних стадиях их возникновения. В этой статье предлагается иммунизировать онкобольных в состоянии полной ремиссии, например, после операции, или абсолютно здоровых людей, у которых обнаружен опухолевый маркер – первый признак возможного ракового заболевания. Иммунизация безопасным онкоантигеном позволит, по мнению проф. С. В. Скурковича, резко снизить количество раковых заболеваний.

В статье предлагается замораживать при очень низкой температуре клетки костного мозга и лимфоциты периферической крови, которые являются важнейшей частью иммунной системы в борьбе с раком. Взятые от здорового человека, они хранятся до тех пор, пока с этим человеком не случилось раковое заболевание. Тогда клетки размораживаются, смешиваются со стандартным онкоантигеном и вводятся больному. Незамедлительно начинается борьба с раковыми клетками, что существенно увеличивает шансы на выздоровление.

Как всякой творческой личности, Семёну Владимировичу свойственно здоровое честолюбие, и он уверен, что благодарное человечество со временем оценит по достоинству его вклад в борьбу с тяжелейшими заболеваниями. Он сделал всё, что мог. Он продолжает делать всё, что может. Ему есть чем отчитаться перед Богом и перед людьми.

Семён Владимирович показал мне монографию «Биологическая терапия в ревматологии», написанную заслуженным деятелем науки России, проф. Я. А. Сигидиным и д. м.н. Г. В. Лукиной. Сначала я прочитал автограф:

«Дорогому Семёну Владимировичу Скурковичу с искренней благодарностью, наилучшими пожеланиями и восхищением его выдающимся талантом и научным предвидением, от авторов.

(обе авторские подписи)

4 февр. 2008 г.»

С правнучкой

А в самой монографии, цитирую дословно, написано следующее:

«Наиболее широкое признание среди методов биологического лечения ревматоидного артрита в наши дни нашла антицитокиновая терапия. Пионером этого принципа лечения является профессор С. В. Скуркович, который в 1974 году теоретически обосновал использование антител для лечения аутоиммунных заболеваний и впервые применил соответствующий препарат в терапии ревматоидного артрита. Это революционное направление в ревматологии в то время не было должным образом оценено, и лишь через 30 лет началось его бурное возрождение».

Что ещё можно к этому добавить? Признание коллег он ощутил в полной мере. Журналистских славословий тоже было достаточно. Многочисленные благодарности излеченных от тяжёлых недугов людей делали его счастливым. За достижения в иммунологии он получил диплом «Great Mind of the 21-st Century». С девяностолетием его поздравила президентская чета Соединённых Штатов. Но на то он и Гаон, чтобы не только радоваться своим достижениям, но и переживать от того, что многие из них до сих пор не начали работать на благо всего человечества.

Март 2015 года

Р. С.: Через полтора года мечта Семёна Владимировича исполнилась. В декабре 2016 года в Провиденсе, столице Род Айленда, симфонический оркестр под управлением Алексея Шабалина исполнил его симфоническую поэму «Холокост». Алексей Шабалин, выпускник Московской консерватории, входил как скрипач в камерный оркестр «Солисты Москвы» под управлением Юрия Башмета, с которым успешно гастролировал по всему миру. С 1996 года живёт в США.

Program

Holocaust: A Symphonic Poem Simon V. Skurkovich (b. 1922)

Text by Yuri Solodkin, Translated by Anatoly Tsaliovich

Edited by Joshua Bornfield and Benjamin Buchanan

1. Preludium

Nazi Germany, 1941 – 1945

2. Adagio Doloroso

Where people remember their old life as they taken to the concentration camps

3. A Tragic Love Story

Where two lovers are split apart before going to their deaths

4. Andante Maestoso

The persecution of the Jewish people continues

5. Andante Doloroso

Human intellect cannot be destroyed

Diana McVey, Soprano

Spencer Hamlin, Tenor

Мы приехали на этот концерт из Нью-Джерси, а Семён Владимирович прилетел из Вашингтона. Он был не очень здоров, ещё не отошёл от недавней серьёзной операции на правом глазу, который был закрыт повязкой, но левый глаз светился радостью по поводу предстоящего события. Мы поздоровались, обнялись, поздравили его с тем, что, наконец, мечта осуществляется.

Зал был полон. Перед началом вступительное слово сказал сын Семёна Владимировича Борис, тоже врач, профессор, соавтор некоторых отцовских работ. Он коротко рассказал о героической жизни отца и в науке и в музыке.

Исполнение симфонической поэмы закончилось долгой овацией зала. Семёна Владимировича окружила толпа желающих пожать руку и получить автограф на программке.

Через полгода, на 95-м году жизни, Семёна Владимировича Скурковича не стало.

СКВОЗЬ БУРИ И ГРОЗЫ

1

Небо над головой. Многие века там обитали боги и ангелы, дьяволы и черти. Оно то радовало солнечным теплом и живительным дождём, то наказывало градом, убивающим посевы, и молнией, устраивающей пожары. Что остаётся делать? С небом не поспоришь. Умолять, умастить дарами, взывать к жалости. Иногда помогало, чаще нет.

Но вот полетели в небо первые самолёты, а следом и ракеты. Все небесные обитатели исчезли в далёком космосе. А нам осталось любоваться небом в любую погоду и привыкать к умному слову – атмосфера. Дальше – больше. Поскольку небо свободно от высших сил, и атмосфера только часть природы, то как в ней не похозяйничать себе на пользу.

Это было его предназначением, его судьбой. Когда он говорит об этом, не может сдержать эмоций:

– Спасибо Тебе, Высший Разум, за то, что создал для человека такую замечательную систему, которая называется Природой. Спасибо Тебе, что сделал моей любовью и страстью физику атмосферы.

– Это про нас, – говорит он про «Иду на грозу» Даниила Градина. – И это про нас, – о песне Юрия Кукина «А я еду, а я еду за туманом...». – Много лет мы реально «шли на грозу и гонялись за туманами».

Когда встречаешься с одарённым человеком, не просто состоявшимся в жизни, а чьи достижения весомы и зримы, возникает интерес к тому, как он получился такой, каким был в детстве и юности, как шёл к своей вершине, «через тернии к звёздам».

Леонид Диневи́ч родился в 1941 году, за десять дней до начала войны. Это случилось в селе Оноры на Сахалине. Сюда был направлен для прохождения службы после окончания Одесского военного училища его отец. В самом начале войны их передислоцировали в расположение военного гарнизона близ станции Зима Иркутской области.

Леонид Диневи́ч

Первое, что сохранила память. Ему почти четыре. Весна. Небо плотно укутано облаками, которые принимают самые разные формы, превращаясь во что-то узнаваемое. Он идёт по дороге вдоль одноэтажных деревянных домиков, в которых живут семьи офицеров. За домиками лес с высоченными деревьями. На обочине деревянный столб, на котором вверху висит большой чёрный колокол. Из него звучит мощный голос, объявляющий об окончании войны и капитуляции фашистской Германии. Победа!

Возле столба собираются женщины, целуются, обнимаются, плачут. Он бежит домой и кричит: «Мама! Победа!» Мама выбегает на улицу и плачет вместе со всеми. А он гордый, как победитель, идёт строевым шагом по укатанной грунтовой дороге. Дорога уходит за горизонт. Там что-то скрыто от глаз, но он обязательно узнает что, когда вырастет.

В течение всей жизни ему будет сниться эта дорога. Она станет для него символом судьбы. Его жизнь – это одоление дороги, по которой суждено идти.

Последовала небольшая пауза. Возможно, он снова видел, как наяву, ту врезавшуюся в память дорогу. Я молча ждал, когда Леонид продолжит.

– Отца отправили продолжать войну на японском фронте, а всё остальное семейство – я, полуторагодовалый младший брат и мама, беременная моей будущей сестрой – поехали из Сибири в родную Одессу, где оставалась семья моей мамы и где, как реши-

ли родители, ей лучше родить и какое-то время пожить с детьми среди своих. Но прошло четыре года страшной войны. Где те, что остались? Успели спастись или, не дай Бог, погибли? От них никаких вестей. Едем, а там будет видно.

Лето 1945 года. Мы все стоим у дверей квартиры, в которой выросла мама. Оцепеневшая от ожидания и страха, мама стучит в дверь. Дверь приоткрылась. Я не видел, кто её открыл, не слышал, что было сказано, но дверь захлопнулась перед носом.

Мы вышли во двор, и тут же высыпали соседи. Многие из них узнали маму, и она называла их по именам. А дальше мы услышали жуткий рассказ.

В этом дворе от рук фашистов погибли бабушка, старшая мамина сестра, беременная на последнем месяце, и двое её детей. Выдала их дворничиха. Мама помнила её. Она приходила к ним в гости, пила чай с бабушкиными пирожками и благодарила за доброту и гостеприимство.

Когда убежать от захватчиков не удалось, дворничиха обнадёжила, что спрячет и защитит, но в первый же день привела фашистов в квартиру с евреями. Их выгнали на улицу. У сестры начались преждевременные роды. Она не могла идти, упала. Её добились прикладом. Бабушка с криком упала на неё и тоже получила удар в затылок. Двух ревущих детей поволокли и бросили в машину.

Мама плакала навзрыд, а я, как она рассказывала потом, спросил: «Почему убили бабушку?». «Потому что она еврейка», – услышал я в ответ. Слово «еврейка» было для меня новым, и я его сразу забыл.

Мы уходим. Нас не пустили в нашу квартиру. Туда вселился кто-то чужой. Вот был бы папа рядом, он бы восстановил справедливость. Но он далеко, а мама не в силах что-либо сделать.

Они поселились в крохотной комнатке в полуподвале, которую уступила им мамина подруга довоенных лет. Это была коммунальная квартира с общей кухней и длинным коридором, по которому можно было бегать и гонять на оказавшихся нашими трёхколёсных велосипедах.

Жить трудно. Денег нет. А в августе мама рождает сестрёнку, и становится совсем тяжело. Она идёт в горсовет с просьбой вернуть квартиру и оказать помощь. Молодая и красивая женщина,

как не воспользоваться положением, и власть имущий намекает, что может помочь, если она... Повернулась и ушла. Как-нибудь проживём, дождёмся папу, и он с этими гадами разберётся.

– У мамы было много молока, хватало и сестрёнке и на обмен. За него она получала продукты. Да и сердобольные соседки подкармливали нас, малышей – то галушками угостят, то варениками, а бывало, и супа горячего нальют.

А папа воюет в это время с японцами на Сахалине и Курильских островах. Японцы быстро признали себя побеждёнными. К концу августа всё было кончено. Курилы теперь наши! Это потом я узнал, что на острова под смертоносным огнём высаживались десанты и шли кровопролитные бои.

Папа жив-здоров, берёт короткий отпуск и приезжает за нами в Одессу. У него нет времени разобраться с нашей бывшей квартирой, тем более, искать дворничиху, которая, скорее всего, сбежала в родную деревню, и никто не знает, откуда она родом. Папа забирает нас по месту своей службы на Курильские острова.

– Вот скажите, – Леонид обращается ко мне, – как такое получается. Дворничиха всю жизнь не идёт у меня из головы. Люди растут в одинаковых условиях, учатся в одних школах, воспитываются в духе высокой морали, дают клятву пионеров, становятся комсомольцами и коммунистами. Но стоит только изменить условия, к примеру, война, тут же стяжательство, предательство, ненависть к тем, которых уважали и даже любили.

– Ну это же не все, и даже не большинство. Иначе войну бы не выиграли.

– Согласен, не большинство, но очень многие. Я начинаю думать, что это объективный закон человеческого бытия, человеческая природа. До поры до времени такие качества, как зависть, жестокость, подлость, таятся где-то в глубине, но в подходящий для них момент выходят наружу. Это у всех. Но одни научены подавлять их, загоняя снова внутрь, а у других это не получается.

– Всё же бывают люди, изначально не способные на жестокость и подлость.

– Конечно, бывают, но исключительно редко.

– Значит, меньше раз ошибёшься, никому не доверяя, чем доверяя всем?

– Могу сказать только про себя. За свою доверчивость я был неоднократно наказан, но изменить себя не мог.

– И вы считаете это своей ущербностью?

– Не знаю насчёт ущербности, но жить мешало. Уповать можно только на жизненный опыт и интуицию. Собственно, интуиция и есть жизненный опыт. Я вот чувствую, – смеётся Леонид, – что вы человек порядочный.

– Спасибо за доверие. По-житейски всё так, а психологи пусть разбираются с нюансами.

– Пусть разбираются, – согласился Леонид, – но дворничиха сволочь и убийца.

Мы сидим в уютном кафе на короткой и очень красивой улице Мамила, ведущей к Яффским воротам. Это наша первая личная встреча. До этого была переписка, из которой я узнавал о его насыщенной событиями жизни. Мне уже было известно, что он занимал в Союзе высокий пост, имел звание генерал-лейтенанта. В Израиле он тоже нашёл приложение своим знаниям и способностям, но это была не та высота, к которой он привык. Умом всё понимал, но душа никак не могла успокоиться. Приходилось просить, а он привык приказывать.

Но это всё в дальнейшем, а пока вся семья – папа, мама и трое детей мал мала меньше – поселились на краю света, на острове Кунашир.

Первое, что вспоминается – море. В полукилометре от берега, а во время прилива всего метрах в пятидесяти – ряд одноэтажных деревянных домиков для семей офицеров, точно таких же, как в Сибири на станции Зима. Возле каждого домика сарайчик и небольшой двор. За домиками сопка. К её вершине ведёт длинная деревянная лестница. На сопке солдатские казармы, а вокруг густой лес. Вповалку лежат отжившие свой век деревья, покрытые мхом, а рядом уже пробиваются маленькие деревца. Одно уходит, другое является ему на смену.

Чуть подальше японская деревушка с ещё живущими в ней японцами. Там была небольшая деревянная пагода с изогнутой крышей, куда они ходили молиться. Внутри пагода была украшена разноцветными фонариками и гирляндами из бумаги и картона.

Мы бегали в эту пагоду, брали фонарики для своих детских игр, и никто нам не препятствовал. Для японцев мы были победителями, а они для нас – побеждёнными врагами.

– Что ещё запомнилось, – Леонид отхлебнул кофе. – Не устали слушать?

– Разве мы не для этого встретились? – отвечаю вопросом на вопрос, и Леонид продолжает.

– После отлива на берегу часто оставалось много рыбы, в основном, горбуши. Может, вам более знакомо другое название этой рыбы – лосось. Недалеко от дома папа вырыл яму и поставил сверху железную бочку без дна. В яме разжигали костёр, а в бочке подвешивали рыбу для копчения. Участие в копчении рыбы принимала вся семья. Даже едва начавшая ходить сестрёнка подбрасывала щепочки в костёр и в восторге пицала, когда они вспыхивали. Из рыбы доставали красную икру и солили в специальных деревянных бочонках. За нашим домом был небольшой участок, на котором мы сажали картошку, а в сараюшке мама выращивала поросёнка.

Леонид немного помолчал. Взгляд его казался устремлённым внутрь. Что ещё сохранила детская память?

– Землетрясения чуть ли не каждый день. Они были настолько привычными, что на них никто не обращал внимания. Мебель была соответствующая: массивный стол, шкаф, прикрученный к стене, и тяжёлые табуретки, в центре которых было отверстие под ладонь, чтобы их было легко перемещать. Под потолком на шнуре висела лампочка без абажура. Табуретки под нами качались, но рядом были спокойные мама и папа, и нам было совсем не страшно.

Надо упомянуть ещё про печку, которая выдержала все землетрясения. Её топили дровами. На ней мама готовила обеды и грела воду для стирки. Но главное, от неё исходило такое тепло, которое ни с каким другим сравнить нельзя. Каким наслаждением было, придя с мороза, расположиться у печки! Похожее ощущение возникало потом только возле костра. Есть что-то завораживающее в горящих дровах. То ли это детская впечатлительность, то ли отзвук пещерных предков, кто знает.

А зима была долгой, с ветрами и снежными бурями. В иные дни ходить можно было только держась за верёвки, натянутые ме-

жду домами. Дома засыпало снегом по самую крышу, и вход в дом раскапывали солдаты.

На острове были дети только из семей офицеров, причём, все они дошкольного возраста. Школы не было, и старшие дети отправлялись учиться к бабушкам и дедушкам на материк. Поэтому в свои шесть с небольшим лет я был самым старшим и в авторитете, как нынче принято говорить.

Свобода наших перемещений была очень ограничена. Это были или набеги на соседнюю японскую пагоду, о чём я уже говорил, или игры на берегу во всё, что мы только могли придумать. Родители изредка поглядывали за нами издалека, не особенно волнуясь.

Хорошо помню один момент, который мог закончиться трагически. На берегу стояла небольшая просмоленная японская лодка, больше похожая на ящик. Мы решили все залезть в эту лодку. Пусть она будет большим военным кораблём. Мы это мой брат, соседские друзья и даже моя маленькая сестрёнка, которая сама залезть не смогла, и её пришлось затащить. Капитаном был я, и мы плыли воевать с фашистами. Мы настолько увлеклись игрой, что не заметили, как прилив поднял нашу лодку и потянул в море. Никто не испугался. Ведь мы плыли на войну и трусами быть не могли. Родители заметили наш морской поход, когда мы уже были далеко от берега. Им пришлось вызывать пограничный катер, который вернул героев домой.

После нескольких лет службы на Курилах отца отправили в подмосковный Солнечногорск на курсы высшего командного состава «Выстрел». После окончания курсов его не вернули на Курилы, а направили для продолжения службы в Волынскую область западной Украины для борьбы с ещё действующими бандеровскими бандами. Это означало, что с Кунашира до Солнечногорска нам добираться самим.

Наша дорога в Солнечногорск – это отдельная повесть. Дело к зиме. С пирса уходит последний в навигации грузовой пароход. Если на нём не уплыть, придётся ждать до весны. А меня надо отдавать в школу. Мать мечется, не зная, за что хвататься. Спасибо папиному ординарцу, который помог собрать вещи и подвёз к пирсу.

Холодно, и сильный ветер. Из-за шторма пароход к пирсу причалить не может и стоит на рейде. Всех к пароходу доставляет спе-

циальный катер. Катер и пароход сильно качаются на волнах. Всех пассажиров и вещи приходится поднимать с катера на верёвке. Нас по очереди обвязывают верёвкой и поднимают на палубу.

Пассажиров не так много. Всех разместили в трюме. Пароход-то грузовой. Запомнилась в середине трюма гора соли. Накопец, отплыли. Качка такая сильная, что все лежат пластом и не могут подняться. А меня почему-то не укачивало, и я помогал всем, кто просил что-то принести или унести. Это продолжалось больше двух суток до прибытия во Владивосток.

Нас высадили на привокзальный берег, прямо на грунт. Встречать нас некому, дальше сами, как хотите. Маме нужно пойти на вокзал и по воинскому билету получить места на поезд Владивосток – Москва. Она оставляет нас на берегу. Мне 7 лет, на мне ответственность за брата и сестру, пока нет мамы. Мне нравится чувствовать себя взрослым.

Мама возвращается. Всё в порядке, но поезд почти через двое суток. Что делать? Уже поздний вечер. В комнате матери и ребёнка отказано – нет мест. Куда деваться с детьми?

Выручил молодой моряк. Увидев нашу беду, он предложил переночевать в деревянном строении, которое было когда-то общественным туалетом. Из толстых матов была сооружена стенка, отделяющая туалетные дыры от небольшого входного пространства. На полу лежали те же маты, на которых мы и переночевали. Наутро тот же моряк получил для нас место в комнате матери и ребёнка, а потом помог нам сесть на поезд.

В общем плацкартном вагоне мы ехали до Москвы семь суток.

В Москве нас встретил папа с подарками каждому, мама светила от счастья, и мы все поехали в Солнечногорск.

Солнечногорск мне не запомнился. Это было очень короткое пребывание, и мы поехали по новому назначению в Западный военный округ, в небольшой городок Любомль Волынской области, в 17 км от польской границы. 1949 год. В лесах и на хуторах ещё полно бандеровцев и прочих бандитов, которые вешали и убивали коммунистов, сжигали колхозную собственность. Ликвидацией этих бандитов и должен был заниматься отец. А для меня начиналась моя школьная жизнь. Я начал учиться в русской школе

в Любомле, а оканчивал школу в соседнем городке во Владимире Волынском, куда мы переехали вслед за отцом.

Что сказать об этом времени? Оно было беззаботным и счастливым. В окрестном лесу росли ягоды и грибы. В палисадниках зрели яблоки и груши. Огороды краснели помидорами и зеленели огурцами.

По сравнению с Кунаширом это был райский сад.

Учился я легко, получал по всем предметам только пятёрки. Исключением был украинский язык, считавшийся вторым после русского. Говорил я неплохо, но писал с ошибками. Из-за отметки по украинскому мне не дали медаль после окончания школы. Это при том, что в десятом классе на областной школьной олимпиаде я получил первые места по математике, физике и химии. Мне и в голову не могло прийти, что это могло быть связано с моим еврейством. Никакой обиды, надо было лучше учить украинский, думал я, и родители даже не пытались мне объяснить, что могут быть иные причины.

Памятными в школьные годы были дни, когда отец брал нас с собой на полевые учения. Мы жили в палатках, ели солдатскую кашу, стреляли из всех видов оружия. Немаловажный факт в воспитании настоящих мужчин.

Мне нравилось быть авторитетом среди учеников и чувствовать уважение учителей. Мне поручали возглавлять ученические отряды в походах по окрестным местам, и всегда был полный порядок, никаких эксцессов. Надо ли говорить, что я был искренне преданным пионером и комсомольцем.

В семье мы никогда не слышали никакой критики советской власти. Она всегда была права. Помню венгерские события. Со всех сторон осуждение попытки фашистского переворота. Отцовский полк в полной боевой готовности выведен на польскую границу. Фашизм не пройдёт!

Другое событие – Дело врачей. Врачи-убийцы. Еврейский заговор.

Вокруг нас немало евреев, и среди родительских друзей, и среди учеников в школе. Взрослые перешёптываются о возможных проблемах для евреев. Мне, ученику четвёртого класса, завуч

школы задаёт вопрос, что я сделал бы с врачами-отравителями. Я по-пионерски уверенно ответил, что их всех надо расстрелять. Много позже я понял, насколько подло было задать этот вопрос именно мне. А тогда не сомневался в справедливости обвинений, в преступном заговоре, но я-то лично при чём. Меня может ждать только светлое будущее.

Ближайшее светлое будущее должно наступить, кто бы сомневался, после окончания школы. Меня поздравил с победой на олимпиаде школьников морской офицер в красивом мундире и предложил поступать в Ленинградскую военно-морскую медицинскую академию. Это было больше, чем мечта. Это звучало, как песня. Я обрадовал родителей и дал согласие.

Прежде чем поехать в Ленинград для сдачи экзаменов, надо было пройти медицинскую и мандатную комиссии в Луцком облвоенкомате.

Медицинскую комиссию я прошёл легко. На мандатную комиссию шёл с полной уверенностью. Сын боевого офицера, круглый отличник, политически грамотный и общественно активный.

Большущая комната. Длинный стол. За ним в центре сидит военком, по обе стороны от него члены комиссии. Перед военкомом папка с моим личным делом. Незаметно заглянул в открытую папку. Одно короткое слово подчёркнуто красным карандашом. Чётко не вижу, но догадываюсь, что это слово «еврей».

Обращаясь ко мне, военком говорит, что он не может послать меня в Ленинградскую академию, и предлагает Высшее техническое училище бронетехники. Причиной он называет то, что я ещё очень молод, а в академию требуются студенты, уже имеющие опыт работы или службы в армии.

В полной растерянности заявляюсь домой. Родители тоже расстроены, но ни слова про антисемитизм. Они отправляют меня в Одессу. Там мамина сестра – есть кому принять, и полно вузов – есть где учиться.

Я подал документы в Технологический институт пищевой промышленности. Первые три экзамена – математика письменно и устно и физика – на отлично. За сочинение на русском получил четыре. Последний экзамен немецкий язык. «Немка» в школе всегда хвали-

ла. Я не был свободен в языке, но школьную программу освоил на отлично. Понял всё, что меня спрашивали по-немецки. Ответил на все вопросы. Перевёл и написал какие-то предложения. Мне не сделали ни одного замечания, не указали ни на одну ошибку и поставили тройку. Это означало, что я не набрал проходного балла.

Сегодня я понимаю, что была задача не пропустить меня по конкурсу, но тогда я всё ещё не допускал мысли об антисемитизме по отношению ко мне. Верите – нет, но решил, что лучше надо готовиться. Сейчас трудно в это поверить, но так оно было.

Следующая попытка возможна только через год, но если и она будет неудачной, тогда заберут на три года в армию. А пока надо устраиваться на работу.

Дядя, муж маминой сестры, устроил меня слесарем на завод «Металлист». Работа не была мне в тягость. Когда я ехал в трамвае домой, мне казалось, что люди с уважением смотрят на мою замасленную одежду и ладони с застрявшими кусочками стружки. А как же иначе – едет рабочий человек!

Одновременно я поступил на подготовительные курсы Одесского гидрометеорологического института. Это не было случайным выбором. Атмосфера, моря и океаны, погода и климат – всё это уже начинало овладевать моими мыслями, увлекало возможностями новых достижений в овладении природой.

Через год снова сдаю вступительные экзамены. Переживаю не только я, но близкие и дальние родственники. У меня уже повестка явиться в военкомат. Но...все экзамены на пятёрки, и я зачислен на первый курс. В институте есть военная кафедра, поэтому я освобождён от призыва в армию.

Первая сессия сдана на отлично. Я получил повышенную стипендию и место в общежитии. Не остались незамеченными и мои организаторские способности. Вскоре я стал заместителем председателя Объединённого комитета профсоюзов, а ещё через год – председателем Студенческого научного общества Института.

Тут хочу рассказать о том, что мне больно вспоминать, но никак забыть не могу. Мой младший брат после окончания школы решил поступать в тот же институт, где учился я. Все экзамены на пять, а за сочинение по русскому языку и литературе тройка.

Ситуация повторяется с очевидной закономерностью. Мы идём, подавленные результатом, а навстречу моя преподавательница, куратор нашей группы, очень хорошо ко мне относившаяся: «Что, ребята, голову повесили?» Рассказываю что случилось. «Надо проверить. Не исключено, что можно помочь».

Но попытка таким путём исправить оценку казалась мне бесчестной. И брат молча стоял рядом, был того же поля ягода, что и я. Почему мне в голову, вроде совсем неглупую, не приходило, что тройка брату, как ранее мне, была бесчестной и несправедливой, что исправить её было бы как раз справедливым и правильным. Но комсомолец Леонид Диневич, – с горькой усмешкой сказал он о себе в третьем лице, – ответил: « Спасибо, не надо. Пусть лучше готовится к экзаменам». Можно ссылаться на время, на воспитание из нас «павликов морозовых», на наше полное незнание реальной жизни, всё так. Но помните, у Твардовского: «...и всё же, всё же, всё же».

Про институтские годы рассказывать особенно нечего. Круглый отличник, круглее не бывает. Про общественную работу уже говорил. Кроме этого, научная работа на кафедре. Даже по просьбе профессора несколько лекций прочитал по теоретической механике. Всё шло к тому, что после окончания меня оставят на работе в Институте.

Так бы оно и было, но... Жизнь распорядилась по другому. Это случилось в колхозе, куда нас, студентов, отправляли на помощь в уборке урожая. Я, как ответственный за работу студентов, собираю вечером народ, чтобы обсудить итоги дня. И вот девочки жалуются, что две подруги делают существенно меньше остальных, и это снижает общий показатель.

Не буду вдаваться в подробности, но одну из них звали Соня. И вот я, студент третьего курса, почти каждый вечер хожу полчаса пешком к ней в гости. Соня жила вместе с подругой Анютой. Анюту я не мог не упомянуть, поскольку Анина мама была акушеркой и принимала роды у Сониной мамы в Винницком гетто. Так и дружили с той поры и мамы и дочки.

Однажды я застал в гостях у Сони с Аней парня, который приехал на служебной машине откуда-то из Винницкой области. Па-

рень вёл себя, как жених, и всем видом показывал, что у них с Соней вопрос уже решён. Меня это настолько разозлило, что я, зажав вилку в руке, сломал её большим пальцем, и обломок полетел в сторону соперника. Это был вызов. Мы вышли. Он пытался мне объяснить, что Соня его любит и будет его женой. А я ему сказал, чтобы он про Соню забыл и больше мне на глаза не попадался.

Решение было принято, и в конце апреля я стал семейным студентом. Это была первая студенческая свадьба на курсе. Соня стала моей любовью на всю жизнь, моим счастьем, моей жизненной удачей.

После окончания института было несколько возможностей, включая аспирантуру. Но на распределение приехал профессор Гайворонский Иван Иванович из Центральной аэрологической обсерватории в Долгопрудном. Соня проходила у него производственную практику. Я тоже одновременно проходил эту практику, но в другой организации в Москве. Мы, естественно, жили вместе, но я часто бывал в обсерватории, и Иван Иванович меня знал.

Так вот он уговорил нас распределиться к ним на работу, но не в Долгопрудном, а на полигоне в Молдавии. Расписал, что мы будем работать на переднем крае науки и техники, что в короткое время защитим кандидатские, а затем и докторские диссертации, но главное – нам в ближайшее время обещана квартира. Это же такой подарок для молодой семьи. И вдобавок в Тирасполе жили теперь мои родители, значит, с ними можно будет чаще встречаться.

Несколько слов о том, как родители оказались в Тирасполе. В 1960 г. Никита Хрущёв решил сократить Вооружённые силы СССР почти на треть. Отец был уволен в запас. Жилья нет, гражданской профессии нет. Где жить, на что жить – кого это волнует? Пройти войну, отслужить более четверти века верой и правдой и оказаться никому не нужным. Это к вопросу, как заботилась Советская власть о человеке.

Приехали в родную Одессу. О возвращении украденной по сути дела квартиры и слышать не хотели. Более того, даже прописать в городе отказались, если они не найдут квартиру, со-

ответствующую минимальной норме на пять человек. Иначе, чем издевательством, это не назовёшь. Пришлось уехать к отцовским сёстрам в Тирасполь.

2

«Облака плывут, облака...» Пар поднимается с поверхности воды. Туман стелется по земле. Тёплые потоки воздуха поднимают его выше и выше, и вот он превращается в белые облака, принимающие самые причудливые формы. А пар продолжает подниматься. Температура воздуха всё меньше и меньше. Образуются капли и градинки, которые становятся всё тяжелее и тяжелее. Облака превращаются в тучи. Капли и градинки становятся настолько большими, что сила тяжести превышает подъёмную силу потока воздуха, и туча проливается дождём или градом.

Великий круговорот природы!

Такая картина вполне устраивает поэтов, но не учёных, которым надо иметь формулы и уравнения. Объект очень сложный, ежесекундно меняющийся. Тут без высшей математики, без исчисления вероятностей не обойтись. А если мы хотим ещё и вмешаться в естественный ход процесса, надо создавать новые технологии и технические средства. Это уже требует экспериментальных исследований и создания больших коллективов, объединяющих учёных, инженеров и прочих сотрудников, которые им сопутствуют.

Всё это я рассказал Леониду, который с улыбкой выслушал моё популярное изложение того, на что он потратил годы тяжёлого, с полной самоотдачей, труда.

Ещё в институте, в начале шестидесятых он услышал об активных воздействиях на облака. Первые успехи, как это часто бывает, вызвали непомерные ожидания. Град больше не будет уничтожать урожаи, дождь и снег будут выпадать, где надо и в нужное время, ураганы будут менять свои пути и уменьшать разрушительную силу. Да что там осадки и ураганы! Будем управлять атмосферой и менять климат.

Эйфория быстро прошла. Экспериментальный полигон, на котором он начал работать в Молдавии, был в зачаточном состоянии. Они прибыли на эту базу в конце июня 1965 года, всего через полгода после её создания.

Вышли на железнодорожной станции Корнешты, спросили, как дойти до полигона. До «ракетной базы»? – уточнил местный житель. Так здесь наименовали полигон.

Ему запомнилась липкая чёрная грязь, которая приклеивалась к подошвам и отваливалась кусками при ходьбе. На окраине посёлка длинный глинобитный сарай, служивший раньше складом, несколько палаток, радиолокатор и две пусковые ракетные установки. Сотрудников десятков с небольшим вместе с командированными.

Через 28 лет своей работы он мог с гордостью перечислить содеянное: 12-этажный производственно-лабораторный корпус в Кишинёве, командно-диспетчерский пункт совместного управления воздушным движением и запусками ракет и центр для рассеивания туманов в аэропорту Кишинёв, 250 ракетных пунктов, 15 экспериментальных баз в различных районах республики с комплексами служебных зданий, с десятками километров подъездных дорог и линий связи, с собственными электростанциями на случай отключения электричества при грозах, с жилыми домами и базами отдыха для сотрудников, число которых достигло почти трёх тысяч человек.

Создание такого большого коллектива, способного на высоком научном и техническом уровне решать поставленные задачи, Леонид считает главным достижением в своей жизни.

На двух заводах Молдавии шло освоение производства пусковых установок под новые типы ракет. Количество используемых ракет превысило 50 тысяч ежегодно. По его инициативе началась подготовка специалистов в Кишинёвском университете. Он взял на себя чтение курсов физики атмосферы и радиолокационной метеорологии.

Накапливались экспериментальные результаты, которые стимулировали новые научные разработки и более совершенные технологии. Доктор физико-математических наук, профессор Леонид Диневич вместе с сотрудниками публиковал статьи и книги. Всего

им опубликовано пять книг и более ста статей по проблемам активных воздействий, а позднее и по радиолокации птичьих стай. Но речь о птичьих стаях ещё впереди.

Широкий спектр профессионально и эффективно выполняемых задач, техническое оснащение новыми разработанными средствами воздействия сделали Службу, так коротко называл Леонид свою организацию, авторитетной не только в Союзе, но и в мире. В Молдавию учиться и перенимать опыт приезжали специалисты из многих стран. США, Китай, Аргентина, Бразилия, Италия... – далеко не полный перечень. И Леонид Диневи́ч неоднократно бывал в этих странах, выступал с докладами на конференциях, обсуждал со специалистами состояние работ по активным воздействиям.

Всё это звучит победными гимнами. Но его свершения – это не только результат собственных знаний и таланта, это ещё и работа с людьми, среди которых он обрёл много друзей, но были и соперники без чести и совести, были и враги, подлые и мерзкие. Во время долгих разговоров Леонид вспоминал то один, то другой эпизод из его жизни. Было видно, что он переживает их заново.

Леонид вспоминает, как после обещания почти манны небесной его, Соню и маленькую дочку поселили в девятиметровой комнатке в двухкомнатной квартире. После отъезда соседа им дали его четырнадцать квадратных метров. Большое спасибо! А когда получили для себя и родителей Сони, с которыми стали жить вместе, отдельную двухкомнатную малометражку, это был праздник.

Не случайно он вспомнил про жилищные условия. Когда ему было предложено написать книгу, он с энтузиазмом взялся за эту работу, но на службе, а она длилась с утра до вечера, времени для книги не оставалось. Он писал её до поздней ночи дома. В одной комнате жена с ребёнком, в другой – её родители. Оставалась ванная. На ванну была положена доска, приставлена табуретка. Чем не рабочий кабинет!

Далее прямая речь.

– И вот книга готова. Отправляю её московским начальникам, по инициативе которых она была написана. Включаю их в авторы. От меня не убудет, а делу поможет. Вдруг получаю от них

предложение, в это трудно поверить, исключить меня из авторов. Какой-то жалкий лепет по поводу примирения «артиллерийского» и «ракетного» направления, а я непримиримый сторонник второго, и первые могут обидеться, увидев меня среди авторов.

– Действительно, жалкий лепет. И что Вы ответили?

– Я отказался от авторства. Подумал, хрен с ними. Я молод, мои книги ещё впереди. Зато буду иметь поддержку из Москвы во всех своих начинаниях, включая финансирование работ, укомплектование кадрами и прочее.

– Сегодня не жалеете об этом?

– Жалею только о том, что этот поступок не делает мне чести.

А для меня быть честным во всём было жизненным кредо.

– Разрешите с Вами не согласиться. К чести это не имеет отношения. Вы играете в шахматы и жертвуете фигуру, чтобы одержать победу. Вы отказались от авторства, но в итоге победили.

– Теперь я с Вами не согласен. Аналогия с шахматами хромает. Люди – это не шахматные фигурки.

В другой раз снова возник разговор о чести и достоинстве. Для Леонида это всегда были наиважнейшие понятия в жизни. Он не один раз говорил мне, что никогда не добивался должностей, не пробивал себе дорогу иным путём, кроме собственного труда.

– Но честолюбие всё-таки было? – спрашиваю я.

– Конечно. Мне нравилось, что мой труд ценят, что я поднимаюсь по служебной лестнице. Это нормально. Вот тщеславие – это порок, а честолюбие, оно свойственно всем творческим людям, признаются они в этом или нет.

– Всё это верно. Но мы росли с Вами в одно время, и я помню, что коррупции в нашем сегодняшнем понимании не было, поскольку денег ни у кого не было, но были подарки, были взаимные услуги, было так называемое позвонковое право. Неужели никогда не приходилось сталкиваться?

– Приходилось, конечно. Про мою первую книгу, в которой я не числюсь автором, Вы уже знаете. Другой случай.

Для сбора экспериментальных данных позарез нужна немецкая климатическая камера. Помочь её приобрести может только Госплан СССР. Полетел в Москву с одним авторитетом из Госплана

Молдовы. С нами ящик коньяка и два ящика вишни. Поселились в гостинице Москва, пригласили в номер сотрудника Госплана СССР, поговорили, вместе поужинали. Вскоре мы получили две климатические камеры.

– Знакомая ситуация. Но это для общего дела, а для себя, для семьи неужели никогда не приходилось кого-то и о чём-то просить?

– Никогда. Было одно исключение, но я не мог его не сделать. Наша дочь окончила филологический факультет Кишинёвского университета. Выпускные экзамены она сдавала, будучи беременной нашей внучкой. Молодую семью распределили на работу в какую-то далёкую деревню. Соня была в ужасе и настаивала, чтобы я вмешался. К тому времени я был депутатом Кишинёвского совета, ещё и приглашённым профессором в том же университете, только на другом факультете. И вот в генеральской форме я заявился к ректору. Был встречен с уважением, получил от него обещание решить вопрос. И он решил. Дочь направили преподавать английский язык в школу-интернат рядом с нашим домом.

– Кто ж Вас за это осудит. А как Вы дослужились до генерала?

– Дело в том, что наша Служба – это та же самая армейская: ракеты, пусковые установки, радиолокаторы, средства связи, круглосуточные дежурства. Всё это требует военной дисциплины, и наши гражданские организации были преобразованы в военные. Был разработан устав, введена форма одежды, отменены профсоюзы. Все сотрудники получили различные воинские звания. Я, как глава Службы в Молдавии, получил звание генерал-лейтенанта. Так что я, – смеётся, – из младшего офицера запаса скакнул сразу в генералы.

– Леонид, – меняю я тему разговора. – Вам приходилось обманываться в людях?

– И неоднократно. Излишняя доверчивость всегда была моим недостатком. На меня и доносы писали. То утаиваю получаемые в университете деньги при уплате партийных взносов, то развёл семейственность (жена и брат работали в моей службе), то продал госимущества чуть ли не на миллион долларов. И комиссии присылали, и инвентаризации проводили. Выяснялось, что взно-

сы я даже переплачивал, что брат и жена – высококвалифицированные специалисты и не находятся в прямом моём подчинении, что госимущество всё на своём месте. Но сколько это всё стоило нервов и горького разочарования в людях!

А вспомните 1991 год. Горбачёвский беспредел. Нашлись сотрудники, которые стали требовать выборности руководителя. Они собирались и обсуждали, как заставить меня пойти на это. Мол, руководи, как нам нравится, иначе не выберем. Может, надо было принять участие в их обсуждениях, объяснить им, что Служба не государство, а я не президент. Я этого не сделал.

Более того, нашлась группа специалистов, которая направила письмо в «Литературку». Помните, была такая толстая газета, публиковавшая острые материалы в перестроечное время. В письме говорилось о недостаточной эффективности наших работ. Конкретно меня не обвиняли, но кто же ещё может быть в этом виноват.

Из Москвы прислали комиссию, которая целую неделю разбиралась с жалобой. Беседовали со всеми жалобщиками. И они лепетали, что имеющийся состав специалистов в сменах работает очень тяжело, и надо увеличить штаты (а кто против?), что надо повысить оплату труда (конечно, надо), что необходимо выявлять причины пропуска града и думать о технологическом прогрессе (так это моя основная забота). Словом, гора родила мышь, хоть и маленькую, но противную.

– Дорогой Леонид, – мне захотелось выразить своё отношение к только что сказанному. – Ваша Служба была гражданской по сути и военной по содержанию. Чёткая субординация, беспрекословное подчинение старшему по званию. Вы впитали эти отношения с детства. У Вас даже был замполит, который должен был заботиться о нравственном здоровье сотрудников. И люди принимали это за данность, с которой надо жить, нравится она им или нет.

И вдруг перемены. Рушатся устои. Люди понимают, что можно открывать рот, не задумываясь о последствиях, что генерал Диневич должен считаться с их мнением и выполнять волю большинства, иначе не выберут. Вы можете сказать, что в науке и тех-

нике один может быть прав, а все остальные неправы, и это верно. В таких ситуациях всегда нужен компромисс. У меня сложилось впечатление, что компромисс – это не про Вас. Так?

– Не совсем. Компромисс хорош тогда, когда он помогает реализовать задуманное, и мне не раз приходилось на него идти. А если мешает или тормозит, то такой компромисс не для меня.

– У Вас было 15 экспериментальных баз и 3000 работников, в среднем, по 200 человек на базе. Огромное хозяйство. Во главе каждой базы Вами подобранный специалист, а это означает, что подстать Вам – грамотный, деловой, со своими взглядами и амбициями. Наступает момент, когда база для него становится тесной, но на пути уважаемый, заслуженный, сотворивший всю Службу, незаменимый... и на пути. Важно это почувствовать и найти ему, именно Вам найти, достойную работу вне Службы.

– Легко говорится. И почувствовать и найти очень непросто. Я не заметил, как накапливается у ряда специалистов энергия творческой неудовлетворённости. Ошибался, конечно, но как было, так было. Я очень сильно переживал по этому поводу.

В качестве оправдания могу добавить, что я безумно устал. Напомню про почти тридцать лет без выходных и отпусков, в постоянном напряжении, с ощущением огромной ответственности за всё, происходящее на Службе. Я мотался по республике, проводил многочисленные, иногда ночные совещания, вникал в проблемы строительства, а спал зачастую на заднем сиденьи в машине. При этом я оставался учёным, действующим на переднем крае науки в своей области.

Будете смеяться, но меня заботило даже то, чтобы на число молодых специалистов-юношей было примерно такое же число специалистов-девушек. Пусть влюбляются, женятся и остаются верными профессии. Я всегда был счастлив, что мы с Соней занимаемся одним делом и живём одними интересами.

Короче, я был не только строгим руководителем, но и заботливой папой-мамой. Вот только вовремя не осознал, что дети, повзрослев, должны покидать родительское гнездо.

– Вы упомянули про горбачёвский беспредел. Вам виделось что-то другое?

– Я не принял ни Горбачёва, ни Ельцина. Я видел в них разрушителей страны, предавших идею. Когда мне предложили на сессии Кишинёвского Совета во всеуслышание отказаться от членства в коммунистической партии, я категорически отверг это предложение. Да, нужен был капитальный ремонт системы, но «разрушать до основания, а затем»... Никто и представить не мог, что будет затем. Я был убеждённым советским человеком.

– Разве Вы не знали о репрессиях 37-го, о Деле врачей, о культе личности?

– Знал, конечно, но это было не вследствие, а вопреки идее светлого коммунистического будущего. Борьба за власть вынесла наверх людей лживых, циничных, преступных. За прекрасными лозунгами, в которые верили одураченные люди, скрывалась жёсткая диктатура, и совсем не пролетариата, а кучки доживающих свой век тщеславных стариков.

– А могло быть иначе? Или это закономерный исход, когда не учитывается человеческий фактор?

– Да, мы с вами говорили о подлости и низости человеческой природы. Но будущее, хочется верить, за людьми с высокими моральными ценностями.

– Блажен, кто верует.

– Верую, хотя не так безоглядно, как раньше. Я наблюдал, как вчерашние идеологи заискивают перед новой властью, сдают без борьбы свои идеалы, заботясь лишь о личном благополучии. На сессии депутатов я обратился к первому секретарю Кишинёвского горкома, призвал его встать на защиту идеалов партии. Он не просто не отреагировал, а перестал со мной разговаривать.

Я не разочаровался в моральных ценностях, которые исповедовал всю жизнь, но начал сомневаться в том, что они станут для всех такими же важными, как для меня. Стоило измениться условиям, и дворничиха предала семью, и секретарь горкома предал партию.

– Вряд ли эти поступки сравнимы. Секретарь никого не убил.

– Как сказать. После распада Союза возник горячий конфликт между Молдовой и отделившимся от неё Приднестровьем. Со стороны Молдовы через Днестр полетели сотни моих ракет

«Алазань», головки которых содержали не реагент для борьбы с градом, а взрывчатку с гвоздями. Мне оставалось посыпать голову пеплом.

Однажды у нас возник разговор о всемирном потеплении. Мне очень хотелось узнать его мнение по этому поводу. Он с атмосферой на ты. Он жил не в ней, а с нею. Он изучал её со всей страстью учёного. Она была с ним и наяву и во сне. Ему слово.

– Существует множество естественных причин, влияющих на изменение климата. Вклад каждой из них может быть оценён весьма приблизительно. Поэтому количественные выводы на основании имеющихся данных не могут быть точными и достоверными.

Выбросы от вредных производств, конечно, надо ограничивать. Это и делается установленными нормами. Но устраивать истерику по поводу автомобилей и самолётов, мягко говоря, не стоит.

Какие учёные установили связь между количеством сжигаемого топлива и изменением среднегодовой температуры на Земле? Некоторые договорились до того, что знают, насколько нужно уменьшить выбросы, чтобы предотвратить потепление планеты на два градуса. Чушь! Нам ещё предстоит создать специальные спутниковые системы, получить базы данных по многим параметрам хотя бы с точностью до процента. Предстоит огромная работа. Только после неё можно будет серьёзно говорить, влияют ли выбросы углекислого газа на изменение климата или это естественные его колебания, которые были в прошлом и которых не минует в будущем.

3

Не раз мы говорили с Леонидом о судьбе еврейского народа, к которому оба принадлежали. Он неплохо знал историю, но её еврейская составляющая была от него далека. Его не обзывали жидом в детстве. Откуда было взяться антисемитизму в маленьких военных городках, где отец был уважаемым командиром. В укра-

инской школе с ним вместе училось много еврейских ребят, тоже не разгуляться антисемитам. Даже при поступлении в институт он не мог поверить, что проблемы возникли из-за его еврейства. Но со временем поверить пришлось. Жизнь повернулась к нему и этой стороной. Леонид признаётся, что ему тяжело вспоминать об этом, но из песни слова не выкинуть.

После развала Советского Союза в бывших союзных республиках сильно возросли национальные амбиции. Уже не было Москвы, которая командовала парадом. И не где-то на улице, а во время своих выступлений на депутатских сессиях он дважды услышал из зала крик: «Убирайся в свой Израиль!» У кричащих не хватило смелости подняться с места, но и соседи не поспешили вывести их из зала. По улицам чуть ли не ежедневно проходили митингующие толпы с плакатами и речевками: «Чемодан, вокзал, Россия, а с евреями разберёмся сами».

Один откровенный молдавский националист, профессор Кишинёвского университета, назначенный отвечать за экологию в стране, стал поносить Службу за то, что она загрязняет поля и водные источники. Это было абсолютно голословное утверждение, но его целью была не защита экологии, а замена руководителя национальным кадром.

– Я пошёл к Предсовмина Молдавии и спросил его напрямик, что мне ожидать. «Тебе, вероятно, предложат место зама», – ответил он. Такое предложение, единственной причиной которого была не та запись в пятом пункте паспорта, я счёл обидным для себя. За много лет работы я сложился в лидера. Быть заместителем не умею. Дожить до этого не хочу.

Всё шло к тому, что надо уезжать. Была ещё одна причина, не главная, но существенная. Семья столкнулась с медицинскими проблемами. Родители, и мои и сонины, были уже старыми людьми, да и у нас была не первая молодость. Подкрались болезни, и очень серьёзные. Столкновение с молдавской медициной повергло меня в шок. Я-то лечился в спецполиклинике, а обычные больницы были в жутком состоянии. У моей мамы обнаружили опухоль в груди. В республиканской онкологической больнице она лежала в палате на пять человек. Грязные стены с отколотой

штукатуркой и такой густой запахом мочи и использованных бинтов, что трудно дышать. Мы согласились на резекцию груди, и маме поставили какой-то проверочный укол, который вызвал ужасную реакцию. После этого я забрал её из этой ведущей больницы.

Забегая вперёд, могу сказать, что кардинально вопрос был решён уже в Израиле. Без резекции груди хирург убрал маме опухоль и сказал, что можно забыть о её существовании в прошлом.

Когда стало известно, что я решил эмигрировать в Израиль, все, от сотрудников Службы до руководителей страны, приняли меня уговаривать, услаждали мой слух моей значимостью для Службы и Молдавии, уверяли, что нынешние неприятности времени перемен надо пережить, а дальше всё будет хорошо. Я выслушивал всех, благодарил, нескромно уверял, что знаю себе цену и не сомневаюсь в своей нужности стране. Однако я хочу, чтобы дети и внуки росли в другой стране, где их национальная принадлежность никогда не будет отягчающим обстоятельством.

На протяжении моей службы в Молдавии я имел несколько предложений сменить место работы. Одно предложение было получено от ректора моей «альма матер» – Одесского гидрометеорологического института. Ректор просил меня занять место завкафедрой активных воздействий на атмосферные процессы. Это совпало с моментом, когда у меня на Службе случилось ЧП.

Во время запуска ракета застряла в направляющей. Бойцы доложили об этом командиру. Командир вместо того, чтобы направить на ракетный пункт руководителя группы ракетной техники, приказал снять ракету с установки. Просто так вытащить ракету бойцам не удалось. Без подробностей, что и как они не так делали, но ракета взорвалась в руках этих ребят. Жуткий случай! Ребята прошли войну в Афганистане и погибли у себя в Молдавии.

Непосредственной моей вины нет, но я руководитель и отвечаю за всё, что происходит в Службе. Чувствую себя подавленным невероятно. И тут предложение из Одессы. А что, думаю, не бросить ли мне Службу к чёртовой матери и стать заведующим кафедрой. После Службы просто курорт!

Звоню в Москву в Госкомгидромет начальнику управления и докладываю, что думаю принять предложение из Одессы. Меня начали убеждать, что это неразумно, что они уже запускают бумаги о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда, что меня ждёт персональная пенсия, что моя Служба ведущая во всей системе Госкомгидромета. Уговорили. Героя я, конечно, не получил, но дали орден «Знак Почёта». Однако самыми дорогими для меня наградами, – признаётся Леонид, – являются золотая медаль ВДНХ СССР и золотая медаль лауреата Государственной премии Совета Министров СССР.

В другой раз мне предлагалось переехать в Москву, возглавить вновь организуемый центр авиационных работ по воздействию на облачные процессы. И квартиру обещали, и Москва не Кишенёв и не Одесса, центр всего и вся. И опять те же ребята из Госкомгидромета сыграли на тех же струнах. Да и сам я, честно признаться, не мог себе представить, как смогу расстаться с детищем, которое растил всю свою творческую жизнь, которое обрело славу в стране и за рубежом, и отблеск этой славы падал на меня, радуя душу.

Вместо меня главой службы стал мой заместитель, которого я обучал профессии с третьего курса, провёл по всем должностям от рядового инженера до своего зама, дал ему квартиру, защищал в конфликтах с коллегами. Он клялся мне в верности, но когда получил бумагу с предложением оставить за мной научное руководство, написал на ней «нецелесообразно». Не могу спокойно говорить об этом предательстве до сих пор.

4

2 июля 1991 года они приземлились в аэропорту им. Бен-Гуриона. Они – это Леонид с женой, его дочь с мужем и маленькой внучкой, его родители и сестра. Леониду пятьдесят лет. Самый трудный возраст для эмиграции – слишком далеко до пенсионного и слишком много для устройства на работу. Их поселили в Яффо, где уже жили родственники, приехавшие раньше.

А перед отъездом они сдали свои паспорта и подписали отказ от гражданства, отдали свои великолепные квартиры государству, получили право из всего имущества, нажитого за многие годы, взять не более 500 кг вместе с упаковочным деревянным ящиком и по сто долларов на человека. Иначе, чем государственным бандитизмом, это не назовёшь.

При укладке в ящик всё тщательно проверялось. Он взял с собой большой кусок коралла, как память о друге, который привёз этот коралл из экспедиции в Южно-Китайское море и подарил ему. Проверяющие решили, что внутри могут быть спрятаны драгоценности, и распилили коралл на несколько частей. Леонид показал мне стоящие на виду и сложенные вместе куски красивого коралла. Теперь это не только память о друге, но и об издевательствах на таможне.

После Кишинёва Яффо произвёл гнетущее впечатление. Убогость, дошедшая из далёких веков, может привлекать туристов, но не их, приехавших стать жителями. От дома, где началась их новая жизнь, было минут двадцать неспешной ходьбы до берега Средиземного моря.

– Мы собрались и пошли, – вспоминает Леонид. – К морю было несколько путей. Мы, естественно, пошли самым коротким. Кто бы нам объяснил, что это путь через арабскую деревушку, и евреям лучше через неё не ходить. На нас высыпала ватага арабских малышей с камнями. Я пошёл им навстречу и начал орать на них по-русски. Не знаю, что их напугало, то ли мой грозный вид, то ли непонятный мой русский, но они разбежались. Возвращались с моря мы уже другим путём.

Не раз во время рассказов Леонида о первых месяцах эмиграции я вспоминал то, что слышал много раз: эмиграция – это трагедия одного поколения.

Они ходили на тель-авивский рынок пешком километра четыре в одну сторону, экономя деньги на автобусных билетах. Иногда возле рынка раздавали бедным пакеты с оставшимися от продажи овощами и фруктами, и они старались их получить. По дороге с рынка была столовая для малоимущих, и они заходили туда пообедать. Они шли по Яффо мимо овощных лавок и из ящиков с от-

бракованными фруктами и овощами выбирали ещё съедобные, которые продавали почти задаром. Он мыл лестницы в подъезде, а Соня ухаживала за больной женщиной. Как это было тяжело, причём, морально гораздо тяжелее, чем физически.

– Пришло осознание, – вспоминает Леонид, – что мы не понимаем, куда мы приехали, не знаем страну и не можем общаться на её языке. К этому добавляются наши старики, которые нуждаются в лечении и сами о себе позаботиться не могут. Состояние близкое к депрессивному.

Мы пытаемся, как и все эмигранты, в ульпане учить иврит и слушаем, как правильно себя вести, чтобы быть успешными. На интервью надо следить за движениями рук и ног, за выражением лица, за манерой речи. Боже мой! Я принял на работу несколько тысяч специалистов, и меня интересовал только профессиональный уровень человека.

Тут мне захотелось не то, чтобы возразить, но вставить комментарий.

– Всё так, Леонид, но представьте себе, что Вы взяли интервью у двух человек. На самом деле в то время конкурентов было гораздо больше. И вот оба примерно равной квалификации, но один шмыгает носом, суетливый, а другой спокойный, уверенный в себе. Кого Вы примете на работу? У Вас была совершенно другая ситуация.

– Может и так, но в тот момент я чувствовал, что унижен до последней степени.

В таком состоянии Леонид получает приглашение от Предсовмина Молдовы встретиться с ним в гостинице в Тель-Авиве, куда тот прилетел для решения каких-то израильско-молдовских дел. Сам факт приглашения говорит за себя и тешит честолюбие, но одно было там, а здесь он никто. О чём они могут говорить?

Выпили коньяку за встречу. В ответ на расспросы Леонид не жаловался, ограничивался общими словами, а на предложение о сотрудничестве ответил, что пока рано об этом говорить, он ещё не совсем освоился на новом месте. Председатель, похоже, почувствовал его состояние и на прощанье сказал, что он может вернуться, если пожелает, в любое время на свою должность. Лео-

нид искренне его поблагодарил, на том и закончилась встреча. Возвращался он домой с тяжёлым сердцем. Какое сотрудничество, найти бы хоть какую-то работу!

Через несколько месяцев к нему домой явился профессор Тель-Авивского университета Шалва Цевион, который эмигрировал в Израиль из Грузии на двадцать лет раньше Леонида. Они познакомились в Москве, куда Шалва с ещё одним профессором прилетели из Израиля, а Леонида вызвали из Кишинёва для обсуждения каких-то возможных совместных работ. В приватном разговоре Шалва спросил, нет ли у него планов уехать в Израиль. В то время Леонид и представить себе этого не мог.

И вот Шалва по-приятельски раскинул руки, заключил Леонида в объятия и поздравил с возвращением на родину предков. На следующий день он повёз Леонида на одну из метеослужб. На поле стояли три маленьких самолётика, которые по данным синоптиков и радиолокационной информации должны были взлетать и засеивать атмосферу реагентом так, чтобы ожидаемые осадки выпадали в Кинерет.

– С моей профессиональной точки зрения эффект от такой технологии может носить только случайный характер. Мы ещё в Союзе испробовали этот путь и от него отказались. Я про это не проронил ни слова. Зачем рубить сук, если на нём какое-то время можно посидеть. Но Шалва не был уполномочен тут же предложить мне работу. Мы поехали на встречу с научным руководителем водной компании «Мекарот». После обстоятельного разговора, в котором Шалва был переводчиком, мне было предложено, и это было полной неожиданностью, на выбор три места работы: метеослужба, которую показал Шалва, или университетская лаборатория, одна в Иерусалимском, другая в Тель-Авивском университете. Ближе всего по профессиональным интересам мне была лаборатория проф. Розенфельда в Иерусалимском университете. Её я и выбрал.

На первой встрече с профессором Дани Розенфельдом, руководителем лаборатории, мы несколько часов обсуждали то, чем я занимался. Разговор шёл медленно из-за перевода с русского

на иврит, и наоборот. Профессор слушал рассеянно. Чувствовалось, что он соблюдает формальность, спрашивая меня, поскольку абсолютно уверен, что передний край технологии в Израиле и США. Мне-то было известно, что наши работы значительно опережали, и я еле сдерживал себя, чтобы не сказать об этом.

Дани объявил мне, что я принят в университет на стипендию Шапиро. Это фамилия чиновника из Министерства абсорбции. Три года я буду получать эту стипендию, не стоя ни шекеля университету, и за это время проверят, действительно ли я учёный. Это меня, у которого активным воздействиям учились специалисты из разных стран мира, будет проверять этот недавно оперившийся молодой человек. Разве это не унижительно? Но надо терпеть и соглашаться. Большое спасибо! И мы пожали друг другу руки.

Через полгода после начала моей работы в Иерусалимском университете я выступил на очередной научной конференции с докладом, в котором объяснял своё критическое отношение к разработанному в Израиле методу воздействия. Доклад длился двадцать минут, а вопросы и комментарии с мест держали меня на сцене два с половиной часа. Мне казалось, что я выступал скромно, но в привычном для себя энергичном и уверенном стиле. Я предлагал поднять работы в области активных воздействий на облачные процессы на самый высокий мировой уровень.

После конференции мои коллеги в лаборатории сказали: «Ты выступал так, как будто ты уже научный руководитель этих работ. Розенфельд тебе этого не простит». От Розенфельда прямой реакции не последовало, но он полностью закрыл мне дорогу в тему, заявленную на конференции.

По сути дела я был отделён от науки и использовался как квалифицированный снабженец. Розенфельд просил меня добыть тот или иной прибор, и я, используя свои прежние контакты, этим занимался. Это иногда были чисто детективные истории. Давайте расскажу Вам одну.

Прибор для измерения концентрации частиц я решил попросить в ЦАО (Центральной Аэрологической Обсерватории). Директора, проф. Черникова, я не просто хорошо знал, а мы с ним стали

друзьями за многие годы сотрудничества. Он согласился отдать прибор бесплатно. Звоню Дани Розенфельду. Тот не хочет бесплатно. Черников назначает формально очень небольшую сумму. Опять звоню Дани. Он просит уменьшить цену в два раза. Снова иду к директору. Он смеётся: «С вами, евреями, не соскучишься!» Подписали, наконец, соглашение.

Но это поддела. Как доставить аппаратуру с немалым весом из Москвы в Израиль? ЦАО не имеет права торговать с Израилем. Звоню другому своему другу, проф. Медведеву из Одесского гидрометеоинститута, говорю о проблеме. Он отвечает: «Не волнуйся, сделаем». По каким-то своим делам он на своей машине поехал в Москву, взял в ЦАО прибор, перевёз его через границу в Украину, а в Одессе со знакомым пассажиром на корабле отправил в Хайфу. Чем не детектив?

Показательный момент моих отношений с Розенфельдом случился на конференции в Кишинёве, которая собрала ведущих специалистов из всех республик бывшего Союза. Из Израиля по приглашению приехали я, Розенфельд и два специалиста по радиолокации. Мы с Дани поселились в гостевой квартире, принадлежащей моей бывшей Службе. Ко мне приходили с вином и закуской большие начальники, бывшие и нынешние. Вспоминали живых и ушедших, обсуждали новые времена, делились анекдотами, произносили тосты. Дани по-русски не понимал, но видел ко мне отношение и перед сном вдруг сказал в переводе на русский: «Ты думаешь, что испугаешь меня своей значимостью?» Что я ему мог ответить? Только посмотрел с недоумением и про себя подумал, что Дани не перестаёт видеть во мне конкурента.

Там же в Кишинёве Розенфельд обратился ко мне с просьбой купить радиолокатор. Именно эта покупка сыграла важную роль в моей дальнейшей работе, но это уже была работа не с Дани Розенфельдом.

А пока мы вместе летим на конференцию в Италию. «Мы» не означает, что Дани привлёк меня к участию в конференции. Ко мне обратились аргентинские коллеги с просьбой сделать на конференции доклад по результатам работ в Молдавии. Они полностью оплатили мне командировку. Это не было случайным.

Я оставался у них научным консультантом, периодически за их счёт летал в Аргентину и получал существенную добавку к своей шапировской стипендии.

Было смешно, когда проф. Розенфельд решил меня представить делегации учёных из США. Американцы его остановили и сказали, что скорее проф. Диневич должен его представить, чем наоборот.

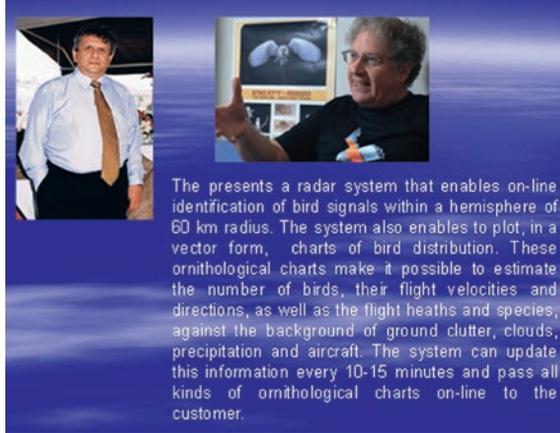
Мой доклад получил высокую оценку. Редактор авторитетного журнала попросил подготовить его для печати. К сожалению, статья не была опубликована. В этом есть доля и моей вины, но Розенфельд мог мне помочь и не захотел.

Возвращаюсь к радиолокатору. Привёз я этот радиолокатор не только по просьбе Розенфельда. Дани познакомил меня с Председателем общества охраны природы, заведующим орнитологической лабораторией Тель-Авивского университета Йоси Лешемом.

Йоси сыграл особую роль в моём становлении в Израиле и стал моим близким другом. Чрезвычайно активный, дружелюбный и увлечённый своим делом, он уговорил меня перейти на работу к нему в лабораторию и решать задачу радиолокации птичьих стай для того, чтобы избежать столкновения с ними самолётов.

Меня и не надо было уговаривать. Закончились три года моей работы с Розенфельдом на «шапировской» стипендии, и Дани даже не посчитал возможным дать мне рекомендации для продолжения работы. Тот случай, когда мы оба были довольны – Дани, потому что я от него ушёл, а я, потому что нашёл, наконец, интересную работу.

В наше время всё чаще возникают конфликты между техническим прогрессом и природой. Одним из них является конфликт между птицами и самолётами. Для Израиля эта проблема особенно актуальна. Над его крохотной территорией веками сложился путь межконтинентальной сезонной миграции сотен миллионов птиц. В результате столкновения терпят катастрофу самолёты, погибают пилоты и птицы. Задачей было создание радиолокационной орнитологической системы с целью обеспечения безопасности полётов. Для этого необходимо было использовать совре-

*Леонид Диневич
и Йоси Лешем*

менную компьютерную технику, разработать нужные алгоритмы и программы, отличающие радиоэхо от птиц, а не от облаков или других объектов в небе.

Далее пошла многолетняя, непростая в техническом и научном отношении, но такая любимая работа. На начальном этапе Леонид привлёк к работе своего младшего брата Владимира, который был высокого класса специалистом в радиолокации и имел большой опыт работы в его Службе именно с такого типа радиолокатором, который они получили из Молдовы. Более того, у брата был некоторый опыт наблюдения радиоэха от птиц, но тогда это было побочным эффектом.

Не быстро дело делается, но кому интересны научно-технические подробности, оригинальные решения, одоление организационных трудностей? Только профессионалам. А для остальных важен итог. Система была создана и развёрнута на территории музея бронетанковых войск в Латруне. Она в оперативном режиме каждые 10–15 минут передавала орнитологические карты руководителям полётов военной авиации, а те на их основании принимали решения о зонах и высотах, на которых могут совершать тренировочные полёты самолёты и вертолёты.

На открытии станции присутствовали Президент Израиля Эзер Вейцман, министр экологии Йоси Сарид и некоторые вое-

начальники. Но самое дорогое признание Леонид ощутил, когда в большом зале Тель-Авивского университета в присутствии высших офицеров авиации он получил почётный диплом и премию за работы по радиолокации птиц из рук семьи лётчика, погибшего после столкновения с птицами его самолёта.

Не мог Леонид со своим характером остаться в Израиле в стороне от участия в решении проблем научной и профессиональной алии. Он присоединился к общественному движению, стал играть в нём одну из ведущих ролей, вошёл в учёные советы при министерствах инфраструктуры и транспорта. С его именем связаны десятки конференций и семинаров, на которых репатрианты могли показать себя заинтересованным работодателям. На них зачастую присутствовали министры, генеральные директора, депутаты Кнессета. В результате десятки специалистов оказались востребованными. В Израиле любят рассказывать о том, как бывшие дворники стали одними из создателей «железного купола».

Много тёплых слов я услышал от Леонида о Юрии Штерне и Авигоре Либермане. С ними он был в постоянном контакте, и они делали всё, что могли, чтобы направить в желаемое русло хлынувший поток алии. Замечательной идеей было создание так называемых «теплиц», где в течение трёх лет приехавший учёный мог реализовать свой проект, представленный и принятый специальной комиссией. Через «теплицы» получили путёвку в жизнь до тысячи специалистов. А их в потоке десятки тысяч. Что делать с остальными? На эту тему у нас с Леонидом возникло много споров.

– На страну упал золотой ливень талантов, – говорил он, – и только малая часть заняла достойное место. А те, кто не смогли? Конечно, были и такие, кто не заслуживал. Не о них речь. Речь о настоящих талантах, оставшихся не у дел. И это результат бесталанности принимающей стороны.

– Помните Высоцкого, – возразил я, – «...где на всех зубов найти?». Страна маленькая, зубов мало. Есть два выхода – приобрести другую квалификацию или, если уже возраст не тот, смириться с жизнью и радоваться успехам детей и внуков. Никто не жил на улице и не голодал. Один из таких смирившихся неудачников мне сказал по этому поводу: «Значит, не по таланту».

*Демонстрация
системы
радиолокации
птиц министру
обороны
Израиля
Авигдору
Либерману*

– Так я же не о том. Я говорю, что среди оставшихся за бортом были настоящие таланты, способные принести огромную пользу стране, и ошибочная политика привела к тому, что этого не случилось. Люди, представления не имевшие о рынке труда, на нём оказались. Они понятия не имели, что на этом рынке надо работать не только головой, но и локтями.

– В таком большом деле ошибки неизбежны. Вопрос, насколько их было много. Вы же сами говорили, как много сделали для алии такие государственные мужи, как Юрий Штерн и Авигдор Либерман.

– Много, но недостаточно. И не всё было в их силах. А ошибки, сколько бы их не было, означали трагедии живых людей, которые могли принести пользу стране и не принесли. Я был Президентом форума учёных-репатриантов и знаком со многими такими трагедиями.

– Я тоже знаю, Леонид. А о чём думали эти талантливые учёные, когда прибыли в страну, не говоря ни на иврите, ни на английском, не имея представления, насколько их специальность нужна стране, не зная ни друзей, ни коллег, которые могут замолвить слово? Вы же знаете, какое значение имеют рекомендации.

– Я же не отрицаю, что многие были в полном неведении, куда они попали. Я и сам, как Вы помните, оказался в такой ситуации. А по поводу рекомендаций я Вас удивлю.

Мы пытались привлечь к нашей общественной работе тех, кто успешно прошёл через программы отбора и трудился на разных постах. Надо было видеть, какое ожесточённое сопротивление вызывала у них всякая инициатива, направленная на поиск путей интеграции оставшихся за бортом учёных. Почему? Выдающиеся, это, конечно, они, уже работают. Остальные пусть решают свою судьбу сами. Не стоит больше тратить на них государственные деньги и придумывать новые проекты и программы. Только что они сами были репатриантами, и такой поворот. Объяснить его могу только тем, что теперь им стала не нужна конкуренция.

– Удивили, Леонид. Но Вы же знаете, что у тех, кто едет в трамвае, и тех, кто пытается в него сесть, разная психология. С этим ничего не поделаешь.

– Почему же. Надо прицепить другой вагон, и всем хватит места.

– Если бы так просто. Но второй вагон означает новые производства, новые направления в науке. Для того, чтобы в него сесть, недостаточно старых знаний и прошлых заслуг. Для молодой алии нет проблемы, если надо, она переучивается. Проблема для тех, кому за пятьдесят. Вы, Леонид, исключение. Далеко не все, упавшие, как Вы часто повторяете про себя, с большой высоты до нулевого уровня, обладают такой силой воли, таким упорством, таким стремлением одолеть и достичь.

– Спасибо на добром слове, но таких, как я, приехало много.

– При всём к Вам уважению не могу согласиться. Таких, как Вы, приехало мало.

В 2009 году Леонида Диневича проводили на пенсию. Присутствовало много высокопоставленных гостей – бывший командующий авиацией Израиля Амос Лapidот, министр иностранных дел Авигдор Либерман, министр абсорбции Софа Ландвер, профессора, среди которых Дани Розенфельд. Он услышал много радующих душу слов, ощутил сладостный вкус признания. Софа Ландвер сказала о том, что Леонид Диневич включён в список ста самых выдающихся учёных-репатриантов большой алии, и вручила ему

диплом. От имени министра обороны он получил высокую награду – Знак Почёта.

– Не удержался от выступления и Дани Розенфельд, – вспоминает Леонид. – Он взхлёб рассказал, что годы нашей совместной работы были для него большой удачей, что я не только высочайшего уровня учёный, но и талантливый практик, реализующий свои идеи. А я слушал и думал про себя – где же ты был раньше, мать твою. Вслух же поблагодарил Дани и подарил ему свою книгу, посвящённую радиолокации птиц.

В год семидесятилетия Израиля Леонид Диневи́ч получил самую высокую государственную награду – Знак отличия.

У Леонида Диневи́ча однажды спросили:

– Стала ли страна Израиль Вашей?

– Да, однозначно стала. Но не потому, что я прожил в ней почти тридцать лет и оказался востребованным. Это имеет значение, но не главное. Самая моя большая радость и гордость – внучка Олечка. Когда она училась в школе, как одну из лучших учениц, её премировали поездкой в США. Там она общалась со своими сверстниками, бывала у них дома, поучилась немного с ними в школе, существенно улучшила свой английский. После возвращения она сказала, что было очень интересно, но на вопрос, хотела бы она там жить, последовал ответ: «Моя страна Израиль!»

Оля летала стюардессой в компании Эль-Аль, служила в авиационных частях, получила «master degree» по специальности «психология и управление производством». Сейчас она офицер, вышла замуж и родила нам правнука. Его назвали Эйтан. На древнееврейском это имя означает постоянство и неизменность. С иврита оно переводится как прочный и сильный. Надо ли к этому ещё что-то добавлять, почему Израиль моя страна.

Май 2019 года

«ЖИЗНЬ – ИНТЕРЕСНЫЙ ПУТЬ...»

Мы познакомились в «садике», не в том советском для малышей, а в американском для иммигрантов, приехавших в страну в пенсионном возрасте и получивших пособие по бедности, «фудстемпы» и «медикейд» на зависть американским пенсионерам. Несколько раз в неделю они могли посещать «садик», где их полдня развлекали, кормили, возили по выставкам и супермаркетам, приглашали для выступления перед ними интересных людей из русской общины.

Не сочтите за нескромность, но и я получил приглашение выступить в «садике» с одной из первых моих книжек стихов. Несколько десятков слушателей «королевского» возраста уютно устроились полукругом. Впереди в кресле, откинувшись на спинку, сидела женщина, на которую я обратил внимание. Она явно выделялась из всех остальных. Великолепная шапка ухоженных седых волос. Умелый приятный макияж. Красивые длинные бусы и играющие светом массивные серьги. Маленькие руки, украшенные парой колец и перстнем, сложенные на коленях. Всё было в гармонии и говорило о безупречном вкусе этой немолодой женщины.

Во время выступления я постоянно возвращался к ней взглядом. Она сидела, полузакрыв глаза, никак не реагируя на мои строчки. Было ощущение, что она думает о чём-то своём, и ей всё равно, что там читает очередной графоман. Но когда я закончил, она вдруг встала с кресла и попросила микрофон. Сразу стало ясно, что она внимательно слушала, и хорошо поставленным голосом, цитируя запомнившиеся строчки, объяснила, почему автор ей понравился, и пожелала мне дальнейших творческих успехов.

Так мы познакомились и стали близкими друзьями на много лет. Во время нашего знакомства ей было чуть за восемьдесят, а совсем недавно, в январе 2018 года мы отметили Галине Левиной 97. И я решил, что пора поделиться тем, что я узнал об этой удивительной женщине и её удивительной жизни от неё самой.

Галина Левина

Галина по профессии журналист, училась в Ленинградском университете. Она в среде так называемой творческой интеллигенции Ленинграда была заметным человеком, автором пьес и мюзиклов, эстрадных миниатюр и сценариев, стихов и песен. Бузусловно талантливая, она не входила в число тех, которые всенародно известны и у всех на слуху, но она близко общалась с ними и сохранила уникальные воспоминания. У неё брали интервью, публиковавшиеся в газетах и журналах, просили выступить с воспоминаниями на русском радио и в русских клубах. Она охотно рассказывала о своей жизни в искусстве, о людях, с которыми ей посчастливилось дружить и трудиться и которые во многом определили её судьбу.

Наибольший интерес всегда вызывала её многолетняя дружба с семьёй Райкиных. Одно из интервью так и называлось «Райкины во мне навсегда».

Галина хорошо помнит, с чего началось её знакомство с семьёй знаменитого «Паганини эстрады», «Человека с тысячью лиц». Это был счастливый случай, любит повторять Галина, но чтобы он случился, добавляю я, надо хорошо потрудиться и быть к нему готовым.

Она написала короткую юмореску. От своих друзей, которые обзавелись маленькими детьми, она много раз слышала жалобу на то, что они не могут найти хорошую няню. Специалистами с высшим образованием хоть пруд пруди, а малограмотную няню найти проблема. Это показалось ей очень смешным. Написанной

юмореске Галина не придавала большого значения, но прочитала её своей подружке, актрисе Ленинградского театра комедии Галине Русецкой. Та от души посмеялась и предложила показать эту смешную миниатюру Аркадию Райкину. Удивлённой тёзке она объяснила, что хорошо знает его жену Рому, и ей нетрудно позвонить Роме и договориться о встрече.

Так Галина Левина первый раз оказалась в гостях у Райкиных. Она с улыбкой вспоминает о том, что познакомилась с Костей Райкиным за месяц до его рождения. У Ромы к концу подходил срок беременности, и Галина по возрасту Кости всегда определяла годы своей дружбы с Райкиными. Рома прочитала юмореску, посмеялась тому, что ей предстоит столкнуться с этой ситуацией и пообещала показать текст мужу.

Галина помнит, какую радость она испытала, когда через несколько дней позвонила Рома и сказала, что «Нянька» понравилась Аркадию Исааковичу, и он приглашает её встретиться и поговорить. Так Галина оказалась у Райкиных во второй раз, и это было началом близкой дружбы на всю жизнь.

Райкин решил ставить сценку и роль няньки поручил актрисе своего театра Ольге Малозёмовой. Той не так часто перепали заглавные роли, и она с энтузиазмом репетировала сценку. И вдруг на одной из репетиций молча смотревший и слушавший Райкин подошёл к актрисе: «Оленька, а ты не обидишься, если няню попробую сыграть я?» Ольга, слегка опешив от неожиданности, смогла только ответить: «А что, попробуйте». И тут же Аркадий Исаакович, который, без сомнения, не сиюминутно пришёл к этому решению, а вынашивал его не один день, сыграл няню. Сценка заиграла по-райкински талантливо и смешно. Она вошла в число лучших райкинских миниатюр. Вся страна повторяла полюбившиеся сразу фразы «Это я сказала, это я прядупредила...», «Это ещё ничаво ящё...», а многие помнили всю сценку наизусть.

Но мало кто знал автора текста Галину Левину. Единым во всех ипостасях был Райкин и только Райкин. Но это, уверяет Галина, никак не ударило по её честолюбию. Она гордится чёрно-белой, поблекшей от времени фотографией, хранящейся в семейном архиве, на которой великий актёр в роли няни, а внизу ав-

тограф: «Няниной маме от няни с наилучшими пожеланиями». Роспись и дата – 25 марта 1955 года.

А Рома стала для Галины близкой подругой, которой можно было доверить всё, и это доверие было взаимным. Когда Галина начинает вспоминать о Роме, она не в силах остановиться. Рома, Руфь Марковна Иоффе, близкая родственница академика Абрама Иоффе. Мир тесен! А Ромой её звали с детства. Ждали мальчика Романа, а родилась девочка, значит, Рома. Ей не пришлось долго думать, выбирая себе сценический и писательский псевдоним – Р. Рома. Это имя было на афишах спектаклей. Им же она подписывала свои публикации. Тут Галина показала мне журнал «Юность», 1974, № 10, где были напечатаны два рассказа о Райкине, с автографом: «Милой Галочке Левиной... от писателя по случаю... Р. Рома».

– Рома, – рассказывала Галина, – сама по себе была талантливым человеком. Актриса с красивым низким голосом, она была обаятельной и на сцене и в жизни. Её ум и эрудиция, мудрое отношение к жизни всегда меня восхищали. Рома была не просто жена Аркадия Исааковича, а первый друг, соратник, секретарь, пресс-служба, а порою даже автор и умелый режиссёр. Но все свои таланты она положила на алтарь служения мужу, сама оставаясь в тени.

Это была по-настоящему счастливая семья, что не так часто случается в артистической среде. Однажды Аркадий Исаакович признался: «Если иногда мне кажется, что я могу назвать себя счастливым человеком, то прежде всего потому, что рядом со мной всегда была Рома».

Галина при этом хитро улыбнулась и поведала одну подробность из личной жизни Райкиных, о которой я бы и не стал упоминать, если бы эта подробность не говорила о том, что подруги могли поделиться между собой всем, даже очень личным. Да и Галина вряд ли стала бы вспоминать об этом случае, если бы Катя Райкина много лет спустя вдруг не решила рассказать о нём в одном из своих интервью.

Аркадий Исаакович всегда был окружён красавицами и поклонницами. Он мог задержаться на работе, кого-то проводить,

позднее обычного вернуться домой, объясняя, почему. Рома безоговорочно верила любимому мужчине, мудро полагая, что ничего серьёзного тут быть не может, а на мимолётные увлечения, даже если они есть, лучше не обращать внимания. Но был всё же момент, когда она позвонила Галине и непохожим потерянным голосом сказала, что у неё нетелефонный разговор, нужен совет, и не может ли та прийти.

– Представляете, Роме, и мой совет. Обычно к ней все обращались за советом. Значит, случилось что-то неординарное. И я тут же помчалась к Райкиным.

Галина застала Рому в полной растерянности.

– Галочка, не знаю, что делать. Мне кажется, Аркадий серьёзно увлёкся.

– Глупости. Кем?

– Кем, какое это имеет значение. Что делать? Сказать ему, но я не любительница устраивать семейные сцены. Пустить всё на самотёк и ждать развязки? Но с этими мыслями жить невозможно. Я в отчаянии.

– Если это так серьёзно, расскажи всё Кате. Ты же знаешь, как отец её боготворит.

Рома послушалась подругу, и Катя, к этому времени уже замужняя женщина, пригласила отца к себе домой. В упомянутом интервью она рассказала о том, что папа весь разговор просидел молча, опустив глаза. В конце разговора он вытер повлажневшие глаза и коротко сказал: «Я всё понял».

– Больше, насколько я знаю, Аркадий Исаакович не давал Роме поводов для беспокойства, – закончила Галина эту историю.

Почти всё, что я услышал от Галины, было не ответом на мои вопросы, а тем, что называется, «к слову пришлось».

Я разливаю чай по чашкам, и Галина тут же начинает рассказывать историю про чайник, связанную с Райкиным.

– Дело было днём. Аркадия Исааковича не было дома. Мы о чём-то увлечённо беседовали с Ромой, когда раздался звонок. Рома, приговаривая на ходу «Вроде никого не жду. Кто бы это?», пошла открывать дверь. На пороге стояла пожилая женщина в платочке и на приглашение Ромы войти наотрез отказалась.

– Я к Аркадию Райкину с просьбой от всех наших жильцов. Я не сама... Меня выбрали...

Рома заверила, что полностью доверяет её представительству, но за отсутствием Аркадия Исааковича готова выслушать и передать ему просьбу.

– Мы кипятим воду в кастрюльках... А как в стаканы наливать?.. И руки обжигаем, и на стол кипяток проливаем...

С трудом Рома поняла, что в Ленинграде напрочь исчезли из продажи чайники, и бедные ленинградки кипятят воду для «чаёв-кофеёв» в чём попало. Жалобы во все возможные инстанции не помогли, и последняя надежда на Райкина, чтоб «он им задал», чтоб «он пропесочил». Вот она, вера народная в великую силу искусства, в могущество народного артиста!

Рома рассказала о визите мужу, тот позвонил какому-то высокопоставленному чиновнику, с горечью и юмором сказал, что вынужден обратиться к нему по такому пустяковому делу. И, верите или нет, чайники появились в продаже. Значит, права оказались жильцы – Райкин всё может!

В другой раз я увидел на фотографии двух малышей – Вику, дочку Галины, и Костю Райкина.

– А хотите, я расскажу, как они познакомились?

И, не дожидаясь моего согласия, которое само собой разумеется, продолжила.

– Со своей годовалой Викой, которая ещё только ползала, мы приехали к Райкиным. А Коте было пять. Дети расположились на большом ковре в гостиной, и Котя развлекал Вику какими-то игрушками, которые та норовила попробовать на вкус. Вдруг, оторвавшись от игры, Котя спросил: «Тётъ Галь, а где вы взяли Вику?»

Надо было видеть его хитрую мордашку, чтобы не усомниться в провокационности вопроса. Времени на размышление у меня не было, и, не зная степень его осведомлённости, я ляпнула банальное: «Я её... купила». Котя снисходительно посмотрел на меня: «Странно. А меня, например, родили». Тут я пошла в атаку: «Кто же это, интересно, тебя родил?» «Как кто, – уверенно ответил Котя, – мама и Сара Моисеевна».

В этот момент в комнату вошла Рома и сходу ухватив ситуацию, поддержала сына: «Котя прав, Сара Моисеевна принимала в этом процессе самое активное участие». И в самом деле, Сара Моисеевна была приятельницей Ромы и врачом-акушером.

Когда разговор заходил о Косте, Галину было трудно остановить.

– Ещё совсем маленьким он прекрасно рисовал. Писал стихи, причём, не бессмысленно детские корявые строчки, а трогательные или смешные и вполне осмысленные. А уж лицедейство было у него сызмальства в крови. В любой мой приход он это лицедейство обязательно демонстрировал. Очень любил изображать из себя каких-нибудь зверюшек. То неожиданно прыгал с рычанием со стула... То выползал из-под кровати с писком или повизгиванием... При этом мимика и пластика удивительным образом соответствовали изображаемому зверьку, восторгая, а иногда даже пугая своей достоверностью.

Мне запомнился ещё, – продолжала Галина, – рассказ Ромы о том, как она с шестилетним Котей гуляла в лесу. Малыш нарвал букет ландышей и подарил ей со словами: «Мама, смотри, какие ласковые цветочки и какой у них грустный запах». Разве это не удивительный ребёнок?!

Галина на своё 85-летие получила видеопоздравление от Коти, которому шёл в это время 56-й год. Константин Аркадьевич Райкин, Народный артист России, руководитель московского театра «Сатирикон», профессор поздравлял её с днём рождения. Поздравление начиналось со слов «Галочка, я Вас целую...».

Особым эпизодом, которому Галина была свидетелем, но поначалу не придавала большого значения, был визит к Райкину Владимира Высоцкого. Это произошло, как удалось точно установить по записи в дневнике Валерия Золотухина, 18 июня 1972 года. Райкины жили в это время поочередно то в Ленинграде, то в Москве, и готовились к очередному переезду в Москву, а «Театр на Таганке» после пятилетнего перерыва приехал на гастроли в Ленинград.

– И вот, – рассказывает Галина, – звонит Рома: «Слушай, Галочка, только что позвонил Аркадий и сказал, что встретил Воло-

дю Высоцкого, и Володя очень хочет побывать у нас в гостях, что другой возможности в ближайшее время не будет, и он пригласил Высоцкого к нам. При этом ещё попросил не сердиться. Как не сердиться! Сама понимаешь, как снег на голову. Может, приедешь, сделаем твои фирменные пирожки к кофе-чаю.

Обычно актёрские посиделки начинаются после спектаклей, и этот вечер не был исключением. В одиннадцатом часу раздался звонок. В дверях стоял Высоцкий, но не один. Рядом с ним был слегка смущённый Золотухин. Высоцкий сразу поспешил с извинением за то, что пришёл не один, а с Валерой, но Валера, узнав, что я еду к Райкиным, сказал, что умрёт, если не возьму его с собой. Золотухин молча кивнул, мол, так оно и было.

– Рома представила меня гостям, провела их в гостиную, куда тут же вышел Аркадий Исаакович и поприветствовал обоих. Он предложил им располагаться поудобней, попросил нас приготовить кофе, и началась их долгая встреча, которая сегодня, почти полвека спустя, вызывает такой интерес у исследователей жизни и творчества Высоцкого.

Знала бы я, что это произойдёт, то не только внимательно слушала бы, но и записывала. А тогда и мысли об этом не было. Для меня Высоцкий был ведущим актёром «Таганки», ещё и поющим под гитару дворовые песни, которые, честно признаюсь, мне казались пригодными только для домашнего исполнения в кругу друзей. Много позже Высоцкого вознесли на пьедестал, а в гостиной у Райкина, который был почти на тридцать лет старше, мне казалось, что эти молодые актёры, ещё подмастерья, пришли выразить своё искреннее восхищение признанному мастеру.

Тут я не мог не вставить:

– Вознесли позже, но Аркадию Райкину, скорее всего, было ясно уже тогда, что Высоцкий – уникальный талант.

– Так оно и было, – согласилась Галина и показала мне публикацию известного знатока жизни и творчества Владимира Высоцкого Марка Цыбульского, который попросил её поделиться воспоминаниями о встрече и написал об этом в статье «Высоцкий в гостях у Райкина». В начале статьи приводятся слова Райкина: «В искусстве каждый открывает своё, видит жизнь и людей только

ему присущим зрением... По-своему запечатлел нашу жизнь Володя Высоцкий, никто иной не мог бы написать таких песен».

Это мог сказать только мастер о мастере.

А Галина продолжила рассказывать:

– Я не помню, чтобы они спорили о чём-то. Говорили по очереди, не перебивая друг друга. Вот не помню, чтобы Золотухин что-то говорил. Он только прихлёбывал кофе и смотрел то на одного, то на другого, не вступая в разговор. Периодически Володя брал гитару и пел, что-то по своему выбору, что-то, возможно, просил исполнить Аркадий Исаакович. Мы с Ромой едва успевали готовить новые порции кофе и сновали между кухней и гостиной. Из разговоров могу вспомнить только то, что оба жаловались на невероятно трудную жизнь в условиях советской цензуры.

Высоцкий рассказал о том, как при личной встрече министр культуры Фурцева с улыбкой доброй феи спросила, как ему живётся и чем она может помочь. Он попросил открыть шлагбаум между ним и теми, для кого он поёт. «Приходите ко мне, разберёмся», – обнадёживающе предложила министр. Окрылённый возможностью вырваться из клетки, Высоцкий звонил несколько дней подряд по нескольку раз в день, выслушивая извинения референта, пока, наконец, не понял, что с ним не хотят общаться.

А Аркадий Исаакович вспомнил драматичный визит в самую высокую инстанцию, к заведующему отделом культуры ЦК КПСС Шауро. Вконец измученный требованиями цензуры убрать «антисоветчину», он явился в кабинет Шауро с текстом программы и с просьбой показать, где антисоветчина. Главный партийный начальник отодвинул тексты в сторону, сказав, что смотреть не будет, что тексты не его епархия, что он доверяет своим работникам. Из приёмной Шауро Райкина увезли с инфарктом.

Оба, и Райкин и Высоцкий, были в одной лодке. Оба понимали друг друга с полуслова.

– А что пел Высоцкий? Неужели не запомнилась хотя бы одна песня?

– Я же говорила, я и подумать не могла, что через несколько десятков лет меня будут об этом спрашивать. Врать не буду. Не помню.

– Тогда я попробую предположить, что обязательно была «Банька по-белому», и не только потому, что я считаю эту песню блестящей, но и потому, что сам Высоцкий, когда его однажды попросили назвать лучшую свою песню, первой назвал «Баньку по-белому». В этой песне, отразившей время, каждая строфа наполнена глубоким смыслом. А меня больше всего поразили абсурдные, на первый взгляд, строчки: «...И меня два красивых охранника / Повезли из Сибири в Сибирь». Как ещё короче и исчерпывающе выразить то, что вся страна была одним лагерем!

– Мне простится, если я и сейчас не очень хорошо знаю песни Высоцкого, но если Вам так хочется, – смеётся Галина, – будем считать, что во время встречи Володя спел эту песню. А вот что было на самом деле, так это разговор о «Гамлете» на Таганке. Этот спектакль «Таганка» привезла в числе других на гастроли, и в одной из ленинградских газет появилась рецензия, в которой говорилось, что не Высоцкий играет Гамлета, а Гамлет являет Высоцкого. Аркадий Исаакович сказал, что это очень точно подмечено, и это относится и к Хлопуше-Высоцкому из есенинского «Пугачёва» и к Галилею-Высоцкому из одноимённого спектакля.

– Галина, – улыбнулся я, – можно мне опять дополнить картину?

Когда заговорили о «Гамлете», Высоцкий отложил гитару, встал, сказал, что пару месяцев назад написал стих, и начал читать:

*Я только малость объясню в стихе –
На всё я не имею полномочий...*

Это был театр одного актёра. Это был тот самый Гамлет, играющий Высоцкого. Вечный Гамлет, живущий в его, Высоцкого, времени.

*...Пугались нас ночные сторожа,
Как оспую, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стремями.*

Высоцкий чеканил слова. Казалось, всё, что наболело, выходит наружу. Читал он негромко, но в голосе было столько экспрессии! Это было нечто. Мы слушали, не шелохнувшись.

*...Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых и гончих,
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.*

Стих был довольно длинный. Аркадий Исаакович неотрывно смотрел на Высоцкого, полностью поглощённый его чтением.

*...Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Всё постигал: недвижность и движенье, –
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду – им опроверженья.*

Когда Высоцкий прочитал последнее четверостишие:

*...А гениальный всплеск похож на бред,
В рожденье смерть проглядывает косо.
А мы всё ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса,*

была минутная тишина, после которой Аркадий Исаакович сказал только два слова: «Спасибо, Володя!»

– Юра, кто был на встрече, Вы или я? – с изумлением спросила Галина. – Я же не говорила Вам ни о «Баньке по-белому», ни о «Моём Гамлете». Зачем Вы это придумали?

– Галина, дорогая, я должен был уступить своему воображению. Влюблённый и в Райкина и в Высоцкого, я представил себе их встречу, и у меня возникло ощущение, что с Вашей помощью я на ней присутствовал. Искусство делает правдой даже то, что могло и не быть на самом деле.

– И откуда такие умники берутся? Будете публиковать, не забудьте упомянуть об этом. Зато я хорошо помню, чем закончилась встреча, потому что это было забавным.

Под утро, когда все уже безумно устали, Аркадий Исаакович попросил Рому заказать такси для гостей. Рома позвонила, и ей сказали, что машину придётся ждать не менее двух часов. Тогда Райкин, который редко использовал такой козырь, как своё имя, позвонил сам, представился и своим неповторимым, всем знакомым голосом попросил прислать такси и, если можно, побыстрее. Буквально минут через десять-пятнадцать позвонил диспетчер и сообщил, что такси ждёт у подъезда.

Аркадий Исаакович попрощался с гостями, а мы с Ромой вместе с ними спустились к машине. Водитель удивлённо посмотрел на нас: «А где же Райкин?» Мы объяснили, что Райкин дома, а мы провожаем его гостей. Надо было видеть разочарование водителя: «А я-то думал, самого Райкина повезу!» На Высоцкого он даже не обратил внимания.

– Нет ничего удивительного, Галина. В том 1972 году в машинах ещё не возили кассеты и диски с песнями Высоцкого, и массовыми тиражами не выходили книги его стихов.

Райкиными не исчерпывалось дружеское окружение семьи Галины. Очень близкими друзьями, о которых она тепло вспоминает, были Ян Фрид и Виктория Горшенина. Невозможно представить себе театральную-киношную жизнь Ленинграда без этой пары.

Он знаменитый кинорежиссёр, ученик Эйзенштейна, более полувека делавший кино на «Ленфильме». Непревзойдённый мастер музыкального кино, он снял фильмы, которые до сих пор с успехом показывают на телеэкранах. Это «Двенадцатая ночь», «Собака на сене», «Прощание с Петербургом», «Тартюф», «Летучая мышь» и многие другие.

Она ведущая актриса театра Райкина, заслуженная артистка России, «любимая папина партнёрша» по определению Кости Райкина и «Мисс Эстрада» по определению режиссёра Вахтанговского театра Евгения Симонова.

– Они жили по соседству с нами, и мы общались друг с другом даже по поводу каких-то бытовых мелочей. Я и дочь свою назвала Викой в честь подруги. После того, как Фриды уехали в Гер-

манию, в Штутгарт, где уже жила семья их единственной дочери, а я в Америку, где жила к тому времени семья моей единственной дочери, мы продолжали обмениваться письмами.

И Галина показала мне пару посланий от Яна Фрида, которые я с удовольствием прочитал.

«Наша дорогая подружка Галка!

«Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось» (строчка из дуэта Сильвы и Эдвина, фильм «Сильва» был снят Яном Фридом в 1981 году. – Ю.С.), как в нашем родном Ленинграде мы проводили полные веселия и юмора «посиделки», сколько интересных людей были нашими многолетними и верными друзьями! Наша с тобой ничем не омрачённая дружба породнила нас на всю оставшуюся жизнь. Это говорит твой Ян Фрид накануне своего девяностотрёхлетия. Мы всегда помним тебя, как прекрасного человека и одарённого драматурга, своим творчеством связанного с творчеством Аркадия Райкина. Я и твоя неизменная подружка Вика обнимаем тебя нежно...»

Хочется процитировать ещё одно послание Галине из Германии, написанное как автограф на первой странице статьи из русскоязычной немецкой газеты под названием «Классик хорошего настроения». Так называли Яна Фрида ещё в Ленинграде.

Галина! Дорогая моя подружка!!

Мы, слава Богу, живём и не тужим, и почти здоровы. Здесь к нам очень тепло относятся как русскоязычное, так и немцы. Немало у нас было творческих встреч, а предстоит ещё больше. Хватило бы только сил и здоровья...

Выберись к нам в Германию. Мы будем рады принять тебя у нас. Вике с семьёй передай наш пламенный привет и наши объятия. Ждём твоих писем. Всегда твой Ян.

Выбраться в Германию не получилось, но переписка была взаимной. Галина писала друзьям поздравительные стихи.

Одно из юбилейных поздравлений дорогому Яну начиналось со строк:

*Не для молвы, не для литавров,
Не для мгновения, а впрок
Вплету ещё листок из лавров
В лавровый старый твой венок...*

Ян Фрид ушёл из жизни в 2003 году. Ему было 95 лет. Виктория Горшенина, которая была моложе мужа на 11 лет, пережила его на эти 11 лет и умерла тоже в 95. Обе смерти были для Галины потерей друзей, ставших за долгие годы родными.

У Галины Левиной настолько насыщена событиями жизнь, что в каждом разговоре с ней всегда услышишь что-нибудь новое и интересное.

Её отец Давид Левин был администратором в Ленинградской филармонии. Круг друзей был соответствующий, и вечера проходили в застольях и возлияниях. Закадычным другом был Леонид Утёсов. Одно из самых ранних воспоминаний Галины, как её, совсем маленькую, подбрасывали к дочке Утёсова Эдит, которая была всего на шесть лет старше, и они играли, пока их отцы где-то приятно проводили время.

Другое раннее воспоминание более значительно. Оно зафиксировано в истории советского кино. На студии «Ленфильм» режиссёром Константином Державиным в 1924 году была снята короткометражная получасовая эксцентрическая комедия «Самый юный пионер». Далее цитирую: «Главную роль исполняла трёхлетняя Галочка Левина (так и написано, не Галя, не Галина, а Галочка. – Ю.С.). Сюжет основывался на похождениях ребёнка в тылу у белых в годы гражданской войны».

Не каждому дано в три года сняться в кино, да ещё в главной роли. На «кастинге», как сейчас называют пробы актёров, режиссёру понравилась бойкая и смышлёная кроха, которая, ничуть не смущаясь, делала то, что он её просил, и получала от этого явное удовольствие.

Кинопробы не оставили сомнений. Фильм был снят.

Взрослые поздравляли юную кинозвезду, а Галочка Левина представления не имела о том, что это такое. Для неё это была увлекательная детская игра. Родителям пошли предложения об участии ребёнка в других фильмах, но мама была категорически против. У мамы был свой опыт общения с артистической средой.

– Мама настолько устала от божественной жизни своего мужа, что развелась с ним. Второй её брак был очень коротким. Она, решив, что дочке всё же нужен отец, второй раз вышла за него замуж. Вдруг что-то изменилось! Но ожидания не оправдались. Отец не мог быть другим, и, когда мне было пять лет, мама второй раз развелась с моим отцом, вышла замуж четвёртый раз и наконец-то обрела покой и семейное счастье.

Мой отчим Вениамин Ефимович Клейзер был совсем из другого мира. Он был главным инженером завода «Светлана». Слышали о таком?

– Не просто слышал, а даже приходилось бывать. Это был флагман электронной промышленности Союза.

– Вот. И Вениамин Ефимович, считайте, вырастил меня, стал для меня родным человеком. Мы с мамой называли его батюней.

У нас была хорошая библиотека, и меня никто не ограничивал в выборе книг. Читать я очень любила, и в 7–8 лет мне уже были знакомы имена Мопассан и Бальзак. Мама знала об этом, но ничуть не волновалась – лучше пусть узнает про жизнь от Мопассана, чем во дворе от малолетних знатоков.

Начитавшись самых разных книг, я решила, что сама тоже могу писать не хуже. Ничего не помню из того, что писала в том раннем детстве, кроме одной фразы из рассказа. Она была смешной и абсурдной, потому и запомнилась: «Из подворотни вышел джентльмен в бурке».

Всё было замечательно, пока нас не коснулась волна треклятых чисток в конце тридцатых годов. Отчима пригласил к себе директор, который очень ценил его, как специалиста, и хорошо к нему относился. И директор, не очень объясняя ситуацию, которая и так была ясна, сказал, что уже имеет информацию по поводу своего главного инженера. Поэтому не хотел бы он с ним

расставаться, но другого выхода нет. Надо переехать куда-нибудь от греха подальше, и как можно скорее. Это всё, чем он может ему помочь.

В результате семья оказалась в шахтёрском рабочем посёлке Белово Кемеровской области, который только накануне получил статус города, а я осталась доучиваться в Ленинграде на журфаке.

После третьего курса в начале лета 1941 г. студентка Галина Левина была отправлена на практику в редакцию газеты «Моряк» города Одессы, где и застала её война. Граница почему-то оказалась на замке, как им повторялось неоднократно, и немецкие войска стремительно приближались к Одессе.

Галина хотела бы поскорее вернуться в Ленинград, но пассажирское сообщение полностью прекратилось. Начальник вокзала на просьбу отправить хоть в товарном вагоне сказал, что ничем помочь не может. Отчаявшись, Галина со своей подругой через дырку в заборе проникли на перрон, заскочили в ближайший товарный вагон и забились в угол, но были обнаружены и грубо вышвырнуты из вагона.

Оставалось надеяться на чудо, и оно произошло. С отступающими частями Южного фронта в Одессе оказалась редакция фронтовой газеты «Во славу Родины». Местные журналисты кинулись в редакцию с надеждой устроиться на работу, но штат был укомплектован, и им было отказано. Тогда кто-то из них, Галина не припомнит, кто, но вечно ему благодарна, сказал, что у них есть девушки-практикантки из Ленинграда, будущие журналистки. Не заберут ли они их к себе для продолжения практики. Девушки еврейки, и если в Одессу войдут немцы, то они неминуемо погибнут. Зам главного редактора Николай Николаевич Кружков поговорил с начальством, и девочек взяли в состав редакции.

При упоминании имени Кружкова глаза Галины вспыхивают благодарственным светом, и она вздохнув начинает рассказывать, какой это был удивительный человек. Николай Николаевич был в два раза старше, но это означало, что ему было чуть больше сорока. Он уже успел до войны поработать известным собственным корреспондентом «Правды», что являлось высшей ступенькой в карьере журналиста.

Кружков взял девушек под свою опеку. Он ездил с ними на передовую, давал им задания, правил их корреспонденции. Галина не жалеет эпитетов – умный, мудрый, добрый, внимательный, интеллигентный, высочайшего класса профессионал. Она считает его своим учителем. Не очень долгое общение с ним дало ей, по её словам, гораздо больше, чем все лекции в университете.

Что ей запомнилось из той поры?

Во время одной из бомбёжек легко ранило её подругу Фаину. Легко по меркам военного времени. Осколок снаряда попал в ногу, но кости, слава Богу, остались целыми. Было страшно. Смерть могла поджидать в любой момент, и не только на линии фронта.

Однажды их повезли в штаб, её и Володю Полякова, будущего автора многочисленных райкинских эстрадных текстов Владимира Соломоновича Полякова. Уже до войны он был известным автором, а на тот момент создал фронтовой театр миниатюр «Весёлый десант» и разъезжал с ним по воинским частям.

Везли их в штаб по той причине, что оба свободно владели немецким. У Галины няня была немкой, и она смеётся, что начала говорить по-немецки раньше, чем по-русски.

В штаб их пригласили как переводчиков при допросе двух плененных немецких лётчиков, сбитых над Одессой. Галина запомнила, что один был взрослым мужчиной и вёл себя нагло, а другой – юноша, почти мальчик, был полностью растерян, моргал белёсыми ресницами и отвечал дрожащим голосом, еле сдерживая слёзы. Ей так его стало жалко, что до сих пор перед её глазами эта картина. А с Володей Поляковым они снова встретились в театре Райкина и до конца его дней были не только коллегами по цеху, но и друзьями.

Самым памятным моментом фронтовой жизни Галины Левиной, о котором она говорит с придыханием, была встреча с Константином Георгиевичем Паустовским. Он был из тех маститых авторов, которых на непродолжительное время прикомандировывали к разным фронтовым газетам для усиления редакции. Так он оказался в газете «Во славу Родины», где заключил в объятия своего близкого друга Николая Кружкова.

Николай Николаевич представил другу молоденькую, подающую надежды практикантку, которая онемела, оказавшись вблизи признанного литературного мэтра, книгами которого давно зачитывалась. А далее было присутствие при разговорах Кружкова и Паустовского, впитывание каждого слова, обсуждение корреспонденций и профессиональные советы мастеров.

Когда Паустовский покидал редакцию, он подарил Галине свою тоненькую книжицу в мягкой обложке, сборник рассказов «Михайловские рощи» с дарственной надписью:

Дорогой Галочке Левиной в прекрасной Одессе в грозные дни войны. Константин Паустовский. 1 августа 1941 г.

Галина говорит, что эта книжка самая большая ценность в её доме. Когда она переезжала из страны в страну, из одной квартиры в другую, она первым делом упаковывала эту книжечку, чтобы, не приведи Господь, не забыть и не потерять.

Галина отступала вместе с армией. Формально она была на студенческой практике и должна была к сентябрю вернуться в университет. Даже в страшном сне не могло привидеться, что дальше произойдёт. В начале сентября 1941 года Ленинград оказался в кольце блокады. О возвращении не могло быть и речи.

Тем не менее, Николай Николаевич объяснил, что практика заканчивается, в штат она зачислена быть не может, и он должен её отправить если не в Ленинград, то в тыл. Галина уверена, что за этим объяснением скрывалось желание уберечь юное создание от опасности быть раненой или даже убитой. Узнав, что семья Галины живёт в сибирском городке Белово, Николай Николаевич пристроил её в санитарный поезд с ранеными, который отправлялся в Сибирь.

Так Галина оказалась в Белово, без труда устроилась на работу в местную газету, и началась её самостоятельная журналистская жизнь. По заданию редакции она бывала и в угольных забоях, и на металлургическом производстве, и на городской электростанции. В её корреспонденциях присутствовали живые люди с их проблемами, с их неимоверно тяжким трудом, с их непоколебимой верой – «Наше дело правое, победа будет за нами». Это была

встреча с реальной жизнью, ничем не заменимая школа начинающего журналиста.

Галина вспоминает, как на следующий день после того, как она спустилась в забой, чтобы своими глазами увидеть, как шахтёры «рубают уголёк» отбойными молотками, произошла авария и погибли люди, с которыми она общалась накануне. Это было ужасно, но это была тоже реальная жизнь.

Не один раз в наших разговорах с Галиной мы возвращались к военному времени.

Однажды мне довелось помогать Галине обустраиваться в новой квартире, и с дрелью, молотком и прочим инструментом я отправлялся к ней, предварительно позвонив. От меня до Галины было не больше десяти минут пути, но каждый раз она просила прийти минут через сорок. Я не сразу понял, что эти сорок минут нужны ей для того, чтобы выглядеть так, будто она собралась в театр или на банкет. Не могла она иначе появляться на людях.

Вешая одну из картин, ничем не примечательную, на центральном месте, поинтересовался, почему ей такой почёт, и услышал историю о том, что эту картину нарисовал её школьный друг и подарил ей после окончания школы. Неизвестно, чем бы закончилась их дружба, но из мальчиков, родившихся в 1921 году, мало кто остался в живых. Погиб и он.

Картина – память о нём, и потому так дорога. Позже я написал об этом строчки:

*Как дружить они умели!
Но погиб он на войне.
Репины и Рафаэли,
Помолчите в стороне.*

В другой раз я увидел у Галины пожелтевшую вырезку из газеты с публикацией «Израиль Фисанович: подводник и человек». Прочитал очерк, изумился беспримерному героизму и таланту этого человека. Герой Советского Союза, капитан 2-го ранга, командир подводной лодки, он при этом ещё талантливый поэт и писатель. Легендарная подводная лодка Северного флота М-172 под

командованием Фисановича выполнила 18 боевых походов, потопив 13 вражеских кораблей и судов.

По воспоминаниям тех, с кем он вместе служил, Израиль Фисанович был душой компании, остроумным и весёлым. Мог часами читать наизусть любимых поэтов и сам писал стихи. Очерк о нём начинался со строчек из его стиха:

*В морскую глубь на смертный бой с врагами
Идёт подлодка, слушаясь рулей.
И нет нам почвы твёрже под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.*

Ещё во время войны в 1944 году вышла его книга «Записки подводника», и в том же 1944 году в июле, не дожив нескольких месяцев до тридцати лет, Израиль Ильич Фисанович погиб.

Героическая и трагическая история, но какое отношение имеет к ней Галина? Оказалось, что имеет. Она встретила с Израилем Фисановичем за полгода до войны. Израиль Фисанович окончил Ленинградское военно-морское училище им. Фрунзе в 1936 году, а в декабре 1940 года старшего лейтенанта Фисановича, который проходил службу в Северном флоте, направили в Ленинград на высшие командные курсы подводного флота. Тут и пересеклись жизненные пути его и Галины Левиной.

Она студентка и будущая журналистка. Он офицер, неотразимый в военно-морской форме. Полгода им было отведено для дружеских встреч.

Они делились впечатлениями от прочитанных книг, читали друг другу стихи, любимые и свои, ходили в кино, на спектакли и концерты. Было полное взаимопонимание и радость общения. Они попрощались перед её отъездом на практику в Одессу, и оказалось, что навсегда.

Возвращаемся в Белово. Галина работает журналистом, «входит в народ», о котором раньше имела только книжное представление. Война продолжается. И вот новый поворотный пункт в жизни Галины Левиной.

В Новосибирск был эвакуирован Ленинградский театр драмы им. Пушкина, знаменитая Александринка. Ему отдали помещение местного театра «Красный Факел», который временно переместили в город Сталинск, ныне Новокузнецк. Это пятьдесят с небольшим километров от Белово. У Галины не было проблем получить задание от редакции побывать в театре и написать о нём.

Так она познакомилась с главным режиссёром театра Верой Павловной Редлих. Заслуженный деятель искусств, Народная артистка России, она почти двадцать лет будет руководить «Красным Факелом», и в том, что театр получит всесоюзное признание, большая её заслуга.

Вере Павловне понравилась энергичная питерская журналистка. В разговоре она проявила осведомлённость в театральной жизни довоенного Ленинграда, свободно ориентировалась в современной драматургии. Её реакция на постановки театра, которые она успела посмотреть, не была банально восторженной, а говорила о критическом взгляде на режиссёрские придумки. И Вера Павловна предложила ей занять вакансию завлита, на что Галина ответила благодарным согласием.

Обязанности завлита она исполняла с большим удовольствием – прочитывала массу пьес, рекомендовала какие-то из них к постановке, работала с авторами, если они были доступны, сочиняла рекламные материалы, организовывала обсуждения спектаклей со зрителями.

Галина тепло вспоминает годы работы в новосибирском театре. Была очень дружелюбная обстановка. Она не помнит, чтобы мешали какие-то интриги и разборки, такие частые в театральной среде. Однако её ни на минуту не оставляла мысль вернуться в Ленинград. Это произошло, она уже и не помнит точно, то ли в конце 1948 года, то ли в начале 1949 года.

Вот что она точно помнит, так это то, что незадолго до её отъезда в Ленинград в театре появился новый актёр, приглашённый из тюменского облдрамтеатра. Звали его Евгений Матвеев. Через несколько лет, после гастролей «Красного Факела» в Москве, его пригласит Академический Малый театр, и он переедет в Москву. Начнётся восхождение всенародно известного исполнителя ролей

в кино и театре, режиссёра-постановщика полюбившихся зрителям фильмов, Народного артиста СССР Евгения Матвеева.

Галина поздравляла его с каждым очередным успехом. Когда она бывала в Москве по делам, они встречались. Евгений Семёнович даже предлагал посодействовать её переезду в Москву на завлитовскую работу. Она соглашалась с ним, что Ленинград хоть и столичный город, но с областной судьбой, и почти все мало-мальски важные вопросы приходится решать в Москве. Всё так, но оставлять Ленинград она не захотела.

Итак, Галина через восемь лет вернулась после затянувшейся «студенческой» практики в свою ленинградскую квартиру. Через друзей устроилась в заводскую многотиражку, чтобы хоть немного зарабатывать на жизнь. Но главную свою надежду она возлагала на пьесу, которую начала писать ещё в Белово, а закончила уже в Ленинграде. Пьеса называлась «По московскому времени» и была, естественно, из жизни шахтёров с их героическим и опасным трудом, с их преданностью делу партии и коммунизма, а героиней была она, молодая журналистка.

Куда обратиться начинающему, никому не известному автору? Сколько их, ищущих признания. Надо искать чью-то авторитетную поддержку. И подруги, актрисы Театра комедии, познакомили её с уже состоявшимся ленинградским драматургом Аркадием Минчковским. Какую-то его пьесу, написанную вместе с братом, незадолго до этого поставил в Театре им. Ленинского комсомола переехавший из Москвы в Ленинград режиссёр Георгий Александрович Товстоногов.

Галина подробно рассказала о перипетиях со своей первой пьесой в интервью Владимиру Нузову.

– Я отдала пьесу Минчковскому и жду, что же он мне посоветует. Но Минчковский исчез, ни слуху о нём ни духу. Вдруг меня вызывают в ВААП (Всесоюзное агенство авторских прав). Прихожу. Принимает меня начальник Семёнов, кажется, Николай Николаевич. Любезно предлагает сесть, а в кабинете у него уже сидит Аркадий Минчковский.

И Семёнов спрашивает меня, знаю ли я, что моя пьеса продана в Ленком, и авторами указаны Минчковские? Можете предста-

вить себе мои вытаращенные глаза... Как выяснилось, братья-драматурги заключили с Ленкомом договор о написании очередной пьесы. Сроки прошли, а пьесы нет. Тут и подвернулась моя. Они выдали её за свою и даже аванс от театра получили.

Сидевший тут же Минчковский ничего не отрицал. Только пояснил, что прошёлся по моей пьесе рукой мастера и считает себя соавтором. Заметьте, что он не то чтобы не вернул пьесу с правками, но даже не позвонил. А Семёнов возьми да спроси: «Вы получили аванс за пьесу. Предлагали часть аванса Левиной?» И, не моргнув глазом, Минчковский отвечает: «Собирался. А не предложил потому, что мне в этот момент очень нужны были деньги», на что последовал вопрос Семёнова: «А вам не пришло в голову, что ей в этот момент они были нужны не меньше, чем вам?». Ответа на этот вопрос не последовало.

Избавив меня от судебных тяжб, Семёнов произвёл все необходимые юридические действия и прислал мне исполнительный лист на половину полученного Минчковским аванса.

Прошло какое-то время, и мне сообщили, что Ленком приступил к постановке спектакля. Были распределены роли, готовились декорации. И хотя я значилась только в соавторах, всё равно была на седьмом небе от счастья.

Но... вдруг звонит завлит Ленкома Дина Шварц и просит завтра прийти в Ленком к назначенному часу. Являюсь в кабинет Товстоногова, а там уже Дина, директор театра Латышев и мой «соавтор» Минчковский. Я гадаю, зачем это нас всех вызвали.

Георгий Александрович обращается к Минчковскому: «Аркадий Миронович, мне стало известно, что в одной актёрско-писательской компании вы сказали, что я режиссёр-формалист, которому всё равно, над каким материалом работать, что я могу поставить даже телефонную книгу. Если я такой плохой режиссёр, почему вы доверили моему театру вашу пьесу?»

Минчковский, к моему удивлению, не стал оправдываться. Георгий Александрович ещё не был тем великим Товстоноговым, возглавлявшим БДТ, и этот Аркадий Миронович, имя которого вряд ли ещё кто-то помнит, кроме меня, посмел сказать ему, что он не единственный режиссёр, который может поставить пьесу.

Тогда Товстоногов резко отреагировал, что с таким автором работать не считает для себя возможным, и тут же совсем другим тоном обратился ко мне: «Я познакомился с первоначальным вариантом вашей пьесы до того, как его коснулась рука «мастера», – насмешливый кивок в сторону Минчковского, – и ваш вариант мне очень нравится. В этой ситуации вы стали безвинной жертвой. Двери нашего театра для вас, как автора, всегда открыты».

Я была удручена неимоверно. Счастье было так близко... Однако на этом не закончилась история моей первой пьесы. Благодаря ей я познакомилась ещё с одним выдающимся человеком. Товстоногов только начинал всходить на свой Олимп, а Иван Николаевич Берсенева уже был мэтром, Народным артистом СССР, художественным руководителем Московского Ленкома. Так получилось, – смеётся, – что оба театра были имени Ленинского комсомола.

Берсенева порекомендовали прочитать пьесу. Она ему понравилась. Он решил её ставить и пригласил автора, то-бишь, меня приехать в Москву для переговоров. Окрылённая, я помчалась в Москву. Иван Николаевич начал с того, что у него лёгкая рука, похвастался, что он вводил в драматургию Константина Симонова. Сам он ставить мою пьесу не может, а поручит это сделать одного из режиссёров Ленкома Аркадия Григорьевича Вовси.

Аркадий Вовси оказался двоюродным братом Соломона Михоэлса. Он был арестован по делу ЕАК (Еврейского Антифашистского Комитета), и постановка моей пьесы не случилась. Думаете, на этом всё закончилось? Ан нет. Пьеса ещё побывала в долюбимовском Театре на Таганке. Там мне предложили над пьесой ещё поработать, одного из отрицательных героев сделать положительным. Я очень хотела это сделать, но получалось настолько хуже, что я оставила эту затею. На этом Галина закончила рассказ о своей первой пьесе, которая так и не увидела света рампы.

Её звёздный час, как мы уже знаем, пришёл не с первой полнометражной пьесой, а с маленькой, простенькой юморески «Нянька», исполненной Аркадием Райкиным.

– На меня посыпался град предложений от актёров и из лит-части «Ленконцерта» написать эстрадные тексты. Но главное последствие – я стала членом «Профессионального Комитета ленинградских драматургов», о чём свидетельствовали красивые корочки, которые мне вручили.

Знаете, почему это было важно? Членство в этой организации позволяло избежать обвинения в тунеядстве. Меня уже не могли судить, как Бродского, за то, что я нигде не работала. Я теперь имела право жить на гонорары.

– А Бродского не могли принять в этот союз?

– К сожалению, нет. Это же был «профком драматургов», так его в шутку называли по аналогии с обычными профсоюзами на предприятиях.

В него принимали только тех, кто писал для театра и эстрады. У Бродского было совсем другое творчество.

Через некоторое время меня выбрали заместителем Председателя Комитета, и я могла содействовать приёму в «профком» молодых талантливых авторов, включая тех, которых называли бардами. Они получали право спокойно заниматься творчеством, выступать с концертами, законно получая за это деньги.

У Галины целая галерея фотографий с благодарственными автографами от ставших известными и популярными авторов и исполнителей. Среди них Дольский, Розенбаум, Альтов, Галесник.

Дорогой... Замечательной... Милой опекунше... Гале... Галине... Галочке... и полный набор добрых слов и пожеланий.

А вот надпись на афише от известного конферансье и эстрадного артиста, для которого Галина написала фельетон «За тех, кто в зале»:

Дорогой Галке с нежностью и благодарностью. Всегдашнее спасибо за дивный фельетон. Он украшает меня до сих пор. Бен Бенцианов.

– А были ли ещё пьесы, кроме той, не увидевшей света рампы? – полюбопытствовал я однажды.

– Были, – и она по моей просьбе дала мне почитать несколько своих пьес. Я разложил их в хронологическом порядке и первой прочитал драму «А всё-таки она вертится...», помеченную 1969 годом.

Главный герой, учёный-генетик, испытывает гонения со стороны лжеучёных, возглавляемых академиком Тысенко. Это не опечатка, а авторское изменение узнаваемой фамилии. Настоящие учёные побеждают ретроградов. Заблуждавшиеся коммунисты признают ошибки. Истинная любовь преодолевает преграды и торжествует. Всё так и в духе времени. Но... не появилась эта пьеса на сцене. Почему, сейчас не так важно. А я, читая пьесу глазами научного сотрудника, постоянно вспоминал сказанные в шутку слова академика Льва Ландау: «У меня никогда не хватало мужества идти на пьесы о физиках».

Другая пьеса «Замок с секретом», написанная совместно с Виктором Фотеевым в 1985 году, оказалась более успешной. Это музыкальное приключение-сказка для детей. Персонажи исполняют более двадцати песен. Музыка к спектаклю написал известный композитор Станислав Пожлаков.

Все герои в сказке традиционно отрицательные – Баба-Яга, Чертёнок, Серый волк, Чёрный кот, Тётя Жаба. Но хорошая девочка Оля своим добрым отношением к ним делает их всех тоже добрыми. Её спасённый братик Коля, увидев страшных героев, поначалу испугался.

Оля: Не бойся, это все мои друзья.

Коля: А как это они стали твоими друзьями?

Тётя Жаба: У добрых людей всегда много друзей!

Баба-Яга: До чего же верно сказано.

После этих заключительных слов все герои хором исполняют финальную песню про дружбу и добрые слова.

Пьеса успешно в течение многих лет шла в театрах юных зрителей. Не так давно Галину порадовали афишей из Гатчины Ленинградской области: 19 декабря 2012 года в местном ТЮЗе состоялся музыкальный спектакль «Замок с секретом».

Галина Левина является автором ещё двух мюзиклов, но уже для взрослых. Один мюзикл-трагифарс в соавторстве с тем же Виктором Фотеевым «Посторонних просят не стрелять» о гангстерах и продажности в буржуазном мире. Только один порядочный

*С Вахтангом
Кикабидзе*

человек, репортёр газеты, в конце пьесы соглашается совершить заказное убийство, чтобы спасти любимую девушку, но предпочитает убить себя.

Другой мюзикл «Гейша» в соавторстве с Сергеем Петровым о неожиданных метаморфозах в японском заведении «Десять тысяч радостей». Это весёлый балаган с гейшами и британскими офицерами, с переодеваниями и мистификациями, с песнями и танцами и со счастливым концом для всех героев.

Ни тот, ни другой мюзикл, по словам Галины, не имел серьёзных последствий, и она о них почти забыла. А вот что она с удовольствием вспоминает, так это совместную творческую работу с режиссёром студии «Пермьтелефильм» Леонидом Кощениковым. Песенки и сценарии для мультиков «Тяп и Мика» про щенка и котёнка, «Эх ты, Тишка, Тишка», «Всем чертям назло» продолжают радовать детей. А популярный мультик для взрослых «Как Ваня жену выбирал» до сих пор можно увидеть в телевизионных программах. В Интернете они тоже доступны.

Некоторые песенки и сценарии были написаны Галиной совместно с мужем Яном Галиным, Яковом Григорьевичем Прицкером. Ян, окончивший автодорожный институт, никогда не работал инженером. Поначалу был свободным художником, писал стихи, а в результате стал конферансье в Ленконцерте. Это была

счастливая пара, жившая в гармонии и согласии, понимавшая друг друга с полуслова.

Из обычных текущих успехов в творчестве Галины Левиной выделяется ещё один взлёт, сравнимый с успехом «Няньки». В 1978 году она написала стихотворение «Сухая верба», а её подруга, композитор Галина Сорочан превратила его в песню. Песня понравилась не только слушателям, но и жюри, которое отбирало песни для участия в Международном конкурсе песни в Познани. Исполнители песни – вокально-инструментальный ансамбль «Орэра» и Нани Брегвадзе вместе с обеими Галинами отправились в этот польский город и вернулись оттуда лауреатами.

Галина хранит программку концерта ансамбля «Орэра», всю испещрённую автографами его участников. Приведу только два:

Моему другу, замечательному человеку, милой Галочке на добрую память. Нани Брегвадзе

Галочка, спасибо большое Вам за всё. Целую крепко!! В. Кикабидзе

Когда Нани Брегвадзе давала сольный концерт в Нью-Йорке, Галина встретила её. В концерт была включена песня «Сухая верба», и после её исполнения Нани сказала, что в зале присутствует автор песни Галина Левина. Галине пришлось встать и выслушать овацию зала в её честь.

А на юбилейном вечере в честь 90-летия Галины выступил участник вокального квартета ансамбля «Орэра» тех времён Валерий Ломсадзе. Прежде, чем произнести тост, он спел «Сухую вербу».

*Про тебя молва, молва идёт, моя любимая,
Очень ты хорошая, очень ты красивая.
Да, но если сердце, сердце изо льда,
Разве это тоже, тоже красота?
Красоту ищу я, ищу любовь и верность.
Вижу я в хрустальном инее росу.*

*Я хочу красивой, красивой видеть вербу,
Что стоит опавшей осенью в лесу*

Припев:

Отметут, отметут, отметут метели.

И пора, и пора, и пора придёт.

И сухая верба, сухая верба

Сухая верба снова зацветёт.

Валера закончил петь и произнёс тост:

– Есть много друзей и есть моя дорогая Галина Левина! Моя дорогая Галочка, ты у нас необыкновенный человек! Быть твоим другом большое счастье...

А я привёл первый куплет и припев песни, поскольку в этих строчках Галина Левина точно и образно выразила своё отношение к жизни. Красота должна быть тёплой. Именно такую красоту она ищет, а вместе с ней любовь и верность. Если их нет, то это только временно. Пройдёт осень, отметут зимние метели, и сухая верба снова зацветёт. Надо только не терять веру.

Уже двадцать четыре года Галина Левина живёт в США. И здесь её не устроило пассивное присутствие. Она организовала литературно-музыкальную гостиную, в которой выступали её «детсадовские» друзья. Многие из них имели творческое прошлое или были знатоками литературы, театра, кино.

Чаще других выступала сама Галина. Передо мной веер приглашений на её выступления в гостиной. В их числе «Аркадий Райкин, каким я его знала», «Александр Дольский и его песни», «Больше, чем любовь (Ив Монтан и Симона Синьоре)», «Мой Пушкин», «Народный артист Анатолий Папанов»... Рассказ о себе она назвала «Жизнь – интересный путь...». Ей было о чём рассказывать, и этот очерк свидетельство тому.

Февраль 2018 года

ЕГО БОЖЕСТВОМ БЫЛО СЛОВО

Человек рождается поэтом, ещё не зная ни языка, ни предназначения, и только много позже, когда этот человек научится говорить и писать, в нём включается при наличии каких-то жизненных обстоятельств, самых разных у разных поэтов, удивительный механизм сочинения стихов. Далеко не всегда это происходит. Многие проживают жизнь, не зная своего Божьего дара.

Он родился и стал поэтом. Очень непростая судьба вознесла его на высокий пьедестал лауреата Нобелевской премии, обеспечивший ему мировую славу. Тут же посыпались широкие публикации его стихов и эссе и многочисленные интервью для удовлетворения любопытства читающих масс. Из воспоминаний его друзей и литературных исследований его творчества уже может быть составлена солидная библиотека. Мне, привыкшему с прогрессивным сомнением относиться к трактовкам и комментариям, захотелось самому обратиться к первоисточнику и понять или не понять, что есть поэт Иосиф Бродский. Я исходил только из того, что написано или сказано самим поэтом. В дальнейшем тексте выделенные курсивом слова Бродского перемежаются с моим ощущением, с моим пониманием этих слов.

Естественно, меня как читателя изначально интересовало, как поэт отвечает на вопросы, возникающие в моей собственной голове. С одной стороны, это то, что в философии называется метафизикой, рассуждающей о первопричинах всего существующего, о том, что вне опыта и поэтому предполагает игру воображения, не исключаящую мистику. Тут поэту, как говорится, и карты в руки. С другой стороны, мне, рождённому в тот же год Дракона, что и поэт, и тоже от еврейских родителей, было любопытно, как

это повлияло и повлияло ли на творчество поэта. Эти две стороны мне были интересны в первую очередь, и тем, как они мне открылись, я решил поделиться.

Его божеством было Слово. Вся его поэзия – это поклонение Слову. Мы вторичны, Слово первично. Об этом Бродский пишет и говорит постоянно.

...Я сказал бы, что поэт в конечном счёте поклоняется только одному, и это одно не выразить ничем, кроме слов, короче, это... язык.

...мы считаем, что язык – орудие поэта. Ровно наоборот: поэт – орудие в руках языка, ибо язык существовал до нас и будет существовать после нас. Что касается меня, если бы я начал создавать какую бы то ни было теологию, я думаю, это была бы теология языка. Именно в этом смысле Слово для меня – это нечто священное.

...Детская привязанность к языку... завершается для взрослого человека преклонением перед поэзией как формой высшей зрелости данного языка.

...Многие вещи определяют сознание помимо бытия, одна из таких вещей – язык.

...религиозное сознание нуждается в языке ... для молитвы. Вполне возможно, что будучи голосом человеческого сознания, язык вообще во всех его проявлениях и есть молитва.

...Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования.

...К чему поэт действительно прислушивается – это к языку: именно язык диктует ему следующую строчку.

...У поэта есть только один долг перед обществом: писать хорошо. Собственно, это долг не столько перед обществом, сколько по отношению к языку. Поэт, долг этот выполняющий, языком никогда оставлен не будет.

...Язык выталкивает поэта... туда, откуда язык пришёл, туда, где в начале было Слово или различимый звук.

...дух, ищущий плоть, но находящий слова. (Это о Мандельштаме, но то же самое он мог бы сказать о себе).

...поэзия не развлечение и в определённом смысле даже не искусство, но наша... генетическая цель, эволюционный ... путеводитель. И в момент чтения вы становитесь тем, что вы читаете, вы совпадаете с состоянием языка, которое зафиксировано в стихотворении.

...Я родился в России и в её языке.

...Единственное, во что я действительно верю, что даёт мне опору в жизни – язык. Если бы мне пришлось создавать Бога для самого себя, кого-то, кто безраздельно правит, это был бы русский язык. Во всяком случае, русский язык был бы его важной частью.

...Самое святое, что у нас есть, – это, может быть, не наши иконы, и даже не наша история – это наш язык.

Можно продолжать и продолжать цитировать. Всё творчество Бродского пронизано обожествлением Слова, поклонением Языку. Но поэту мало поместить язык в начало начал, наделить его независимой от человека духовной мощью. Бродский всерьёз говорит о материальности языка.

...Язык есть ... первая линия информации неодушевлённого о себе, предоставленная одушевлённому. Или... язык

есть разведённая форма материи. Создавая из него гармонию или даже дисгармонию, поэт, в общем-то бессознательно, перебирается в область чистой материи ...

...Помимо своей функции голоса сознания язык ещё и самостоятельная стихия, способность которой сопротивляться ... выше, чем у сознания как такового.

Бродский приписывает языку невероятную внутреннюю силу, борьбу внутри себя, где сосуществуют все грани мироздания, где воистину реализует себя единство и борьба противоположностей. Имя этой силы –

...всеядная прозорливость языка, которому в один прекрасный день становится мало Бога, человека, действительности, вины, смерти, бесконечности и Спасения, и тогда он набрасывается на себя.

Набрасывается на себя, сжирает себя до бессмыслицы, до не-леплого набора звуков, отражающих безумный хаос и никчёмность существования.

Бродский не может смириться с тем, что понимание поэзии – это удел избранных.

...Поэзия – самая высшая форма высказывания в любой культуре. Отказавшись от чтения стихов, общество обрекает себя на низшие речевые стереотипы в устах политика, бизнесмена или шарлатана, т. е. на собственные речевые возможности. Другими словами, оно лишается своего эволюционного потенциала, ибо то, что отличает нас от животных, это дар речи. Обвинения, то и дело предъявляемые поэти, что она трудна, темна, герметична и что там ещё, говорят не столько о состоянии поэзии, сколько о том, на какой низкой эволюционной ступени задержалось общество.

Бродский иронизирует, напоминая, что он сотрудник библиотеки Конгресса, и считает своей должностной обязанностью предложить выпуск лучших стихов миллионными тиражами по доступной каждому цене. Только это, по его мнению, может спасти общество от «*низших речевых стереотипов*». Книга лучших стихов, считает он, должна лежать рядом с Библией в каждом гостиничном номере.

Но кто будет определять, какие стихи лучшие в многотонных книжных собраниях, а теперь и в гигабайтах памяти? Бродский предлагает, тут можно смеяться, двух-трёх назначенных авторитетов (интересно, кем?!). Уверен, попроси его назвать этих двух-трёх, он с присущим ему чувством юмора назвал бы одного-двух. От скромности поэт Бродский не страдал.

В блестящем от начала до конца стихе «Испанская танцовщица» есть два подряд четверостишия, которые являются, на мой взгляд, ярчайшей демонстрацией, что есть язык для Бродского в своём наивысшем поэтическом выражении. Зажигательный танец, вызывающий сам по себе восторги публики, для поэта всё – все времена в одном мгновении, всё пространство в одной точке.

*В нём скорбь пространства
о точке в оном,
себя напрасно
считавшем фоном.*

*В нём – всё: угрозы,
надежда, гибель.
Стремленье розы
вернуться в стебель.*

Бесконечное пространство сошлось в точку. Танцовщица – его создание, его воплощение. Пространство не фон. Оно Творец. Энергия бесконечной пустоты сублимировалась в точке, в танцовщице. Она прекрасна, но временна, мгновенна, мимолётна, и пространство скорбит по этому поводу вместе с поэтом, который тоже его создание.

В танцовщице, в её танце всё, что нас ждёт – угрозы, надежда, гибель и всё, что прошло, что утрачено, к чему нет возврата и есть только воспоминания, которые сродни стремлению розы вернуться в стебель. Диссонансная рифма «гибель – стебель» с совпадающим безударным слогом заставляет остановиться, почувствовать важность момента и отдать должное мастерству поэта по имени Иосиф Бродский.

Метафоры в коротких рубленых строчках перехлёстывают друг друга. Вертикаль, уходящая в небо, мстит горизонтали, опоясывающей Землю. Разряд молнии казнит равнину, и танец уже, как «кровь из раны, побег из тела в пейзаж без рамы». Мало? Тогда вот вам ещё:

*О, этот танец!
В пространстве сжатый
протуберанец
вне солнца взятый!*

И этого мало? Тогда есть ещё и рай, и всемирное тяготение, и престол небесный:

*...виденье Рая,
факт тяготенья,
чтоб, расширяя
свои владенья,*

*престол небесный
одеть в багрянец.
Так сросся с бездной
испанский танец.*

Вот бездной можно уже и закончить стих. Танец, как и бездна, без дна, т. е. неисчерпаем. В нём вся Вселенная, как в капле воды океан.

После такого стиха становится понятным мистическое ощущение автора, что строки ему диктуются сверху. Это ощущение подкрепляется кажущейся лёгкостью написания на одном дыха-

нии, под сильным впечатлением от увиденного. Испанский танец в блистательном исполнении разбудил такие вселенские видения в поэте, что ему ничего не оставалось, как исполнить предназначение и написать блистательный стих.

Слова, считал Бродский, как и люди, имеют свою судьбу, свой статус. Слово «русский» у Бродского было не национальностью, а определением к слову «язык», а слово «еврей» – несомненным подлежащим, отягчённым последствиями.

...В печатном русском языке слово «еврей» встречалось так же редко, как «пресущствление» или «агорафобия». Вообще, по своему статусу оно близко к матерному слову или названию венерической болезни. У семилетнего словарь достаточен, чтобы ощутить редкость этого слова, и называть им себя крайне неприятно...

Помню, что мне всегда было проще со словом «жид»: оно явно оскорбительно, а потому бессмысленно, не отягощено нюансами. ...Всё это не к тому говорится, что в нежном возрасте я страдал от своего еврейства; просто моя первая ложь была связана с определением моей личности.

...Подлинная история вашего сознания начинается с первой лжи. Свою я помню. Это было в школьной библиотеке, где мне полагалось заполнить читательскую карточку. Пятый пункт был, разумеется, «национальность». Семи лет от роду, я отлично знал, что я еврей, но сказал библиотечарше, что не знаю. Подозрительно оживившись, она предложила мне сходить домой и спросить у родителей.

В эту библиотеку я больше не вернулся, хотя стал читателем многих других, где были такие же карточки. Я не стыдился того, что я еврей, и не боялся сознаться в этом... Я стыдился самого слова «еврей», независимо от нюансов его содержания.

...В школе быть «евреем» означало постоянную готовность защищаться. Меня называли «жидом». Я лез с кулака-

ми. Я довольно болезненно реагировал на подобные «шутки», воспринимая их как личное оскорбление. Они меня задевали, потому что я еврей. Теперь я не нахожу в том ничего оскорбительного, но понимание этого пришло позже.

Да простятся мне столь длинные цитаты, но они для того, чтобы вызвать некоторое недоумение. Что за «еврейские» штучки! Слово «еврей» одно, еврей Бродский – нечто другое.

В редких интервью не возникали вопросы о еврействе Бродского, его отношении к национальным корням, к истории предков и их вере. Тем более, что в стихах Бродский практически не касался этих вопросов. Упоминаются в этом контексте обычно два произведения Бродского: «Еврейское кладбище около Ленинграда» и «Исаак и Авраам». Первое было написано Бродским в 18-летнем возрасте. Вот что он сам о нём сказал:

...Серьезное стихотворение, потому что это кладбище. В общем, это место довольно трагическое, оно впечатлило меня, и я написал стихотворение... на этом кладбище похоронены мои бабушка с дедушкой, мои тётки и т. д. Помню, я гулял там и размышлял, в основном, об их судьбе в контексте того, как и где они жили и умерли.

*Еврейское кладбище около Ленинграда.
Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
юрсты, торговцы, музыканты, революционеры.*

Для меня, читающего этот стих, ключевая строчка – *Кривой забор из гнилой фанеры*. Не просто забвение, а наплевательское, даже больше, глумливое отношение ко всем, кто здесь лежит, кто

*...в этом мире, безвыходно материальном,
толковали Талмуд,
оставаясь идеалистами.
Может, видели больше.*

*А, возможно, верили слепо.
Но учили детей, чтобы были терпимы
и стали упорны.*

Да, терпимости и упорству учили нас родители, сами прошедшие горнило испытаний, да так и не нашедшие успокоения при жизни,

*...они обретали его
В виде распада материи.
Ничего не помня.
Ничего не забывая.*

В этом парадоксе «не помня – не забывая» уже чувствуется почерк будущего поэта.

Будучи на пять лет старше, в 23 года, Бродский написал поэму «Исаак и Авраам». К этому времени он познакомился с Библией, но поэмой откликнулся только на историю с жертвоприношением Исаака. Много позже на вопрос в одном из интервью: «Как, по-вашему, жертвоприношение вообще целенаправленно?» – Бродский ответит:

Только не для меня. Все зависит от целостности вашей личности. В этом заключается смысл истории Исаака и Авраама. В ней мне было интересно (если я правильно помню, столько лет прошло), мне было интересно не то, что... (здесь не моё многоточие, а пауза Бродского, ищущего ответ). Сама по себе идея проверки на вшивость мне была не по душе, она идет вразрез с моими принципами. Если Он всевидящ, к чему проверки? Мне просто нравилась сама история, не ахти какая по смыслу и всё-таки великая. Может быть, потому, что в ней было что-то от литературы абсурда.

Вот-те раз! Не просто литература, а ещё и абсурда. А каково обозвать богову затею проверкой на вшивость? Это уж Вы совсем, Иосиф Александрович. И почему Вам в голову не пришла простая

мысль, что Богу было важно знать, готовы ли мы пожертвовать во Имя Божье своими детьми? Есть и более прозаический взгляд на эту историю – прекратить человеческие жертвоприношения, которые ещё бытовали в ту пору.

В поэме «Исаак и Авраам» всё от начала до конца – это фантазии автора на заданную тему. Они не имеют никакого отношения к Библии, кроме названия и факта жертвоприношения.

*И СновА жертвА на огне Кричит:
Вот то, что «ИСААК» по-русски значит.*

Подчёркнутые буквы образуют слово «Исаак». Их игра завораживает автора. Он обращает внимание на то, что еврейское «Исаак» стало русским «Исак»:

*...По-русски Исаак теряет звук.
Ни тень его, ни дух (стрела в излёте)
не ропщут против буквы вместо двух...*

И Авраам утратил двойное А, и в результате

*...Будто слух
от мозга заслонился стенкой красной
с тех пор, как он утратил гласный звук
и странно изменился шум согласной.*

Разве имеет какое-то значение для поэта, что Исак-Исаак изначально Ицхак, а Авраам получил второе «А» от Бога, который тем самым изменил его судьбу, и Сарай, ставшая Сарой, родила ему сына. Бродского больше занимает игра с буквами, со словами. У него своё божество – Язык, диктующий ему строчки.

В поэме много красивых образов и метафор, но ни малейшего представления о месте драмы, об её подоплёке, о природе, на фоне которой она происходила. И в каменной иудейской пустыне, к примеру, возникают в поэме песчаные барханы. Поэту всё можно, но при чём тут Библия?

Есть, мне кажется, более глубокая причина, почему именно жертвоприношение Исаака стало темой поэмы. «...Мне просто нравилась сама история...», но судьба четырёх поколений семьи от Авраама до Иосифа изобилует не менее потрясающими историями. Не исключено, что на подсознательном уровне поэт сам себя ощущал жертвой. Среда отторгала его, как инородное тело, убивала его. В истории с жертвоприношением поэт отразил собственную судьбу. О чём бы ни писал поэт, он всегда пишет о себе.

Почти десять лет спустя Бродский написал «Сретение» – ново-заветную историю, посвящённую Анне Ахматовой. Вот что он сам сказал о ней в одном из интервью:

...Я также написал довольно неплохую вещь о Сретении. Знаете о таком празднике? Это о переходе от Старого Завета к Новому Завету. Это первое появление Христа в Библии, когда Мария приносит его в храм. А еще это о первой христианской смерти – святого Симеона. Мне кажется, хорошо получилось.

На 32-й день после обрезания, сорока дней от роду Мария и Иосиф по традиции принесли первенца в Храм, где их встретили

*...Святой Симеон и пророчица Анна.
И старец воспринял младенца из рук
Мариин; и три человека вокруг
младенца стояли...*

Три человека. А где же Иосиф? Он отсутствует в стихе. Уверен, по одной-единственной причине. Он тезка автора, поэтому стал бы очевидным побудительный мотив к написанию стиха – Иосиф и Анна, Бродский и Ахматова, которая пророчески предрекла «рыжему» карьеру.

Неразрывна связь новорожденного сына Божьего со Старым Заветом. *...И слава Израиля в нём* – говорит Симеон. И благодарный Господу за то, что сподобился увидеть лучезарного младенца, почтенный старец заканчивает своё существование во времени и уходит в небытие, *...по пространству, лишённому тверди.*

Вечные категории Времени и Пространства постоянно волнуют поэта. Наша жизнь всего лишь точка в Пространстве и мгновение во Времени. Когда в одном интервью была упомянута известная фраза Маркса, Бродский отреагировал: «Я её переделал на «небытие определяет сознание».

Для Бродского не столь важно, ветхозаветная история или евангельская, эллинская или римская. Всё это лишь фон для осознания, что есть Человек в этом бесконечном и вечном мире. Отвечая на вопрос о роли библейских сюжетов в поэзии, Бродский говорит:

...Самое неприятное во всём этом, когда человек пытается библейскому, в частности, евангельскому, сюжету навязать свою собственную драму. Т.е. нечто нарциссическое, эгоистическое в данном случае имеет место, да? Когда современный художник начинает выкручиваться, демонстрируя свою замечательную технику за счет этого сюжета, мне всегда неприятно. Тут вы сталкиваетесь с фактом, когда меньшее интерпретирует большее.

Может, Бродский себя и не имел в виду («мне всегда неприятно»), но поэт всегда поэт, и что бы он ни писал, он присутствует сам в любом сюжете. А уж Бродский, так в максимальной степени.

Бродский многократно подчёркивал, что не исповедует никакую религию, не принадлежит ни одной конфессии. Тем не менее в интервью постоянно возникали вопросы о его религиозных убеждениях.

Она: Каковы ваши религиозные убеждения?

Он: Религиозные убеждения каждого человека – это его сугубо личное дело.

Она: Именно поэтому я об этом и спросила...

Он: Именно поэтому я ничего рассказывать не стану.

В другом интервью на вопрос: вы человек религиозный, верующий? – Бродский отвечает: «Я не знаю. Иногда да, иногда нет.»

Далее он соглашается, что он человек не церковный, не православный и не католик. «Может быть, – продолжает любопытствовать интервьюер, – какой-то вариант протестанства?» Следует ответ:

...Кальвинизм. Но вообще о таких вещах может говорить только человек, в чём-то сильно убеждённый. Я ни в чём сильно не убежден. В протестантстве тоже много такого, что мне в сильной степени не нравится. Почему я говорю о кальвинизме, не особо даже и всерьёз, потому что согласно кальвинистской доктрине человек отвечает сам перед собой за всё. Т.е. он сам до известной степени свой Страшный Суд. У меня нет сил простить самого себя. И с другой стороны, тот, кто мог бы меня простить, не вызывает во мне особенной приязни или уважения.

Вот оно как – и убеждений сильных нет, и отвечать надо самому за всё, и всепрощение не вызывает приязни. Как это всё сочетается друг с другом? А дальше ещё больше:

...у меня нет ни философии, ни принципов, ни убеждений. У меня есть только нервы. Вот и всё. И... вот и всё. Я просто не в состоянии подробно излагать свои соображения и т. д. – я способен только реагировать. Я в некотором роде как собака, или лучше, как кот. Когда мне что-то нравится, я к этому принимаюсь и облизываюсь. Когда нет, то я немедленно... это самое... Главный орган чувств, которым я руководствуюсь, обоняние.

В другой раз на вопрос, можно ли сказать, что он стопроцентный безбожник, Бродский забыл, что он кот, и изложил своё кредо:

Я не верю в бесконечную силу разума, рационального начала. В рациональное я верю постольку, поскольку оно способно подвести меня к иррациональному. ...именно здесь вас ожидают откровения на стыке рационального и иррационального. Всё это вряд ли совмещается с какой-либо чёткой,

упорядоченной религиозной системой. Вообще я не сторонник религиозных ритуалов или формального богослужения. Я придерживаюсь представления о Боге как о носителе абсолютно случайной, ничем не обусловленной воли.

На вопрос, о чём бы он хотел поговорить с теми, кого считает своими учителями, Бродский сказал: *«Много о чём. Прежде всего, это вас может удивить, о своеволии и непредсказуемости Бога...»*

Противоречивы высказывания Бродского о Ветхом и Новом Завете. Это ему не в укор. Истина всегда парадоксальна. Заслуживают и внимания и уважения высказывания ищущего человека, пытающегося не принять на веру, а понять, в согласии или несогласии догматы веры находятся с тем Богом, которого он чувствует в себе самом.

...И начинаешь ощущать, что разнообразные формы религиозных доктрин (даже чрезвычайно тебе близкие) оказываются неудовлетворительными. Они не отражают твоего внутреннего метафизического ощущения. Это особенно часто происходит с поэтами. Я не знаю, происходит ли это со мной, но, видимо, и со мной тоже.

Эта неуверенность, сомнение в собственных оценках постоянно звучит практически во всех интервью, данных Бродским. «Я люблю доводить вещи до алогичного, до абсурдного конца», – признаётся он.

...Наверное, я христианин, но не в том смысле, что католик или православный. Я христианин, потому что я не варвар. Некоторые вещи в христианстве мне нравятся. Да, в сущности, многое.

Тут же на просьбу пояснить, что он имеет в виду, Бродский продолжает:

Мне нравится Ветхий Завет, ему я отдаю предпочтение, поскольку книга эта по своему духу более возвышенна

и... менее всепрощающа. Мне нравится в Ветхом Завете мысль о правосудии, не о конкретном правосудии, а о Божьем, и то, что там постоянно говорится о личной ответственности. Он отвергает все те оправдания, которые даёт людям Евангелие.

– Значит, – не унимается спрашивающий, – вам нравится сочетание правосудия из Ветхого Завета и сострадания и всепрощения из Нового?

В Евангелии мне нравится то, что развивает идеологию Ветхого Завета. Вот почему я написал стихотворение о переходном этапе между этими двумя книгами (имеется в виду «Сретение»). К примеру, мне нравится в Новом Завете замечание Христа, страдающего в саду, когда он говорит, что он делает то, о чём говорится в Писании.

В другом интервью о сосуществовании двух Заветов сказано ещё более определённо:

Люди на Западе не могут должным образом принять то, что в России христианство и иудаизм не настолько разделены. В России мы рассматриваем Новый Завет как развитие Старого. В каком-то смысле мы скорее изучаем оба Завета, а не поклоняемся им...

Кто это «мы», неужели весь российский народ? Бродский чуть помедлил, не погорячился ли он с этим «мы», и закончил:

...по крайней мере, я.

А вот просто заблуждение, приписывающее христианству то, что ему не принадлежит:

По сути, есть один критерий, который не отвергнет самый утончённый человек, вы должны относиться к себе подобным так, как вы бы хотели, чтобы они относились к вам. Это колоссальная мысль, данная нам христианством.

Эта мысль была высказана еврейским мудрецом Гилелем, когда странник попросил его объяснить суть иудаизма, пока тот будет стоять на одной ноге: «Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе».

На прямой вопрос о слухах, что Бродский обратился в христианство, он резко ответил: «Это абсолютно бредовая чушь!»

Трудно объяснить отношение Бродского к синагогам. В отличие от церкви у него было полное неприятие, даже отторжение синагоги как места, где он может появиться.

Я был в синагоге только один раз, когда с группой приятелей зашёл туда по пьяному делу, потому что она оказалась рядом. Любопытства ради... Особого впечатления это на меня не произвело.

Об этом посещении вспоминает в книге о Бродском бывшая в этой группе приятелей Людмила Штерн. Иосиф кипел по поводу условностей. Мужчин заставили надеть на головы завязанные на концах узелками носовые платки, затем девушек не пустили в основной зал, а попросили подняться наверх. Службы не было, смотреть и слушать было нечего, и минут через десять они ушли.

Далее Людмила вспоминает, что её муж уже в Америке стал ортодоксальным евреем и несколько раз звал Иосифа пойти с ним на службу хотя бы в Йом-Кипур, Судный день, день искупления грехов и Высшего суда, когда многие, даже нерелигиозные евреи приходят в синагогу послушать Кол Нидрей – еврейскую молитву всепрощения.

«Бродский, – пишет Людмила, – пожимал плечами и говорил, что ему неинтересно и не надо: «Я, Витя, со своим ощущением Божественного ближе к Богу, чем любой ортодокс».

Удивительна и другая история, рассказанная Людмилой Штерн, которая позволяет говорить об отторжении. Весной 1995 года Людмила уговорила Бродского поехать с выступлениями по Америке. В некоторых городах были арендованы залы в синагогах. Многие синагоги в Америке сдают свои залы для светских мероприятий. Увидев список снятых залов, Бродский резко

сказал: «Никаких синагог, пожалуйста. В синагогах я выступать не буду». Уговорить его не удалось. Устроители потеряли довольно много денег.

Загадочным (это определение Людмилы Штерн, знавшей Бродского с молодых ногтей) было и отношение Бродского к Израилю. Его не единожды приглашал Иерусалимский университет для чтения лекций и выступлений с вечерами. Ему предлагалось турне по шести израильским городам на великолепных условиях. Он даже не желал это обсуждать, каждый раз просто отшучиваясь.

Понимаю, что не всё можно объяснить, но не исключено, что Бродский даже в малейшей степени не хотел, боялся, что его присутствие в синагоге, даже не на службе, а на встрече с читателями, или, тем более, в Израиле, даст повод говорить о его личности, о его еврействе. Ему важно было оставаться человеком мира. Даже близкие друзья не могли его уговорить, что быть евреем и быть человеком мира – совсем не взаимоисключающие понятия.

– Какое значение для вас имеет факт, что вы еврей? Идентифицируетесь ли вы каким-то образом с этим наследством, с этой традицией? – спрашивают Бродского, и он отвечает:

– Я абсолютный, стопроцентный еврей, т. е. на мой взгляд, быть больше евреем, чем я, нельзя. И мать, и отец, и т. д., и т. д. ...Я думаю, что человек должен спрашивать самого себя прежде всего о том, честен ли он, смел, не лгун ли он – да? И только потом определять себя в категориях расы, национальности, принадлежности к той или иной вере.

Если уж говорить, еврей я или не еврей, думаю, что, быть может, я даже в большей степени еврей, чем те, кто соблюдает все обряды. Я считаю, что взял из иудаизма – впрочем, не столько считаю, сколько это просто существует во мне каким-то естественным образом – представление о Всемогущем как существе совершенно своеобразном. Бог – своеобразное существо в том смысле, что с ним нельзя вступать ни в какие практические отношения, ни в какие сделки.

В одном интервью стопроцентный еврей, а в другом:

...Я, в сущности, до конца не осознавал себя евреем. ...

Если вы живете в контексте тотального атеизма, не столь

уж важно, кто вы – еврей, христианин или не знаю, кто ещё. В каком-то смысле мне это помогало забыть свои исторические и этнические корни...

Следующее интервью, и опять возвращение к своей стопроцентности:

...С течением лет я чувствую себя куда большим евреем, чем те люди, которые уезжают в Израиль или ходят в синагоги. Происходит это оттого, что у меня очень развито чувство высшей справедливости. И то, чем я занимаюсь по профессии, есть своего рода акт проверки, но только на бумаге.

Стихи очень часто уводят туда, где ты не предполагал оказаться. Так что в этом смысле моя причастность... не столько, может быть, к этносу, сколько к его духовному субпродукту, если хотите, поскольку то, что касается идеи высшей справедливости в иудаизме, довольно крепко привязано к тому, чем я занимаюсь. Более того, природа этого ремесла в каком-то смысле делает тебя евреем, еврейство становится следствием.

Все поэты по большому счёту находятся в позиции изоляции в своём обществе.

Тут Бродского и спросили, как он относится к строчке Цветаевой «Все поэты – жида...»

...Именно поэтому она так сказала. Ремесло обязывает. Или ты просто плохой ремесленник. ...Их ситуации не позавидуешь. Они изгнанники. Они не нужны. Отчуждённые... Русская литература изрядно проперчена еврейским присутствием. Как минимум пятьдесят процентов из тех, кто в этом веке считал себя поэтом, были евреями.

...Говоря коротко, это происходит оттого, что мы народ Книги. У нас это, так сказать, генетически. На вопрос о том, почему евреи такие умные, я всегда говорил: это потому, что у них в генах заложено читать справа налево.

А когда ты вырастаешь и оказываешься в обществе, где читают слева направо... И вот каждый раз, когда ты читаешь, ты подсознательно пытаешься вывернуть строку наизнанку и проверить, всё ли там верно.

Как это блестяще, ёмко и исчерпывающе подмечено! Но вот новое интервью, и на вопрос о самоидентификации Бродский отвечает несколько иначе:

Я... всегда старался, возможно, самонадеянно, определить себя жёстче, чем то допускают понятия «раса» или «национальность». Говоря иначе, из меня плохой еврей. Надеюсь, что и плохой русский. Вряд ли я хороший американец. Самое большее, что я могу о себе сказать: я есть я, я писатель.

Я есть Я! Вам это ничего не напоминает?

Откуда этот клубок противоречий и парадоксов, самоуверенности и сомнений, глубочайших мыслей и непонятных глупостей, широких знаний и не менее широких незнаний – и всё это по имени Иосиф Бродский? Самый простой ответ – таким мама родила. Каким же?

В четыре года мать научила его читать. Казалось бы, замечательный имышлёный мальчик. Но в школе возникли серьёзные проблемы.

...Из всех эмоций, переполнявших меня, – вспоминает Бродский, – я помню только отвращение к себе за то, что я слишком молод и многому позволяю управлять собой.

Мальчика заставляли делать то, что было для него совершенно чужеродным, что он просто не мог воспринимать. Физика и химия явились непреодолимыми препятствиями. Детский протест выражался плохим поведением. «...Меня в пятом или шестом классе несколько раз пытались исключить из школы за поведение». Когда он остался в седьмом классе на второй год, его перевели в другую школу.

В общем, я учился в семи или шести школах до восьмого класса, из которого я просто сбежал, во-первых, потому что мне всё это уже осточертело, а во-вторых, в семье не очень благополучно было с деньгами, даже крайне неблагоприятно: мать работала, отец работал, и этого едва хватало.

И я пошел на завод, когда мне было пятнадцать лет, и стал работать фрезеровщиком. Сначала был три месяца учеником, потом получил разряд и работал около года. После этого начались другие пассажи: я поступил работать в морг, потому что у меня была такая амбиция – стать нейрохирургом. После начал ездить в геологические экспедиции, чтобы путешествовать. Несколько лет так прошло, а после этого, я уже не помню, работал фотографом, кочегаром, матросом., смотрителем маяка.

Стоп. Вполне достаточно, чтобы заключить – мальчик, а затем и юноша не совсем адекватен окружающей среде. Психика остаётся самой неизученной областью медицины, и неискушённые в медицине люди ставят собственный диагноз – «не от мира сего». После возвращения из ссылки в 1965 году Бродского, который генетически не мог приобщиться к коллективному сознанию, дважды помещают в психиатрическую больницу. Он вспоминает:

Это было самое ужасное из того, что мне довелось пережить. Действительно, ничего нет хуже. Они добиваются многого – публичного покаяния, перемены в поведении. Они вытаскивают тебя среди ночи из постели, заворачивают в простыню и погружают в холодную воду. Они пичкают тебя инъекциями, используя всевозможные подтачивающие здоровье средства.

– Вы ненавидели людей, которые проделывали с вами такое? – спрашивают его.

Не то чтобы. Я знал, что они хозяева, а я это просто я. Люди, которые делают скверные вещи, заслуживают жа-

лости. Понимаете, я был молодым и довольно легкомысленным. В то время у меня был первый и последний в моей жизни серьёзный треугольник. Обычное дело, двое мужчин и женщина, и потому голова моя была занята главным образом этим. То, что происходит в голове, беспокоит гораздо больше, чем то, что происходит с телом.

Не ненависть к мучителям, а жалость, как у того, который всех простил, «ибо не ведают, что творят». Правда, это Бродский говорит уже в Америке, где он, наконец, обрёл право быть личностью, где он, по его признанию, жил, ещё находясь в Советском Союзе.

Поэт Бродский сказал про себя:

У тебя, что касается тебя самого, есть только две вещи: твоя жизнь и твоя поэзия. Из этих двух приходится выбирать. Что-то одно ты делаешь серьёзно, а в другом ты только делаешь вид, что работаешь серьёзно. Нельзя с успехом выступать одновременно в двух шоу. В одном из них приходится халтурить. Я предпочитаю халтурить в жизни.

Улыбнёмся самоиронии поэта по поводу халтуры в жизни. Но жизнь это жизнь, а поэзия – божество, которое нашло в Иосифе Бродском своего ярчайшего проповедника.

Август 2014 года

ЧИТАЯ БИБЛИЮ

Сколько раз с самого раннего детства мне приходилось слышать, что Библия – это фантазия малограмотных древних людей, и её содержание не выдерживает никакой научной критики. Помню, как высмеивалась абсурдность Первого дня Творения. «Да будет свет!» Откуда? Тьма над бездною. Нет ни звёзд, ни планет. Нет ничего, а из ничего ничего не бывает. Вера в Бога – это же опиум народа. Не было никакого Творца. Были эволюции и революции, и обезьяны, начав трудиться, стали людьми.

У меня не было сомнений, что всё так и есть, но со временем пришло понимание, что надо читать первоисточники и не спешить следовать комментариям к ним. И вот уже в солидном возрасте я решил, наконец, прочитать Книгу книг – Библию. Она произвела на меня такое впечатление, что это завершилось книгой «Библейских поэм», от Сотворения мира за шесть дней до открытия Первого храма царём Соломоном. Удивительные образы и не менее удивительная мудрость изумляли меня на каждом шагу. Библия уникальна и помогает нам, как мне представляется, понять и мир, и самих себя.

Уже первые строки о Бездне тьмы и Духе над бездной, давших начало Творению, сегодня не звучат абсурдом, а заставляют задуматься. В наше время физики-теоретики начинают рассуждать о том, что абсолютный вакуум должен обладать энергией и может порождать частицы. А частицы и волны различимы только в эксперименте. Вне эксперимента свет нельзя назвать ни волной, ни частицей. Почему же не представить себе отправной точкой, началом Вселенной Бездну тьмы, Пустоту пустот, которая «вздрогнула», и возникли волны-частицы. До этого момента отсутствова-

ло Время. В абсолютной пустоте оно не течёт. И слова «Да будет свет!» означают, что в то мгновение возникло Время. Именно так можно понять Первый день Творения. Такое толкование так мне понравилось, что я зарифмовал его в четырёх строчках:

*Настал великий миг Творенья,
Тот первый миг. Да будет свет!
Возникло Время в то мгновенье
И потекло до наших лет.*

Бездна тьмы – Абсолютная пустота, а Дух, который витал над бездною – не та ли это энергия, давшая начало всему сначала неживому, а потом живому?

Самонадеянно и даже смешно утверждать, что так оно и было. Но если такая интерпретация имеет право на существование, то кто подсказал «малограмотным древним людям», что Творение началось с возникновения света? Голос с горы Синай? Доведись нам, и мы бы использовали ясные на любом уровне развития человека понятия света и тьмы, чтобы исключить нечто несуразное про волны-частицы. Так что, может, прав Экклезиаст: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться. И нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто такое, о чём говорят: «Смотри, это новое!» А оно уже было в веках, что были до нас». Не наивны ли наши претензии на исключительность?

А вызывающий бесконечные споры Шестой день Творения, закончившийся созданием Человека. Дарвиновская теория происхождения видов не получила научного подтверждения, несмотря на то, что перерыта уйма земли в поисках останков, способных доказать плавность перехода одного вида в другой. Более того, археологические раскопки обнаружили, что каждый новый вид появлялся внезапно, скачком, и эволюция затем происходила только внутри каждого вида, не затрагивая его принципиальных отличительных особенностей. Кроме дарвиновской, существуют и другие вполне разумные гипотезы о происхождении Человека на Земле. Отсутствие точного знания всегда открывает возможности для игры воображения.

Поэтому, возвращаясь к Библии, почему бы не представить себе, что в «воде, отделённой от суши», оказалось достаточно неведомой нам пока энергии Духа, чтобы появились сначала водоросли, потом почва и земная растительность. Затем Мировой океан «вскипел» различной морской живностью и рыбами. Началось накопление и преобразование «живой» энергии, которая при достижении определённых уровней порождала следующие друг за другом «кванты» жизни. Ими стали последовательно амфибии, рептилии, птицы, млекопитающие и, наконец, Человек. Почему физика может быть квантовой, а биология нет?

Эта игра воображения исключает как Создателя, который лепит Человека из глины и вдвухает в него душу, так и наше происхождение от обезьян, невзирая на то, что они человекообразные. В то же время такое развитие событий удивительным образом совпадает с картиной Сотворения мира, изложенной на первых страницах Библии. Ещё раз подчеркну, что это не научный взгляд, а игра воображения, и автор на большее не претендует. Просто ему представляется, что квантовый переход от одного вида к другому более реален, чем дарвиновская теория непрерывного развития.

С иронией относясь к своему толкованию, я написал строчки:

*Конечно, мы не дураки,
На умные способны строки.
Но тайны мира глубоки,
А толкованья неглубоки.*

Глубоки – не глубоки, как бы то ни было, есть над чем поразмыслить. Как сказал один остроумный философ, человек отличается от свиньи тем, что иногда поднимает голову и смотрит на звёзды.

С желанием понять, о чём хотел сказать Автор с большой буквы, я отношусь ко всему, написанному в Библии.

Общеизвестна история Каина и Авеля. Но кто обратил внимание на слова Бога в ответ на отказ Каина пойти и покаяться в совершённом преступлении из-за страха, что его убьют за убий-

ство брата? А Бог сказал потрясающие по глубине и смыслу слова: «Проклят тот, кто убил брата Авеля, но семижды будет проклят тот, кто отомстит за это Каину». Семижды! Не под этим ли постоянно усемиряющимся проклятием мы живём до сих пор, толком не понимая, кто, кому и за что мстит?

А как поучительна история Иосифа и его братьев, сыновей Якова, родоначальников будущих колен израилевых. Иосиф, любимчик отца, умный и хитрый, доносчик и ябеда, настолько «достал» своих братьев, что они, едва не убив его, продали в египетское рабство. А в итоге эта преступная семейная разборка привела к тому, что всё многочисленное семейство Якова осталось живо и дало начало Народу. Одно зло, столкнувшись с другим, породило добро. Так, может быть, мир не двумерный и плоский, в котором существуют только два измерения – зло и добро, а трёхмерный и объёмный, в котором одно зло противостоит другому, и сталкиваясь, как частица и античастица, они порождают свет добра? Не свидетельствует ли Библия о том, что в нашей человеческой истории «...шествуют добро и зло, друг в друга превращаясь»?

Все библейские истории поучительны, но история исхода из Египта во главе с Моисеем занимает особое место. Она заставляет задуматься о таких ключевых понятиях в человеческой жизни, как Вера и Свобода.

У Моисея и в мыслях не было 40 лет ходить с народом по пустыне. Через пару месяцев они были у горы Синай. На год задержались там, каясь за Золотого Тельца и укрепляясь в истинной вере, а к концу второго года подошли к реке Иордан, за которой лежала Земля обетованная. Тут Моисей решил, не полагаясь на Бога, проверить, что там делается на земле Авраама и Ицхака почти через 500 лет после того, как Яков с сыновьями ушёл в Египет. И он посылает 12 лазутчиков, по одному от каждого колена, разведать и доложить.

Через 40 дней лазутчики вернулись и доложили о серьёзной силе, с которой придётся столкнуться. Народ перепугался, а Бог разгневался. Неверие в Него – нет большего греха! Он грозит всех уничтожить, но Моисей возражает Богу, призывает не забывать о своих обещаниях. И Бог сменил гнев на милость. Вместо смерт-

ной казни Он наказывает народ сорокалетним (один год за один день разведки) скитанием по пустыне. Моисей же наказан тем, что через 40 лет, вернувшись с народом к Иордану, не перейдёт через него и приобщится к праотцам.

Выходит, решение Бога может быть оспоренным. Праотец Авраам не смел перечить воле Бога и был готов в знак верности убить собственного сына.

*...Готовы ль мы пожертвовать во Имя
Детьми едиnorodными своими,
Желает знать на будущее Бог.*

Через полтысячелетия (не меняется ли Бог вместе с нами?) Моисей дерзнул возразить Богу, и Бог прислушивается и меняет решение. С именем Авраама, первого Иври, связано богоискательство, завершившееся верой в единого Бога. Моисей позволяет себе богоборчество, и это уже совсем другой уровень отношений с Богом, другая степень свободы человека, исключая слепую веру и беспрекословное подчинение.

*Не ведал он о свете том,
Но жизнь земная означала
Богоискательство сначала
И Богоборчество потом.*

В библейских историях много жестокости и крови. Очень просто списать их на ещё неизжитую дикость наших далёких предков. А мы далеко ли ушли? Только наша ещё неизжитая дикость страшнее, поскольку у нас в руках не меч, а ядерное оружие. В замысле это Божьем или вопреки ему? Если вопреки, то какой же Он всемогущий Бог?

Эти вопросы не имеют ответов. Но как не призадуматься над словами Бога, который после одной из казней египетских говорит Моисею, что мог бы уничтожить всех египтян, но не смерть их нужна Ему, а страх перед Ним. Не от Бога ли мы унаследовали желание держать в страхе себе подобных!?

Жестокой и кровавой была история возвращения в Землю обетованную. Жестокой и кровавой была вся последующая история – и библейская, и общечеловеческая. Помнить об этом надо. Однако не следует к слову «справедливость» присовокуплять определение «историческая». Это ведёт к непрекращающимся человеческим трагедиям, о чём и предупредил нас Бог в истории с Каином и Авелем.

Ставший во главе Народа после смерти Моисея Йеошуа Навин поделил завоёванную землю между коленами. Каждое колено возглавил Судья, и последующие несколько сот лет получили в Библии название Время Судей. Разделение привело и к многочисленным поражениям от враждебных соседей, и к постоянным междоусобным стычкам. Пророку Самуилу Бог дал понимание того, что жизненно необходимо всем коленам объединиться под началом одного царя. Следующая часть Библии – Книга царств. Саул, Давид, Соломон. Великие имена, сотворившие историю. Бесстрашные, умные, а Соломона иначе не величают, чем Мудрый. Но в то же самое время сколько подлости и коварства, жестокости и беспощадности. Брат убивает брата, отец убивает сына, враг уничтожается под корень вместе с женщинами, стариками и детьми.

*История свой путь по бездорожью
Торит, одолевая бурелом.
Замешаны в ней круто правда с ложью,
Вражда с любовью и добро со злом.*

*И в этом нет ни Божьего коварства,
Ни нашей человеческой вины.
Рождались царства. Умирали царства.
И мир не обходился без войны.*

Первым царём становится Саул, и объединённый Израиль обретает былую силу. В победной битве с филистимлянами отличается юный Давид, сразивший Голиафа. Верой и правдой Давид служит Саулу, но пророк Самуил извещает, что Бог разгневан

на Саула за непослушание и предсказывает, что следующим царём будет Давид. Начинается долгая и изнурительная, не на жизнь, а на смерть, борьба за царский трон. Давид вынужден бежать в филистимский городок Геф. Саул и его старший сын Йонатан, друг Давида, погибают в очередной битве.

Израиль раскололся. Иудея провозгласила царём Давида, а царём остального Израиля стал сын Саула Ишбошет. Разразилась гражданская война, кровавая, дикая, безумная. «О Господи, прости безумных нас», – взывает Давид на похоронах Ишбошета. И снова один народ, одна страна и один царь.

Давид основал новый столичный город Ир-Давид (город Давида), нынешний Ирушалаим (город мира), перенёс туда Ковчег Завета. Царство расширялось и крепло. Решив, что Ковчегу негде храниться в шатре в то время, как он сам живёт в роскошном дворце, Давид решает построить Первый храм. Есть и скрытая подоплёка. Зная, что грешен, Давид хочет умастить Бога и заслужить прощение. Однако пророк Натан передаёт царю, что Бог не прощает ему прелюбодеяния, и храм будет строить его преемник.

У Давида много сыновей от разных жён. Кто унаследует трон? Первенец и любимец отца Амнон погибает от руки другого сына Авишалом. Последний сбегает, спасаясь от мести отца, но через несколько лет, прощённый, возвращается во дворец. Он надеется унаследовать трон, но у отца новый любимчик – Соломон, сын Батшевы, первого мужа которой Давид подло отправил на верную смерть. Авишалом восстает на отца. Давид вынужден бежать из Ирушалаима. Он собирает войско и в открытом бою побеждает воинов Авишалом. Давид рад победе и плачет по убитому сыну.

Давид дожил до глубокой старости, но не спешил назвать преемника. Видя, что отец вот-вот покинет мир, старший из оставшихся сыновей, Адония, уже ведёт себя, как будущий царь. Однако пророк Натан и Батшева напоминают Давиду об обязанности помазать в цари Соломона, наделённого от Бога умом и мудростью. Став царём, Соломон находит повод, чтобы убить Адонию. Царство при Соломоне становится ещё более сильным

и процветающим. По воле Божьей и наказу отца Соломон строит Первый храм, куда торжественно переносят Ковчег. На открытии храма царь произносит речь, обращённую к Богу, которая заканчивается строчками:

*Сколько бы ни пришлось нам испытать дорог,
Не дай позабыть одну, ведущую в этот храм.*

Это история. Можно восклицать «О, времена! О, нравы!», можно ужасаться дикой жестокости и рекам крови, можно восхищаться псалмами Давида и «Песнями песней» Соломона. А разве что-то иное было в другие времена? Герои другие, страны другие, а суть та же самая. «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться». Человек – дитя Природы и должен жить и выживать по её суровым законам. От этого нам никуда не деться, но только ли Природой определяется человеческое существование? Где в ней место Богу? Та Энергия Пустоты пустот, определённая как Дух, она и есть Божественное начало? Но с кем тогда разговаривали библейские герои и пророки? Они слышали Голос во время медитации или во сне? Это был массовый гипноз или инопланетные гости на горе Синай? А может, Моисей, гений и пророк, придумал это, поскольку понимал, что только вера и страх перед неведомой силой, как ничто другое, сплачивает народ?

Вопросы, вопросы... Вот что пишет Экклезиаст:

«Познал я ту заботу, которую задал Бог сынам человеческим, чтобы они мучались ею. Всё сотворил Он прекрасным в своё время. И ещё вложил в сердце человека вечность, но при том, что не постигнет человек дела, которое сотворил Бог, от начала до конца».

Прав Экклезиаст, мучаемся и никогда не сможем постичь до конца.

*Звёзд на небе число несметное.
С безграничностью в паре вечное.*

*Как понять может вечность смертное?
Безграничность постичь конечное?*

Смертное и конечное не может, как заметил Козьма Прутков, объять необъятное.

*Я крепче становлюсь в неверии,
Что одолеет всё наука,
Когда на берегу Материи
Стою у океана Духа.*

Не одолеет всё наука, но в стремлении постичь новые глубины и новые высоты её не остановишь.

*Высоты высот и глубины глубин
Не может постичь человек ни один.
Но как они манят, красоты красот
В глубинах глубин и в высотах высот!*

«Всё сотворил Он...» Если так, то Он и есть тот самый Дух, Энергия Пустоты пустот. Но тогда справедливы строчки:

*Бог не имеет рода и лица,
Числа и формы, веса и размера.
Нет у него начала и конца,
Он всё и ничего. Он только вера.*

*Не господин, не царь и не кумир,
Нет у него ни зрения, ни слуха.
Для нас, на миг пришедших в этот мир,
Он нечто из другого мира Духа.*

Нам не дано определить Его...

Не случайно на иврите Бога зовут Ха-Шем, Ха – определённый артикль, Шем – Имя.

*Горжусь я предками своими
И поражаюсь их уму –
Нет слова Бог, есть только Имя,
Неведомое никому.*

Мы не то что Бога, сами себя постичь не в состоянии. Не потому ли, что внутри себя мы не менее бесконечны, чем Вселенная?

*Постичь бы голова хотела
Непостижимый космос тела.
Он рядом вроде, а на практике
Ничуть не ближе, чем галактики.*

Если мы не марионетки какой-то неведомой силы (хотелось бы в это верить) и отпущены в самостоятельное плавание, то в силу наших амбиций и самоощущения мы начинаем чувствовать Бога внутри себя. Кстати, разве мы не состоим из элементарных частиц, возникших при Сотворении и соединившихся в атомы и молекулы?

А что в промежутках? Не та ли первозданная Пустота, давшая всему Начало? А вместе с ней первозданная Энергия, Дух, Бог? Вот где наша душа, наш Дух – в пустоте, которой в нас больше, чем материи. Так или не так, но ощущение Бога или Духа очень помогает в жизни. Даже когда ты остаёшься наедине с собой, ты не чувствуешь одиночества. Это ощущение увеличивает силы, вселяет уверенность, и можно только радоваться тому, что это ощущение есть.

*Бог проживает у меня
не на правах соседа.
Где Он, где я, мне разделить
пока не по уму.
Вот Он умчался в небеса,
и с Ним у нас беседа,
Вот возвращается ко мне,
и где Он, не пойму.*

Повторю строку «...Нам не дано определить Его», но мы не были бы homo sapiens, если бы не пытались постоянно это делать, не пытались бы понять, как устроен мир, в котором нам выпало жить.

*Постичь удастся вряд ли Бога.
Он наше вечное наитие.
Но всякий раз сулит открытие
К непостижимому дорога.*

Обычно понятие Бога неразрывно связывают с религией. Однако все предыдущие рассуждения о Боге или Духе не то, что не религиозные, но даже не идеалистические. Что может быть материальнее Энергии Абсолютной Пустоты, давшей начало всему живому и неживому! Вера и Знания идут рядышком и бессмысленны друг без друга.

*Вера без знания глуха и незряча,
Знание без веры незряче и глухо.
Только совместно они, не иначе,
Могут проникнуть в явления Духа.*

Религий много. Каждая из них претендует на истину. Но меняемся мы, меняются наши представления о мире и о Боге.

*Религий прокрустово ложе
Тебя не вмещает, о Боже!*

Религиозное представление о том, что Бог создал Человека по подобию своему, ни в коем случае не означает внешнего сходства. Это скорее означает присущий и тому и другому (если позволено так называть Бога, пронизывающего всё) клубок противоречий, парадоксальных свойств, определяющих наше Бытие. Мы пытаемся понять эти свойства, принять их и не доводить до конфликта со смертельным исходом.

В Шестой день Творения Бог создал не только нашего далёкого предка Адама, но каждого из нас.

*...В живучесть добрых помыслов не веря,
Он наделил меня коварством зверя.
Увидев в непорочности непрочность,
Он в генах закодировал порочность.
Коварство и порочность сохраняя,
Он в женском виде повторил меня.
И, недоступный мерам и весам,
Бесплотный Дух в меня вселился сам.*

Религиозная этика отделяет Природу от Благодати. В Природе каждый сам за себя – человек, племя, народ. Единство во имя борьбы и борьба во имя единства. Слабый погибает или живёт по правилам сильного. Конечно же, слабые могут объединиться, устроить революцию и стать сильными, а бывшие сильные превратиться в слабых. Однако суть при этом не меняется. А Благодать – это нечто противоположное, когда сильный любит слабого, как себя самого, когда понятие врага отсутствует и все люди братья, когда «униженный да возвысится».

Много мудрого и поучительного содержится в уроках Библии. Но хорошие ли мы ученики? Как остроумно замечено, история учит, что история ничему не учит.

*Как много слов звучит умно,
Красиво и возвышенно.
Всё сказано давным-давно,
Да только кем услышано?*

Долго, полон кошмаров и свершений путь Человека из Природы в Благодать. Убивать людей в немалых количествах продолжают и продолжают. Потому что убить врага до сих пор не означает убить человека.

*Уже по плечу нам и нано, и тера.
Уже по уму нам Вселенская сфера.*

*Но вырваться нам не по силам из круга,
В котором убить мы готовы друг друга.*

Широко известна фраза Достоевского «Красота спасёт мир». Хотелось бы думать, что так оно и будет. Но реальность не позволяет быть в этом уверенным.

*Возлюби – нас молили с креста.
В Благодать нас влекли из Природы.
Может, мир и спасёт красота,
Но скорее погубят уроды.*

Возлюби! Возлюбили? Увы, история распятого на кресте и последующие за этим две тысячи лет свидетельствуют, что пока нет.

*Не по любви все люди братья,
Их ненависть теснее сплавивает.
Раскинешь руки для объятия,
И тут же гвозди в них вколачивают.*

Об этом же и другие мои грустные строчки:

*Был Божий замысел хорош,
Но что за дьявольская метка –
Друг друга любим очень редко,
Друг друга ненавидим сплошь.*

Справедливо, как это ни прискорбно, и другое наблюдение, не прибавляющее оптимизма.

*Гляжу на того, кто безгрешен –
Он набожный, добрый и скромный.
Но вновь нечестивый успешен
И власти достиг вероломный.*

По-прежнему Природа довлеет над Благодатью, но Человек в пути, и да осилит он дорогу.

*...И пусть заносит нас по временам,
Что Бога нет, конец всему – могила,
От **Мудрости** **Любовь** приходит к нам,
От **Пониманья** возникает **Сила**.*

***Любовь** и **Сила** – их союз велик,
Он пробуждает творческие муки,
И **Красоты** богоподобный лик
Являют нам искусства и науки.*

***Любовь** и **Сила** вместе с **Красотой** –
И нет в помине всех людских пороков.
В обители **Великолепной** той
Есть только **Вечность**, нет иных в ней сроков.*

*В Божественное верить надлежит,
Иначе горе мыкать в укоризне.
Всё это в **Основании** лежит
Реальности сиюминутной жизни.*

Выделенное жирным курсивом – это не случайный набор слов. Ими определяются последовательные уровни Мироздания, возникшие из Ничего, из Пустоты пустот. Так выражает всеобъемлющую Божественную сущность мистическое течение в иудаизме под названием Каббала.

Обитель без людских пороков. Не наивно ли даже думать об этом? Ошибки, разочарования. Снова ошибки и снова разочарования. Но нет иного пути к совершенству. Идти по этому пути наше предназначение и смысл жизни. Взлёты человеческого духа вселяют надежду.

*Жизнь – это времени волна
От поколенья к поколенью.*

*С приходом старости она
Нам равной кажется мгновенью.*

*Дожив до благостных седин,
Мы в прошлое уходим взглядом,
И вся любовь, как миг один,
И все свершенья будто рядом.*

*Сольётся множество дорог
В единый путь, простой и ясный,
Туда, где обитает Бог
И жизнь не делает напрасной.*

Закончить рассуждения о Боге и Человеке хочу простой
мыслью:

*Не надо делать так уж много,
Чтоб в жизни обрести себя.
Молись, как если всё от Бога.
Трудись, как если от тебя.*

Декабрь 2013 года

СЛУГА ДВУХ МЧЗ

*П*од таким заголовком журнал «Время и Место» опубликовал моё интервью с учёным и писателем, доктором наук, профессором Юрием Борисовичем Окуневым.

Юрий Солодкин. Юра, давай с самого начала признаемся, что мы друзья и давно знаем друг друга. Поэтому я не стану традиционно просить, расскажи, пожалуйста, о себе, а сам скажу о тебе несколько слов.

Во-первых, ты известный учёный в области систем связи, а это то, без чего невозможны ни спутники, ни Интернет с Google и E-mail, ни мобильные телефоны и смартфоны. Как учёный ты не просто состоялся в Америке, но твои научные результаты получили мировое признание. Во-вторых, ты талантливый писатель, очеркист, публицист. Недавно в Санкт-Петербурге вышел твой роман «*В немилости у природы*».

Эти две стороны твоего таланта дают мне право обратиться к тебе с просьбой. Расскажи для начала по-писательски, так, чтобы было понятно читателям, не сведущим в твоей науке, что тебе удалось в ней сделать.

Юрий Окунев. Ты, мой друг, сразу же поставил почти непосильную задачу – «рассказать по-писательски» о том, что удалось сделать в науке, но попробую.

Перед отъездом из Союза я был генеральным директором одного из первых российских частных предприятий в области радиоэлектроники и руководителем крупной научно-исследовательской лаборатории. Это была замечательная в творческом плане лаборатория, и два её достижения получили мировое признание.

Первое. Мы разработали аппаратуру передачи данных по каналам дальней радиосвязи, превзошедшую по пропускной способности всё, что на то время было в мире. Она стала основой многих систем военной и коммерческой связи Советского Союза. Но главное – использованный в той аппаратуре метод формирования сигнала (переносчика информации) в своей эволюции привёл к технологии LTE (Long Term Evolution). Эти буквы обозначены на дисплее большинства мобильных телефонов, смартфонов и т. п., что в руках сотен миллионов людей на планете.

Второе. Мы придумали новый вид модуляции сигнала. «По-писательски» это, к сожалению, объяснить не удаётся. Могли лишь сказать, что без него не обходится ни одна радиостанция ни на российских сверхзвуковых самолётах, ни на многих ракетах и космических летательных аппаратах. Итогом была моя монография *«Теория фазоразностной модуляции»*.

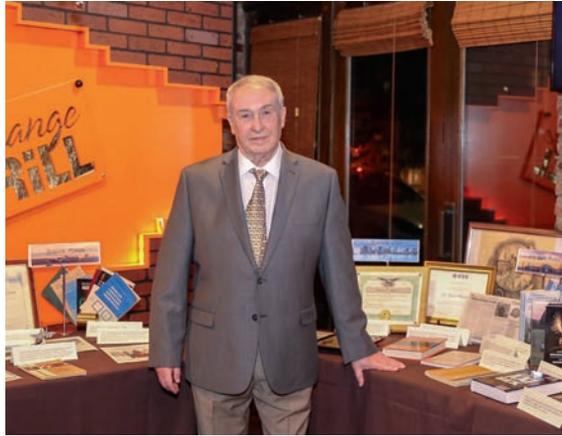
Ю.С.: Тут позволь ненадолго прервать тебя. Давай я попробую «по-писательски». И радиоволна, и лазерный луч, которые используются для передачи информации, это известная всем со школьных лет синусоида. Эту синусоиду изменяют, модулируют звуковым или видеосигналом. После приёма такой модулированной волны осуществляется обратный процесс, демодуляция, и мы слышим речь, видим изображение или получаем текст, если передаются буквы или цифры. Очень важно найти оптимальный способ модуляции, чем ты и занимался. Отсюда твоя фазоразностная модуляция.

Ю.О.: Я бы только добавил, что в современных системах связи звуковой, видео и все прочие сигналы представлены в форме стандартного цифрового потока, который и модулирует радиоволну.

Ю.С.: Юра, прости, но я опять усомнюсь, что слова «стандартный цифровой поток» понятны широкому читателю. А речь идёт о том, что аналоговый, непрерывный сигнал, например, речь или изображение, преобразуется в дискретный набор значений. Это и есть цифровой поток. Вот зачем это делается, объяснять не будем. Успокоимся на том, что без этого современные системы связи, да, собственно, и вся современная техника, не существуют.

Ю.О.: Спасибо, Юра. Теперь читателям, возможно, станет более ясно, чем я занимаюсь в науке, хотя не уверен, что это им нужно.

*Юрий Окунев
и его научные
и литературные
труды*

Ю.С.: Не скажи. Читатели у нас образованные и любознательные, и не грех без научной терминологии пояснить им, чем ты занимался.

Но я тебя прервал. Что было дальше?

Ю.О.: В Америке я поначалу продолжил научную работу в Bell Labs, получил первый американский патент и опубликовал первую свою американскую статью в журнале «IEEE Communications». Нам с моим коллегой из Сербии Гораном Джукничем удалось разработать новую концепцию мобильной связи, основанную на использовании высоколетящих воздухоплавательных платформ. Эта область радиосвязи сейчас интенсивно развивается, и по индексу цитируемости наша с Гораном статья опережает все мои прежние технические публикации.

С конца 1990-х годов, после опыта работы в Bell Labs, меня стали признавать в американской профессиональной среде. Мне довелось работать в должности старшего научного сотрудника в известных американских фирмах. Маховик иммигрантского вывоза начинал раскручивать скрытые возможности личности.

В те годы я написал на английском и издал монографию и получил более тридцати патентов на изобретения, участвовал в разработках на острие новейших технологий: новое поколение компьютерных модемов, высокоскоростные системы передачи

данных в сети Интернета, первые мобильные системы радиосвязи в локальных цифровых сетях – сегодня все знают WiFi, системы идентификации объектов с помощью радиоизлучений – всем известный EZ Pass.

Особенно дорог мне вот какой недавний результат – разработка первого акустического микропередатчика, заключенного в обычной таблетке, для передачи изображений из желудочно-кишечного тракта человека. Это радикальное облегчение диагностики соответствующих заболеваний.

Вот примерно всё, если рассказывать вкратце.

Ю.С.: Мне ещё очень нравится твой рассказ о выступлении на одном научном совещании. Поделись с читателями.

Ю.О.: Это было в Bell Labs, куда я был принят на должность рядового инженера. Помню, начальник, человек моего возраста, представил меня как «учёного из России» сотрудникам своей лаборатории – молодым людям возраста моих детей. Потом он показал мой рабочий стол с компьютером, сказал, что мне надлежит рассчитать параметры комбинированной наземно-спутниковой системы мобильной связи с американскими войсками за рубежом, объяснил, как найти библиотеку и столовую, и... ушёл.

Я остался один на один с компьютером, о котором знал, что для его включения нужно нажать кнопку «power» и еще кое-что, но немного. Я понимал, какой вызов предъявила мне жизнь! Работа в Bell Labs была изнурительной. Помимо совершенно новой тогда системы мобильной связи приходилось осваивать компьютер, малознакомую американскую техническую литературу и... английский язык.

Как-то на совещании с заказчиками мне поручили делать доклад о новых системах связи. Уже через несколько минут я почувствовал, что моя замедленная манера изложения, следствие плохого английского, раздражает деловых слушателей, привыкших к быстрой американской речи. От волнения, вызванного отсутствием контакта с аудиторией, я стал говорить ещё хуже и ещё медленнее.

Гнетущая обстановка достигла предела. Тогда я остановился и сказал: «Господа! Я понимаю, что говорю не так быстро, как вам хотелось бы. Но поймите и вы меня. Прежде чем произнести

фразу, я составляю её по-русски, затем перевожу на английский и только после этого стараюсь произнести её с минимальным акцентом. Прошу вас сосредоточиться исключительно на смысле того, что я докладываю».

Наступил перелом, слушатели заулыбались. После доклада один из заказчиков из Калифорнии дал мне свою визитку и сказал, что я могу позвонить ему, если хочу работать в Силиконовой долине.

Ю.С.: Ты работал в ведущих фирмах, начал простым инженером после высоких должностей в Ленинградском электротехническом институте связи им. Бонч-Бруевича, вырос до Senior Scientist, написал научную монографию и немало статей, получил десятки патентов. Не обошли тебя и награды. Расскажи об этом.

Ю.О.: Главной наградой считаю вот что. Американский эмигрантский вызов продлил мою научную жизнь лет на двадцать, наполнил её новым содержанием и опытом. Американское признание моих научных результатов, не скрою, было для меня и приятной неожиданностью и той самой наградой, о которой ты упомянул.

Среди других наград, пришедших считай что с небес, те мгновения истинного научного озарения, которые, как ты говоришь, «не обошли меня».

Вспоминаю, как летним утром 1996 года я, как обычно, ехал на работу в своем старом понтиаке и думал о том, как построить новую систему мобильной связи через высоколетящие платформы, совершающие круговые движения в стратосфере. Погода была чудесная. Остановившись перед светофором, я посмотрел на утреннее небо в красивых кольцевых завитках лёгких облаков. Какая геометрическая фигура инвариантна к вращательному движению? – вслух спросил я самого себя и тут же ответил: набор вложенных друг в друга колец!

Я ясно увидел и группу колец и всю схему новой системы мобильной связи. Потом я сколько ни пытался, но не мог объяснить самому себе, как в течение одной минуты между красным и зеленым светом светофора в голове сложилась такая обширная системная картина. Это был мой звёздный час. В страшном возбуждении приехал я в лабораторию и сразу же на доске изложил коллеге всю концепцию построения новой системы.

Ю.С.: Замечательная история и, слава Богу, благополучно закончившаяся. Ведь ты был за рулём. Провидение тебя не только озарило, но и оберегло.

К твоему рассказу добавлю, что в 2007 году международный Институт инженеров в области электротехники и электроники (IEEE) присудил тебе награду имени Чарльза Гирша (IEEE Charles Hirsch Award) за «выдающийся вклад в теорию фазовой модуляции и разработку современных систем мобильной радиосвязи». Тут без научных терминов не обойтись.

Ю.О.: Но это уже не от меня исходит. *(Смеётся.)*

Ю.С.: Про таких, как ты, Юра, говорят, что они состоялись в эмиграции. Но мы знаем много примеров, когда успешные в прошлом люди не нашли себя в эмиграции. Винили они в этом обычно не себя, а тупых американцев, которые никак не хотели понять, какой подарок идёт им в руки. Как ты к этому относишься?

Ю.О.: Что касается утверждения, что я «состоялся в эмиграции», то оно вызывает у меня улыбку, ибо многие эмигранты из России полагают, что глагол «состояться» является синонимом глагола «разбогатеть», то есть преуспеть в бизнесе. А из меня бизнесмен никудышный...

О проблеме адаптации бывших советских граждан в США невозможно не сказать банальное: иммиграция – нелёгкое дело! Особенно для людей немолодых, да к тому же, не склонных, как говорят, «сидеть на велфере».

Приехавшие из Советского Союза в возрасте за 50, как правило, были сильными профессионалами с хорошим образованием и, подчас, со значительным лидерским опытом: директора, профессора, доценты, артисты, режиссеры, главные конструкторы, ведущие инженеры, завлабы, начмеды и пр.

Здесь они мгновенно выяснили, что их начальственный опыт, мягко говоря, не очень-то и нужен, а нужна, напротив, конкретная индивидуальная работа на конкретном рабочем месте. Они скоро поняли, если ты нужен для данной конкретной работы, тебя возьмут со всеми, как говорят, бенефитами, а если не нужен, выгонят без малейших сантиментов.

Тут, собственно говоря, и лежит черта раздела: согласен ли ты преодолеть свой «начальственный инстинкт» и начать всё сначала или не согласен. И «тупые американцы» здесь ни при чём.

Что касается меня, то я, используя опыт преподавания в вузе и ряд учебно-методических публикаций, поначалу попытался обустроить себе тихую академическую жизнь в каком-нибудь американском университете. Почти год проработал волонтером на кафедре Electrical Engineering and Computer Sciences в City College of New York, но получить должность так и не довелось, и я пошел работать простым инженером. Помню, что мои первые работодатели весьма равнодушно отнеслись и к моему советскому опыту, и к моим учёным степеням и званиям. Их интересовало одно – смогу ли я помочь в реализации некоего очень конкретного проекта.

Ю.С.: Практически во всём с тобой согласен. Только «состояться» я понимаю не как «разбогатеть», а продолжить успешно работу по специальности. Ты безусловно состоявшийся в эмиграции.

Хорошо. Теперь давай перейдём к твоей второй ипостаси – писатель. Мне нравится шутка: «он на старости лет стал молодым писателем». Чем ты объяснишь, что тебя потянуло к перу? Теплилось это с детства или возникло много позже?

Ю.О.: Наверно, меня всегда немножко «тянуло к перу» и что-то литературное «теплилось». Кое-что я написал ещё в Союзе. Например, ко дню рождения дочери сочинил детективно-фантастическую повесть «Загадка янтарных бусинок». Просто денег в то «молодое» время на хороший подарок не было! *(Смеётся.)*

Эта повесть, кстати, впервые опубликована недавно на «Страницах Миллбурнского клуба». Но там, в Союзе, никогда не помышлял о литературных публикациях, были только научно-технические монографии.

Ю.С.: Давай поясним, что «Страницы Миллбурнского клуба» – это сборник литературных произведений членов русского клуба во главе со Славой Бродским. Там, согласишься, собралось много одарённых людей.

А как отнеслись близкие и друзья к твоему увлечению литературным творчеством, которое особенно сильно проявилось в эмиграции?

Ю.О.: Конечно, отношение близких и друзей к неожиданной литературной лихорадке своего родственника или друга очень для него важно. Здесь имеет место широкий спектр чувств и оценок: от «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало» до похвальных слов одобрения.

Мои близкие поддержали меня с первых шагов. В первую очередь, конечно, Светлана и дети. Что касается друзей, то одним нравились мои очерки, повести и мемуары, другим не нравились. Третьи просто отказывались под разными предлогами читать мои вещи, то ли избегая необходимости давать свою оценку, то ли заведомо полагая, что ничего кроме хорошо известных банальностей, в моих сочинениях не найдут. Всякое бывало. Я, признаюсь, довольно терпимо отношусь к любым оценкам и не ожидаю «всеобщего признания».

Ю.С.: Твоё писательское творчество многопланово. Давай начнём с твоих книг «Письма близким из XX века» и «Сага о восставшем из пепла». Твой интерес к истории семьи, к твоим далёким предкам впечатляет, особенно, на фоне того, что «так сегодня люди редки, у которых были предки». Помнишь эти мои строчки?

Ю.О.: Помню, и не только эти.

Первая большая книга, которую ты упомянул, «Письма близким из XX века», была написана здесь в начале 2000-х. Я работал исступлённо и упорно, опасаясь, что не успею её дописать. Это было связано с некоторыми проблемами со здоровьем. Литературное творчество буквально ворвалось в мою жизнь, наполненную формулами, в тот момент, когда дефицит оставшегося времени, казалось, взял меня за горло. Обращение к мемуаристике было попыткой вырваться из бездны, отчаянной попыткой успеть сделать самое последнее и необходимое вопреки всему, что этому может положить конец. Я писал, ясно понимая, что если не напишу этого, то вся история моей семьи канет в Лету, что непрерывность поколений прервется, и мои дети и внуки уже никогда не узнают прошлого своего рода.

У меня есть еще одна, пожалуй, самая любимая книга мемуаров «Детство, которого не было...».

Здесь невольно хочется поговорить о сопоставимости открытий в научно-инженерной и литературной сферах, что наиболее

ярко проявляется в мемуаристике, связанной с генеалогическими поисками.

Ю.С.: Очень интересно. О твоих открытиях в науке мы уже знаем. А что в литературной сфере?

Ю.О.: Никогда не забуду охватившее меня острое чувство открытия, вполне сравнимое с научными озарениями, когда совершенно неожиданно и негаданно отыскался подлинный и единственный фотопортрет моего прадеда Мовше Окунева, мудрого старца, читающего Тору. Не нарисованный, не придуманный, а жизнью созданный символ народа Книги. Я поместил этот портрет на обложку своей первой книги. Теперь мой прадед спасен от забвения, и ничто уже не превратит его в пустую чёрточку между датами рождения и смерти.

Затем пришло еще одно открытие. Мои друзья из еврейских религиозных кругов Квинса и Бруклина, прочитав мою книгу, нашли в хасидской литературе материалы о моём другом прадеде Давиде Якобсоне, последнем раввине местечка Любавичи, родине ХАБАДА. Потом я много лет искал портрет Давида Якобсона, а найдя его, был вознаграждён той радостью, которую доставил любавичским хасидам.

Ю.С.: Иногда приходится слышать, будто семейные мемуары не имеют никакого практического смысла, точнее, имеют смысл только для узкого семейного круга.

Ю.О.: Не могу с этим согласиться. Всё зависит от того, как понимать этот пресловутый практический смысл и с какой высоты на него смотреть. Во всяком случае, мой опыт показывает обратное.

Для этого достаточно прочитать изданную недавно и названную тобой книжку «Сага о восставшем из пепла». В ней рассказана совершенно невероятная, но подлинная история обнаружения родоначальника большой израильско-американской семьи, который считался погибшим в Вильнюсском гетто вместе со своими родителями и братьями.

Этого человека необыкновенного мужества, в юности прошедшего ад нацистского концлагеря и партизанской войны в литовских лесах, удалось найти в Чикаго благодаря моим мемуарам, случайно попавшим к его дочери, живущей в Израиле.

Вот такая история. Главный герой «Саги о восставшем из пепла» думал, что после войны он остался один на всём белом свете. Моя книга помогла ему найти близких родственников, а мне – утраченную ветвь нашей семьи. Может быть, этот результат посильнее любого моего научного открытия.

Ю.С.: Предки у тебя замечательные, а твой поиск, увенчавшийся блестящим результатом, говорит о том, что настоящий учёный, он во всём учёный. Но расскажи немного о своих самых близких, о жене, детях, внуках.

Ю.О.: Светлана была начмедом родильного дома в Ленинграде, одним из лучших в то время акушеров-гинекологов города. Это я говорю не как муж, а как свидетель той атмосферы благодарного почитания, которой она была окружена и отголоски которой сопровождают её в Америке. Здесь она создала подобную атмосферу вокруг моих занятий наукой и литературой. Без её поддержки я, выражаясь твоими словами, определенно не состоялся бы.

Что касается детей, то они воистину, без всяких оговорок, состоялись в эмиграции и в профессиональном, и в социальном, и в материальном смысле. Меня это до сих пор поражает и восхищает. Ведь дети приехали сюда без денег, без связей в американском обществе, без американского опыта и надежды на помощь со стороны и даже без языка. Всё, чего они достигли, следствие интеллекта и упорного труда, основанного на стремлении, начав всё с нуля, во что бы то ни стало реализовать знаменитую «американскую мечту».

Дочь много лет работала в руководстве нью-йоркского музея Metropolitan, зять – известный врач с офисами в Манхэттене и Бруклине, сын – директор информационной службы крупной юридической фирмы, невестка – руководитель группы разработчиков финансовых программ на Wall Street.

А о внуках я могу говорить бесконечно. Пожалуйста, останови меня. Эти сладчайшие существа, Рэйчел и Дэниел, растут, конечно, настоящими американцами, без эмигрантских совковых комплексов, и их будущее обеспечено родителями. Но именно вследствие такого благополучия им, возможно, нелегко будет продолжить семейную традицию движения в будущее, основанного на знаниях и упорном труде...

Ю.С.: Пожалуй, остановлю. К тебе, несомненно, относятся строчки: «Всех близких мне людей и дорогих делю теперь на внуков и других», снова цитирую себя. Замечательная у тебя семья. Уверен, что многие за тебя порадуются и даже позавидуют. А благополучие хоть и бывает с отрицательными последствиями, но мы всегда его желаем.

Давай затронем ещё одну сторону твоего творчества. Ты автор большого числа очерков о писателях и учёных, об исторических событиях. Круг твоих интересов впечатляет. Тут Бабий Яр и Шестидневная война, Лунная гонка и Ленинградская симфония Шостаковича, творчество и судьба известных писателей Гроссмана, Кафки, Жаботинского. В этом ряду ты открыл, по крайней мере, для меня писателя Феликса Розинера. Расскажи, пожалуйста, об этом.

Ю.О.: Признаюсь, жанр художественного очерка, называемого ещё эссеистикой, очень близок мне и, кажется, кое-что новое мне удалось в него привнести. Помимо очерков о творчестве и судьбе перечисленных тобой писателей, это размышления о значительных исторических событиях и выдающихся ученых: «Антисионизм как высшая стадия антисемитизма», «Шестидневный аккорд истории Библейского масштаба», «Барьер и предел Бабьего Яра», «Чудо в трагической оболочке», «Ленинградская симфония», «Солнечный человек», «Ссылный небожитель», «Мироздание рационально» и др.

Очерк «Почему Россия проиграла Америке Лунную гонку» вызвал бурную дискуссию как с весьма позитивными, так и с чрезвычайно негативными оценками. Это и понятно. В нём, в противовес лживым советским мифам, раскрыта подлинная история провала советского лунного проекта и той роли, которую сыграла в этом провале жёсткая конкуренция за славу и первенство двух основоположников советской практической космонавтики, академиков С. Королева и В. Глушко.

Из написанного в этом году хотел бы отметить очерк «Симфония XX века», посвященный 75-летию первого исполнения и драматической судьбе моей любимой Седьмой (Ленинградской) симфонии Дмитрия Шостаковича.

Ю.С.: Ещё раз отмечу твою всеохватность. А чем тебя привлёк Феликс Розинер?

Ю.О.: Я в своё время был одним из первых читателей его сенсационного романа «Некто Финкельмайер», опубликованного на Западе и подпольно привезённого в Союз. Потом, уже в ельцинские времена, роман был легально издан в России, но меня всегда возмущало то преднамеренное забвение, которому подвергало российское литературоведение замечательное творчество этого писателя.

Вскоре в издательстве M-Graphics выходит в свет сборник памяти Феликса Розинера под моей общей редакцией. В издаваемом сборнике будут воспоминания людей, лично знавших Феликса, мои очерки о его творчестве, а также отдельные отрывки из его последнего грандиозного, но так и неопубликованного труда «Энциклопедия советской цивилизации».

Ю.С.: В твоём творчестве явно преобладает «еврейская тематика». Об этом говорит и солидный том «Ось всемирной истории». Эта книга была издана три раза на русском языке и два раза в переводе на английский – «The Axis of World History». В 2008 году она получила награду «The National Best Book Awards» и вошла в число лучших книг США в категории «Мировая история».

Поздравляю тебя с таким признанием, но не могу не спросить. Как ты думаешь, приласкала бы и обогрела тебя советская власть, возник бы такой интерес к истории своего народа? Я не любитель сослагательного наклонения, но надо ли говорить спасибо антисемитизму за то, что мы такие какие есть?

Ю.О.: Вопрос твой такой интересный и глубокий, что даже не знаю, с чего начать.

Поэтому начну с конца, а именно: говорить антисемитизму спасибо за что угодно не следует ни при каких обстоятельствах. Антисемитизм сыграл такую подлую и зловещую роль в еврейской истории, что язык не поворачивается его за что-то благодарить.

Если вспомнить историю еврейской ассимиляции, то она была всегда и везде, но какие бы ветви еврейского древа не отпадали, основной ствол еврейства продолжал существовать вне зависимости от уровня антисемитизма. История показывает, однако, что наиболее значительные волны ассимиляции коррелировали с подъёмом государственного антисемитизма.

Так было в средневековой Испании, так было в Советском Союзе. Было много попыток объяснить рационально выживание

евреев в условиях многовекового повсеместного антисемитизма. Все они оказались бесплодными. Нет позитивно-материалистического объяснения выживанию еврейства в условиях постоянных жестоких преследований и убийств. К такому выводу пришли выдающиеся писатели, философы и историки.

Ю.С.: Кажется, один из самых почитаемых философов Николай Бердяев говорил, что судьба еврейского народа есть прямое доказательство существования Бога.

Ю.О.: Это правда, но подобные мысли высказывали не только такие апологеты еврейства, как Бердяев, но даже такие атеисты и юдофобы, как, например, Вольтер, и такие, мягко говоря, недоброжелатели еврейства, как Достоевский и Солженицын.

Теперь обо мне и о советской власти. Ты абсолютно прав – мой и многих других евреев интерес к своей истории и культуре в определенной степени был протестом против советского государственного антисемитизма. Ни одна культура многочисленных народов Советского Союза не подавлялась так свирепо и тотально, как еврейская. Само слово «еврей» стало в СССР оскорбительным и ругательным. Это не могло не вызвать протеста уже в детском возрасте. Я писал об этом неосознанном протесте и в книге «Феномен еврейской культуры» и в мемуарной повести «Детство, которого не было...»

Тем не менее, я не склонен быть признательным советской власти за то, что, лишив меня национальной культуры, она вызвала мой интерес к этой культуре. История моих предков, среди которых были выдающиеся религиозные деятели, показывает, что без насилия со стороны большевиков я бы освоил культуру моего народа значительно раньше и глубже. Другими словами, я бы не возражал, если бы советская власть, как ты говоришь, «приласкала и обогрела» меня и мой народ, но подобное вообще за пределами нашего воображения.

Ю.С.: Возможных сценариев много, но реализуется только один, написанный не нами, но мы исполняем роли.

Твои очерки, рассказы и повести были замечены не только читателями, но и такими известными профессионалами, как Владимир Маранцман, Игорь Ефимов, Семен Резник, Лев Бердников, Евсей Цейтлин и другие. Это признание дорогого стоит. Не оно ли

поощрило тебя взяться за роман «В немилости у природы», о котором я упомянул в начале нашего разговора?

Ю.О.: Сначала о признании и неприятии. В наше время нежданно-негаданно в литературу пришло много людей из других сфер деятельности – научных сотрудников, инженеров, врачей и др. Среди них немало отличных публицистов, поэтов и прозаиков, но, конечно, есть и графоманы. Поэтому подчас первая реакция профессиональных литераторов и журналистов – неприятие «неофитов», что далеко не всегда справедливо.

Мне, признаться, повезло и каким-то чудным образом удалось избежать отторжения со стороны профессионалов. С первых шагов меня, дилетанта, поддержали многие литераторы из нашей эмигрантской среды. К упомянутым тобой выдающимся писателям мог бы добавить целый ряд критиков, публицистов, журналистов, издателей, радио- и телеведущих. Им я искренне благодарен за поддержку и постоянное внимание к моему творчеству.

Ты прав. Вероятно, эта массированная поддержка в сочетании с пониманием и любовью со стороны близких и подвигли меня на сочинение романа. Меня буквально теснили образы моих друзей-шестидесятников, талантливых учёных и инженеров, пытавшихся вывести науку и технику из застоя, не покидали воспоминания об их противостоянии партийно-государственному тоталитаризму. Об этом роман.

Ю.С.: Как работалось над романом?

Ю.О.: Работа над романом совпала и по времени, и по настрою с полным переключением с научной на литературную работу. Как шутят родственники, «первый роман молодого писателя был написан им после завершения многолетней научной карьеры».

Прежде, с начала 2000-х, я занимался писательством параллельно с профессиональной работой в технологических фирмах. Вспоминаю с теплотой свои первые литературные опыты.

Работа в фирме была напряженной. Мы боролись за достойное место в мировом стандарте мобильной радиосвязи. Однако возвратившись с работы, я садился за компьютер, обкладывался справочниками по истории, снимал с полки «Еврейскую энциклопедию» и погружался в иной мир. Откуда брались силы, ума не приложу.

После опыта сочинения романа «В немилости у природы» могу определённо сказать: работу над романом трудно совмещать с другого рода творческой деятельностью. Роман требует постоянной занятости ума и воображения.

В повестях и рассказах автор знает судьбу героев от начала до конца. В романе он знает о них так же мало, как и будущий читатель, а подчас, и ещё меньше. Повесть можно писать урывками, полностью отвлекаясь на другую работу. Сюжет романа держит автора в постоянном напряжении, не позволяет отвлекаться. Это вообще-то тяжёлый труд.

Имея за плечами многолетний опыт научной и производственной работы, могу утверждать, что сочинение романа не менее сложная задача и не менее изнурительный труд, чем написание научной монографии или разработка новой аппаратуры.

Ю.С.: Вроде обо всём поговорили. Может, я о чём-то забыл спросить? Ты бы хотел ещё что-то добавить к нашему разговору?

Ю.О.: Хотел бы добавить несколько замечаний о реакции читателей. Эта реакция не бывает однозначной. Например, после публикации очерка к 70-летию трагедии Бабьего Яра несколько анонимных читателей грубо поносили меня за приведённые факты решающего участия украинских военизированных формирований в уничтожении евреев Киева, за то, что я позволил себе еще раз доказывать очевидное – без активной помощи местного населения немецкие зондеркоманды просто не в состоянии были провести такие масштабные акты массового убийства людей.

Но запомнились на всю жизнь многочисленные теплые, благодарные, подчас трогательные отклики читателей. Хочешь, я прочитаю один из них?

Ю.С.: Конечно, прочитай.

Ю.О.: Слушай.

«У меня особое восхищение вызвал материал из книги «Ось всемирной истории»... В нём биография и судьба каждого из нас, целого народа... Как мы были преданы делу партии, как слепо верили в счастливое будущее... Я, как и все остальные, был обманут и не знал, что под звуки «Интернационала» готовили моё, а также всего моего народа уничтожение... Мой отец с войны не вернулся,

но если бы и вернулся, то ему сказали бы, что он воевал в Ташкенте. Как же нас жестоко обманывали!.. Дорогой Юрий! Я преклоняю перед Вами свою седую голову, хотя старше Вас лет на десять. Будьте счастливы и радуйте нас своими статьями.

Григорий Найман, ветеран войны с фашизмом»

Такой отклик, как говорят, дорогого стоит.

Невольно возвращаюсь к сравнению труда научного работника и писателя. Научные результаты, как правило, известны только малочисленным специалистам. Но стоит писателю опубликовать талантливую вещь, и тысячи читателей приходят к нему с благодарностью. Вот такая «несправедливость».

Ю.С.: Согласись, что мы от неё не сильно страдаем. Что бы ты хотел пожелать самому себе в творчестве?

Ю.О.: В моём книжном шкафу на почётном месте стоит в золотистом переплете «Божественная комедия» Данте Алигьере в переводе В. Г. Маранцмана. Светлой памяти Владимир Георгиевич Маранцман (1932–2007) – доктор наук, профессор, зав. кафедрой Российского педагогического университета им. А. И. Герцена, член-корреспондент РАПН, автор серии учебников по литературе для российских школ – был моим другом. Его перевод «Божественной комедии» – это литературный подвиг, совершённый ради поддержания красоты и гармонии в нашем мире. Книга Владимира Георгиевича очень дорога мне, в первую очередь, как память о друге, а ещё из-за лаконичной дарственной надписи, сделанной им за полгода до смерти: *«Дорогому Юре – по-дантовски пылкому публицисту. 8/VIII 2006 г.»*.

Хотелось бы соответствовать этой оценке хоть в малой степени!

Ю.С.: Большое спасибо за интервью. Здоровья тебе и дальнейших творческих удач!

Ю.О.: Спасибо и тебе, Юра, за поддержку и за вопросы, которые, как говорил один мой знакомый, подчас интереснее ответов. И, конечно, я благодарен редакции журнала «Время и Место» за то, что она поручила тебе взять у меня интервью.

Июль 2017 года

ВСТРЕЧИ С ИГОРЕМ ГУБЕРМАНОМ

Де-то в середине 90-х мой приятель дал мне почитать небольшую книгу стихов Игоря Губермана с автографом автора. Этот приятель был на встрече с ним, пришёл в неописуемый восторг и купил книгу. Книга состояла из четверостиший, которые вслед за автором стали называть «гариками». Гариком звали Игоря в детстве.

Я начал читать. То и дело, не в силах сдержаться, повторял строчки вслух жене, и мы вместе сходились на том, как здорово написано. На слуху были и Омар Хайям и Мирза Шафи, великие авторы коротких и мудрых строк, но это в далёком прошлом. А тут окружающая среда. Вот она, рядом:

*...Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно... смирно и кругом.*

У нас же в подкорке эта песня «Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек». А тут шутка, игра слов. «Вольно» стало военной командой, рядом с которой другие две. И страна, как по мановению волшебной палочки, превратилась из вольной в казарменную.

Неформальная лексика не звучала матом. Как наотмашь припечатаны советские руководители, особенно, партийные – самодовольные, циничные, упивающиеся властью, в строчках:

*...Когда их шлют к ебене матери,
Они и там руководители.*

Кому-то режет слух, а на мой взгляд лучше не скажешь.

Писатель и литературный критик Олег Постнов так определил жанр стихотворного афоризма в послесловии к моей книжке «Если вкратце...». Этот жанр «...предельно лёгок для читателя, но предельно труден для поэта. Смех возникает там, где при минимальном использовании слов наличествует несколько параллельных смыслов, как бы встроенных друг в друга. Это касается афоризмов прозаических, для создания же стихотворного афоризма смысловый лаконизм должен быть отточен до предела, чтобы попасть в рамки размеров и рифм».

Многие строчки Губермана вполне соответствуют этому определению.

Итак, я стал поклонником творчества Игоря Губермана, немало строчек знал наизусть и с удовольствием декламировал их на дружеских встречах.

Представляете, как я обрадовался, когда узнал, что у меня есть возможность познакомиться с Губерманом лично.

Здесь я должен упомянуть об Илье Зунделевиче, который в то время был представителем Сохнута по Сибири и Дальнему Востоку и жил по соседству в Академгородке. Мы познакомились и подружились. К этому времени я был не только почитателем «гариков», но и сам начал писать в этом жанре. Илье мои строчки нравились, а пара строк понравилась настолько, что он напечатал их аршинными буквами и повесил над столом в своём кабинете. Это был парафраз с Лермонтовым:

*Выхожу один я на дорогу...
Остальные там уж, слава Богу.*

Для представителя Сохнута это почти реклама.

Под эгидой Сохнута в каком-то Доме отдыха под Омском был организован недельный семинар для сибирской еврейской молодёжи.

На семинаре перед молодёжью по замыслу организаторов должны были выступить авторитетные евреи, чтобы пробудить в юных умах еврейское самосознание. Среди приглашённых были

широко известный Игорь Губерман и я, мало кому известный профессор из Академгородка, но отец двух сыновей, которые в это время служили в израильской армии.

Мы выступили перед молодёжью. Губерман, помню, рассказывал, как однажды в лагере возник антисемитский разговор, и он обратился к товарищам по отсидке, чтобы они поосторожней с выражениями, потому что он тоже еврей. «Да что ты, Мироныч, – было в ответ ему, – какой ты еврей, ты наш человек. Вот Хрущёв еврей. От него никакой пользы, один вред».

А я вспомнил смешную историю с обменом военного билета. Она случилась с моим братом. Получив новый билет, брат увидел, что в строке «национальность» написано «русский». Секретарша уговаривала оставить, как есть, что каждый билет на учёте и заменить билет нет возможности. А брат возражал. Он не хочет. Ещё начнут думать, что он стесняется своей национальности и не желает быть евреем. Его отправили к военкому, который после бесполезных уговоров зачеркнул слово «русский», сверху написал «еврей», а внизу приписал «исправленному на еврей верить» и поставил печать.

В один из вечеров Илья устроил дружескую встречу на троих с бутылкой водки и вкуснейшей солёной рыбкой. За этим традиционным русским застольем Илья попросил меня прочитать мои короткие строчки. Возбуждённый присутствием мэтра и алкоголем, я достал листки и начал читать. Игорь слушал серьёзно и внимательно.

Помню, начал со строчек:

*Гляжу на макияж и мучаюсь вопросом,
А может ли урюк стать снова абрикосом?*

Сделал паузу и глянул на Игоря. Он рассмеялся: «Хорошо!».

Ободрённый, прочитал подряд несколько стихов, не запомнил, каких, а закончил строчками, которые до сих пор считаю лучшими из того, что мною написано.

*Счастье формулой не выражается,
Если делишь, оно умножается.*

Эти строчки, на мой взгляд, полностью соответствуют приведённому выше определению Олега Постнова. В них есть и игра слов и параллельный смысл.

Когда я закончил, Игорь одобрил коротко:

– Надо печататься.

– Вы так думаете? – скромно удивился я.

– Я всегда что говорю, то и думаю, – было мне ответом.

Утром мы поездом вернулись в Новосибирск, на вокзале расстались, а вечером снова встретились на выступлении Игоря Губермана в Доме учёных в Академгородке.

От выступления я был в полном восторге. Говорил он легко и весело, смешил анекдотами и случаями из жизни, иронизировал над собой. Воспоминания о лагерной жизни отсвечивали героическим прошлым. Неформальная лексика неизменно вызывала оживление в зале. Словом, поэт, писатель, артист разговорного жанра.

А мне так и хотелось всем рассказать, что мы с этим человеком вчера пили водку, и ему понравились мои «юрики». Так вслед за «гариками» стали называть мои строчки друзья. Не скажу, что это мне нравилось, поскольку успех «гариков» вызвал волну «толиков», «натиков», «бориков» и прочих «имяреков», в большинстве своём, графоманских. Очень не хотелось утонуть в этом море.

Следующая наша встреча случилась через год в Иерусалиме. В Иерусалим я попал не без участия Ильи Зунделевича в составе группы учёных, для которой Сохнут организовал двухнедельный тур по Израилю. Перед отъездом в разговоре с ректором университета возникло имя жителя Иерусалима Игоря Губермана, и я с гордостью сказал, что мы знакомы, что собираюсь с ним встретиться. Ведь он дал мне свой телефон. Будете в наших палестинах, звоните!

И тут ректор возьми да и скажи:

– У меня есть любимое четверостишие, но я не уверен, что оно принадлежит Губерману. Можете спросить?

– Нет проблем. Напечатайте его на листочке, и если Игорь автор, то я верну листок с автографом.

На следующий день он дал мне красиво отпечатанное четверостишие:

*Душа у женщины легка,
Но вечно склонна к укоризне –
То нету в жизни мужика,
То есть мужик, но нету жизни.*

Замечательные строчки! В них и парадокс, и юмор, и отточенная техника. Сомнений почти нет – Губерман. Гарантирую, Анатолий Сергеевич, получите с автографом!

Из гостиницы в Иерусалиме звоню.

– Здравствуйте, Игорь. Это Юрий Солодкин.

– Здравствуйте, Юра, – и ждёт, что я скажу дальше.

– Вот прилетел из Новосибирска. Хотелось бы встретиться.

– А знаете, я скоро снова буду в Новосибирске. Давайте там и встретимся.

Чувствую, что бутылка водки нас не совсем породнила. Но мне же надо ещё не ударить в грязь лицом перед ректором. Напоминаю Игорю, что я тот самый Юрий, у которого в Новосибирске украли сумку с его книжкой.

Когда после возвращения из Омска мы расстались на вокзале, то сумку с вещами, чтобы с ней не таскаться, оставили в машине, встретившей Илью и Игоря. У них были дела в городе, а мы с женой на автобусе уехали в Академгородок. Илья вечером пообещал нам сумку завезти. Во время одной из остановок машину вскрыли и сумку украли. В сумке, кроме всего прочего, была книга «гариков» с его автографом. Игорь, узнав о краже, пообещал книгу компенсировать.

Выслушав эту историю, Игорь, видимо, припомнил наше общение на сохнутувском семинаре. Его голос потеплел, но не настолько, чтобы пригласить меня в гости.

– Да, Юра, конечно, всё помню. А вы какими судьбами в наших краях?

Рассказываю о проекте Сохнута, и что в Иерусалиме мы будем только два дня.

– Вот и давайте встретимся в Новосибирске.

Пришлось рассказать о просьбе ректора. Если я не привезу ему листок с автографом, то окажусь последним трепачом. Это нанесёт, пытаюсь шутить я, серьёзный ущерб моему имиджу. Тут Игорь, спасибо ему, проникся сочувствием и согласился на следующий день приехать ко мне в гостиницу.

Встреча была недлинной. Мне надо было не опоздать на автобус, возивший нас по стране. В первую очередь я протянул ему ректорский листок, на котором Игорь написал: «Строчки действительно мои», и расписался. А следом я дал Игорю несколько машинописных листков со своими строчками. Он тут же их прочитал, поощрительно сказал, что чувствуется рука.

– Юра, Вы можете оставить мне эти листки? Дело в том, что Марк Галесник в «Беседере» объявил конкурс на лучший «гарик». Я ему передам Ваши строчки, и не сомневаюсь, что они окажутся в числе победителей.

Я поблагодарил, и на том мы расстались.

После изумительного тура по Израилю, спасибо Сохнуту, я вернулся в Новосибирск и осчастливил ректора листком с автографом Игоря Губермана. А через несколько месяцев, как и говорил Игорь, он прилетел в Новосибирск.

Я позвонил ему в гостиницу. На этот раз он не успел забыть нашу встречу в Иерусалиме. От моего приглашения в гости, естественно, отказался, сославшись на плотный график встреч и приёмов. Тут он не обманывал. У наших местных авторитетов Миронич был в большом почёте. Наш человек, срок мотал. Именно эти ребята пригласили его в Новосибирск и принимали на славу.

Договорились встретиться перед выступлением, но встречи по сути не получилось. Вместе со мной у Игоря оказался какой-то корреспондент с микрофоном, пришедший взять короткое интервью. Я успел на ходу только спросить, что со строчками, которые он обещал передать в «Беседер». Игорь ответил, что передал их Галеснику, а что было дальше, представления не имеет.

Мы распрощались. Он пошёл на сцену, а я в зал. После первого отделения решил уйти, поскольку это было повтором того,

что я уже слышал. И обидно было, конечно, что признанный мэтр жанра то похвалы раздаёт, то в упор не видит. В сердцах я даже строчки написал:

*Повстречались с этим мэтром,
Оказался миллиметром.*

Но, слава Богу, строчки пишу в своё удовольствие. Решил больше не приставать к Игорю Губерману со своим творчеством. Однако время распорядилось иначе.

В 1996 году мы эмигрировали в Америку. Глядя в прошлое из нынешнего благополучия, не знаю зачем и могу только предположить, было сначала, наверное, так хреново, что решил написать Игорю Губерману. Вдруг ободрит в трудную минуту. Одно за другим отправил ему два письма с новыми строчками. Глупо было ждать ответа, но всегда остаётся – а вдруг? Помню, в одном из писем даже строчки были об этом:

*Паниковать не надо в страхе.
Откуда безысходность, друг?
Ведь даже голова на плахе
Лежит и думает, а вдруг!*

А через некоторое время Игорь Губерман сам пожаловал с гастроями в Америку. Более того, одно из его выступлений проходило в концертном зале местного колледжа, неподалёку от городка, в котором мы теперь жили. Как тут было не увидеться вновь.

В антракте, когда Игорь строчил автографы на книжках, с которыми выстроились в очередь его поклонники, я подошёл к нему. Он поднял глаза:

- Здравствуйте, Юра!
- Спасибо, что узнали.

Я подождал, когда он подписал последнюю книжку.

- Я Вам послал пару писем. Вы их не получили?
- Почему же, получил.

– А почему не ответили?

– А зачем?

Вопрос, который одновременно является исчерпывающим ответом. Я на минуту потерял дар речи, а Игорь с невинным и безучастным взглядом добавил:

– Надо бы ещё курнуть перед началом.

На этом, думал, закончатся встречи с Игорем Губерманом, но зачем-то мы снова должны были пересечься. Наверное, затем, чтобы мне захотелось написать о наших встречах.

После того, как мы познакомились с Ионом Дегенем (с очерка о нём начинается эта книга), круг его друзей стал постепенно нашими друзьями. В этот круг входили, в том числе, Шалом и Зоя Рикманы, замечательная пара, результатом дружбы с которой явился другой очерк в этой книге «В гостях у Иерусалима».

Шалом великолепный экскурсовод, знающий Израиль в глубину и в ширину. Наши совместные экскурсии, а также уникальная история жизни его отца, хасида, легли в основу очерка. Однако имена героев очерка по просьбе Шалома изменены. Он был категорически против моего художественного домысливания некоторых ситуаций и не соглашался с тем, что Бог внутри нас, а не снаружи.

И вот Шалом и Зоя в очередной раз нашего прилёта в Израиль пригласили нас в гости, и мы с удовольствием приняли приглашение. Оказалось, что мы не единственные приглашённые. Едва успели мы обняться с хозяевами, как в дверь позвонили.

Шумно, пружинящей походкой вошёл Игорь Губерман. С ним жена Татьяна и Саша и Вера Окуни. Вот это сюрприз!

Игорь почти с порога:

– Здравствуйте, Юра. Читал ваши стихи у Берковича. Знаете, очень неплохо.

– Спасибо.

Словно не было никакого негатива в прошлом. Да я уверен, что он и не помнит об этом. Сколько их, ищущих благосклонности

мэтра. Всех не упомнишь. Наверняка Шалом дал ему линк на публикацию у Берковича, чтобы он почитал мои строчки перед встречей. Хорошо, Игорь. Кто старое помянет, тому глаз вон!

Губерман был накануне своего восьмидесятилетия. За столом говорил, в основном, он. Остальные вставляли, если получалось, короткие реплики. Он был в хорошей форме, активно пил «вискаря», на ходу придумывая тосты. Как только возникал о ком-нибудь разговор, он тут же откликнулся:

– А как же, помню!

И дальше, в зависимости от того, жив этот человек или нет, заканчивал гостом:

– Хороший был человек, светлая ему память!

Или:

– Хороший человек, дай Бог ему здоровья!

Во время смены блюд Игорь отлучался «курнуть» на кухню. Никакие проблемы со здоровьем не отвратили его от этой дурной привычки.

А Саша Окунь, замечательный художник (*На мир из необычных окон / Глядит художник Саша Окунь*), с которым я сидел рядом, за весь вечер не проронил ни слова. Только помнится, когда я попросил его передать что-то с другого конца стола, он произнёс: «Да, конечно. Пожалуйста».

И расставаясь, в процессе пожимания рук Саша решил сказать, что прочитал мою книжку, и она неожиданно (!) произвела на него впечатление.

– Надеюсь, хорошее? – пошутил я.

– Да, конечно, – первый раз за вечер улыбнулся Саша.

Прошло ещё два года, и в апреле 2018 года мы случайно встретились с Игорем Губерманом в аэропорту имени Бен-Гуриона. С разницей в полчаса наши рейсы отправлялись из Тель-Авива, его в Нью-Йорк, а наш в Ньюарк. Встреча произошла в зоне «дьюти фри». Его заметила жена:

– Посмотри, Губерман прошёл.

Я посмотрел вслед сутулому старику, который быстро шёл, припадая на правую ногу.

– А ты не ошиблась?

Я решил его догнать, чтобы убедиться, что жена не ошиблась. Он взял магазинную тележку, положил в неё свою сумку и подкатил к полкам с куревом. Кинул в тележку коробку, и тут мы его настигли.

– Здравствуйте, Игорь. Меня зовут Юра. Помните...

Он не дал мне договорить, видимо, испугавшись, что я ударюсь в воспоминания.

– А как же, конечно, помню...

И дальше короткий банальный разговор общего плана, куда и зачем летим, с пожеланием всего хорошего. Было ясно, что его «помню» было вежливой реакцией на многочисленные «помните» его поклонников.

Каждый из нас пошёл на свой рейс. Я снова посмотрел ему вслед. Всего два года, как не виделись, а на тебе, другой человек. Но это не всего два года, а два года после восьмидесяти.

Я проводил глазами уходящего на посадку в самолёт Игоря Губермана. Вспомнились мои шутивно-ироничные строчки, когда-то пришедшиеся ему по вкусу:

*Как сила жизни быстро тает,
Ненужный опыт обретается.
Один, что без костей, болтает,
Другой, что без костей, болтается.*

Если представится случай ещё встретиться, не упустим возможности, Игорь Мироныч, и выпьем за нас с вами и за хрен с ними! А пока счастливого пути!

Июль 2018 года

ГОЛОГРАММЫ

Почему голограммы?

Как мы видим? Световую волну, рассеянную объектом, хрусталик глаза фокусирует на сетчатку, и мозг считывает изображение объекта. А нельзя ли зафиксировать не распределение яркости, как это делает сетчатка или фотография, а саму волну? Эта идея привела к изобретению голографии, которое 25 лет спустя было удостоено Нобелевской премии.

Не объясняя сути изобретения (это не популярная лекция по голографии), скажем только, что голограмма восстанавливает волну, которая шла от объекта при её записи. Через голограмму, как через окно, мы видим объект, который ничем от реального не отличается. Более того, через любой кусочек окна-голограммы виден весь объект, но это эквивалентно наблюдению через замочную скважину – качество ухудшается, мелкие детали исчезают.

К чему я всё это? Ион Деген назвал свои короткие рассказы-эпизоды голограммами. Замечательно, что это пришло ему в голову. Так может быть назван рассказ, который, как маленький кусочек голограммы, высвечивает картину в целом. Конечно, романы или повести дают больше деталей и подробностей. Читайте, если есть время, и получайте удовольствие. Но разве не чудо, что короткий рассказ, если он заслуживает быть названным голограммой, за пару минут позволяет в капле воды увидеть море?

Убойный градус

Наша ботаническая экспедиция, в которую я на время отпуска устроился рабочим, подъехала к Мариинску. Остановились у края города на берегу реки, разбили палатки.

Одна из участниц была в этот день именинницей, и начальница попросила меня съездить в центр города и купить несколько бутылок сухого вина. Надоело, мол, пить спирт, который я каждый вечер с её разрешения наливал в кружку из двадцатилитровой канистры и приносил к костру, вокруг которого был общий ужин.

Я сел в трамвай на ближайшей остановке и поехал в центр. Там зашёл в гастроном, но на винной полке были только водка и портвейн. Решил на всякий случай спросить, нет ли сухого вина? Продавщица не поняла, о чём я. Как вино, которое пьют, может быть сухим? Пришлось объяснить. Тогда она позвала меня за прилавком и показала ящик вина.

Это была болгарская Фетяска, хорошее вино, но почти все пробки были покрыты зелёной плесенью. Я с трудом выбрал несколько не успевших заплесневеть бутылок, сложил их в авоську и вернулся на остановку. На остановке никого не было. Только одна сторбленная старуха с клюкой и лицом, смотрящим в землю. Её взгляд, по-видимому, остановился на моей авоське. Она вскинула голову, чтобы увидеть меня. Глаза были подслеповатые и слезились.

- Ох, сынок, ну и надули же тебя!
- А что такое, бабуся?
- Ты знаешь, что ты купил?
- Знаю, вино. Фетяска называется.
- Да в нём же убойного градусу нет!

От сладкого тошнит

Он был способный научный сотрудник, уже кандидат наук. Но в личной жизни ему не везло. По этой причине или по другой он любил не просто выпить, а напиться. Встречаю его однажды вдупелину

пьяного в автобусе. Ну, на хрена, говорю, тебе это надо. Завтра на работу. Башка будет раскалываться. И слышу в ответ: «Так это завтра!»

А потом началась борьба с пьянством. Если раньше на работе отмечали праздники и дни рождения непременно с бутылками, то теперь это было строго запрещено. Отмечать не перестали, но – только торты и чай. После очередного такого застолья встречаю его же, трезвого и грустного.

- Как дела? – задаю формальный вопрос.
- От сладкого тошнит!

Импровизация

Мой друг, актёр и режиссёр, организовал в Москве театр пластической импровизации. Просуществовал этот театр недолго, но я успел побывать на одном спектакле.

На сцене актёры, горой навален реквизит. Режиссёр ведёт спектакль, и актёры импровизируют, вступая друг с другом во взаимоотношения, возникающие по ходу. Вдруг режиссёр обращается в зал и предлагает любому из зрителей принять участие в спектакле. Сначала гробовая тишина. Кому надо себя перед всеми продемонстрировать? Но потом встаёт парень, на вид лет 14–15, и поднимается на сцену.

- Что делать? – спрашивает он режиссёра.
- Всё, что хочешь.
- Как всё, что хочу?
- Так. Всё, что хочешь.
- Всё-всё, что хочу? – не может поверить парень.
- Всё-всё, что хочешь.

И парень начал рвать занавес.

Коттеджи

Мой приятель собрался в родную деревню, чтобы помочь родителям на покосе, и я попросил его взять меня с собой. Я с дет-

ства любил сенокосные работы. Пацаном верхом на коне возил копёшки к стогу, а стал постарше – дали в руки косу. Вдыхать неповторимый аромат свежескошенного разнотравья – с этим не могут сравниться никакие шанели.

Приехали мы в деревню под вечер. Уже стемнело, и в избах светились окна. Мы шли по центральной улице, и я обратил внимание на ряд одинаковых двухэтажных коттеджей. Только в одном из них на втором этаже светилось единственное окошко. Я вопросительно посмотрел на приятеля, и он мне рассказал следующую историю.

Председатель колхоза решил для лучших работников вместо изб, в которых они жили, построить двухэтажные коттеджи в английском стиле с винтовыми лестницами на второй этаж. Чем мы хуже цивилизованной Европы? Благо, колхоз богатый, и деньги есть. И построили.

Лучшим комбайнёрам и трактористам торжественно вручили ключи, и начались новоселья. Несколько человек покалечилось, упав с винтовой лестницы, а один даже сломал позвоночник. На следующий день все дружно съехали в свои старые избы. А там, где светится окошко, живёт библиотекарша. Она молодой специалист, недавно приехала по распределению и сразу для проживания получила коттедж.

Таймень

Из тувинского городка Ак-Довурак, снабжающего асбестом почти всю Россию, наша экспедиция отправилась к высокогорному озеру Карахоль. Дорога туда проезжая только летом. Обычный горный серпантин пробит в горах. Никакого дорожного покрытия. Горные речки надо проезжать вброд. На опасных участках мы покидали наш грузовик, а шофёр шёл вперёд посмотреть, что его ждёт. Когда ехали через речки, я вставал с шестом на передний бампер и определял глубину. Страху натерпелись, но до озера добрались.

Наш водитель был заядлым рыбаком. Он возил с собой сеть и надувную резиновую лодку, а по предварительным сведениям

озеро кишело рыбой. Ловить её было некому. Только два рыбака от соседнего колхоза ловили здесь хариусов, засаливали в бочках, и раз в неделю вертолёт доставлял эти бочки в Ак-Довурак, где в местном ресторане всегда было фирменное блюдо – хариус с запашком.

Мы вышли на берег в том месте, где из озера вытекает единственная речка Алаш, и водила с видом непререкаемого знатока указал: «Перегородим сетью Алаш». Мы кинули сеть и пошли спать. Наутро вытащили. Ни одной рыбы! Водила, ничуть не смутившись, что-то объяснил сам себе, и мы поставили сеть вдоль, а не поперёк. Целый день занимались своей ботанической работой. Не рыбачить же приехали! А вечером поплыли проверять сеть. Ни одной рыбы!

Тут я вышел из подчинения водиле, наполнил кружку спиртом и пошёл в юрту пастуха, которая была от нас в нескольких сотнях метров. Водила не смог побороть гордыню и со мной не пошёл.

Возле юрты никого не было. Я заглянул внутрь и отпрянул от густого запаха прокисшего молока. Вышел пастух с жидкой бородкой и длинными усами. Увидел меня, позвал кого-то из юрты. Вышел, как выяснилось, его сын, десятиклассник, приехавший на каникулы к родителям из Ак-Довурака. Сын был переводчиком, так как отец по-русски не говорил.

Я показал на кружку со спиртом и объяснил суть дела. Мы все трое пошли на берег. «Вот тут», – пастух показал на место, которое водила сходу объявил непригодным. После этого взял кружку, сорвал травинку, брызнул ею из кружки во все четыре стороны, ублажив тувинских духов, и залпом выпил, зажевав той же травинкой.

Мы поставили сеть. Наутро она была полна рыбы. Когда мы затаскивали сеть в лодку, водила увидел через абсолютно прозрачную воду огромного тайменя. Он понял, отдадим ему должное, что такого размера таймень не мог запутаться в ячеях. Просто захлестнулись тросы, и таймень оказался спелёнутым. Потаси мы сеть дальше, она бы развернулась, и таймень бы ушёл.

Уже выбранную часть сети вместе с рыбой мы снова бросили в воду, поплыли на берег, сделали копьё с охотничьим ножом

на конце, подплыли к тайменю, и водила, не щадя сеть, начал убивать рыбу. Когда она перестала биться, мы медленно подтащили её к лодке. Я подцепил кайлом, которым мы выкапывали растения, под жабры, и мы доставили тайменя персонально на берег, а потом уже отправились за остальной рыбой. Все по очереди фотографировались с тайменем. В семейном альбоме храню фотографию, где я на кайле держу тайменя, голова у плеча, а хвост на земле.

Нашли кого дурить!

Мы занимались приложением голографических методов для решения технических задач. А для демонстрации гостям у нас были видовые голограммы. Я притащил хрустальный графин с рюмками, в рюмки налил воды, и мы получили очень эффектную голограмму этого объекта. Однажды к нам в гости приехал академик Прохоров, Нобелевский лауреат. Посмотрел он на восстановленное с голограммы изображение хрустального сервиза и спрашивает:

- А в рюмках-то что?
- Водка, – вру я, не моргнув глазом.
- Нашли кого дурить. Водка пузырьков не образует!

Вот академик так академик! Ведь и в самом деле не образует, а на нашем голографическом изображении пузырьки чётко видны по стенкам рюмок.

Голубята

По весне на нашем балконе голубка высидела двух голубят. Балкон ещё с зимы был запечатан, и я наблюдал за голубиным семейством через стекло. Голубка таскала птенцам червячков. Когда она подлетала к гнезду, один голубок тюкал другого в голову, тот её втягивал, и мать вкладывала червячка в единственный открытый рот. Так повторялось каждый раз. Агрессивный птенец рос

на глазах, а тихий и забитый тощак, жалобно пищал и умер голодной смертью.

В далёком детстве это было, но как часто жизнь заставляла меня вспоминать эту балконную историю.

Свой

Застолье было по-деревенски простым и обильным. Посредине стола на большом блюде высилась гора тушёного мяса. Рядом дымилась отварная картошка. И внавал только что сорванные изумрудные огурчики, зелёный лучок, веточки укропа. А пунцовые помидоры, ещё хранившие аромат помидорного куста! Как тут без восклицательного знака.

По гранёным стограммовым стаканчикам разлили водку.

– Ну, за встречу! – поднял стаканчик хозяин, колхозный шофёр и школьный друг моего приятеля, с которым мы приглашены в гости. Не спеша выпить, он смотрел на нас.

Мой приятель отпил до половины, закашлялся и поставил недопитый стаканчик на стол.

– Совсем интеллигентом стал, – снисходительно и с сочувствием сказал хозяин, перекинув взгляд на меня. Тут-то чего ждать от городского фраера, да ещё явно еврея.

Я выдержал паузу. Не торопясь, выпил до дна и не поспешил закусывать, а произнёс:

– Хороша!

И только после этого откусил пёрышко лука.

Немая сцена...

Когда расставались, хозяин тискал меня в объятьях:

– Слушай, приезжай. Можешь и без Валерки, сам приезжай.

Пожалуйста, побыстрее!

С научным визитом к нам приехал шведский учёный с женой-американкой. В культурную программу входило посещение

нашего оперного театра, который был одним из лучших в Союзе – огромный полукруглый зал с ярусами и ложами, с креслами, обитыми плюшем, со статуями римских и греческих богов и героев по кругу в нишах. Особенно славился наш балет, который по уровню шёл вслед за московским Большим и ленинградской Мариинкой. Мой шеф попросил сопроводить гостей и вручил три билета на «Лебединое озеро».

В театре всё было замечательно. Шикарные места в первом ряду первого яруса. Гости не устают выражать восторги по поводу и театра, и артистов балета. После окончания нас ждёт персональная директорская «Волга», и мы едем назад в Академгородок.

Посреди дороги американка вдруг заявляет, что ей срочно надо в туалет. Говорю, что осталось минут десять-пятнадцать до гостиницы. В ответ – глаза круглые, и надо срочно. Ну, думаю, подействовало шампанское в буфете во время антракта.

Проезжаем мимо небольшой пригородной деревеньки, сворачиваем с шоссе и останавливаемся возле первого дома. Во дворе мужик в семейных трусах – то ли из дому, то ли в дом – вопрошаетительно смотрит на нас. Объясняю, в чём дело. Улыбается. «Пожалте», – и показывает на белёный чертог под названием сортир в противоположном от дома конце двора. «Туда?» – недоверчиво спрашивает американка. «Туда», – подтверждаю я, понимая какой ужас ей предстоит. Она же к корточкам не приучена, а там в полу дырка над зловонной ямой. Ладно, если шибко приспичило, опростается.

Американка открыла скрипнувшую протяжно дверь, заглянула и отпрянула, как ошпаренная.

– Я потерплю, только, пожалуйста, побыстрее!

Судьба

Я должен был лететь в Семипалатинск-22 и провести испытание моего прибора для измерения ударного импульса в ближней зоне атомного взрыва. Для этого нужна была специальная среднетемпературная форма допуска, и необходимые для этого бума-

ги были отправлены в министерство. К моему огромному огорчению, пришёл отказ. Старшие товарищи объяснили – холост, беспартийный. Про национальность (куда ж без неё, а точнее, с ней) умолчали.

Полетел мой товарищ по аспирантуре, на семь лет старше меня, уже успевший поработать в «ящике», партийный, женатый, двое детей, русский. Всё в лузу! Короче, расстроился я ужасно. Так хотелось увидеть всё собственными глазами.

А дальше был взрыв внутри скальной породы, и в каком-то месте порода оказалась слабой. Радиоактивная волна вырвалась наружу. Как бешеные, замигали дозиметры. Людей, обслуживающих аппаратуру на полигоне, срочно погрузили в машины и с большой скоростью начали удирать от волны.

Моего товарища после возвращения из командировки сразу положили в спецбольницу при одном из новосибирских «ящиков». Ему несколько раз полностью переливали кровь. Удар по его здоровью, слава Богу, был не смертельным, но очень серьёзным.

Как мне после всего этого не благодарить особистов из Министерства среднего машиностроения?

Убийца

С нами в ботанической экспедиции было несколько девушек, студенток из Томского университета. Для них это была летняя практика.

Мы расположились на живописном – нет, никакая живопись не в состоянии отразить эту красоту – альпийском лугу в горах Алтая. Одна из девушек бродила среди изумительного многоцветья, нарвала букет цветов и поставила его в банку с водой в своей палатке. Это заметила начальница нашей экспедиции. Как она на неё кричала: «Ты убийца! Ты никогда не будешь ботаником!»

Через много лет я напишу строчки:

*Цветок благоухал не даром,
Но расцвел он не для вас,*

*Не для могильных ваших ваз –
Для пчёл, летящих за нектаром.*

Математика

Так по жизни получилось, что вблизи от меня в разное время оказались два великих математика – Сергей Львович Соболев и Израиль Моисеевич Гельфанд. Первый – в Академгородке под Новосибирском, в то время, когда я был честолюбивым юношей, жаждущим славы. Второй – в маленьком городке Хайлэнд Парк, в штате Нью-Джерси, где Гельфанд жил свои последние годы, а я, уже далеко не юноша и с давно поутихшими амбициями, поселился в эмиграции. Ни с тем, ни с другим я лично не общался, но хорошо знал людей, которым общаться с ними посчастливилось.

Однажды хорошо знающий меня человек в разговоре с Сергеем Львовичем рассказал обо мне, молодом и способном, пытающемся решать задачи, которые не по зубам многим поколениям математиков. Тогда я мучился доказательством Великой теоремы Ферма.

– Вот и зря, – ответил великий математик, – пусть бы лучше решал задачи, которые могут быть решены. Их огромное множество, и пользы от этого будет гораздо больше.

А с Гельфандом общался мой американский приятель. Он и рассказал мне об одном разговоре с Израилем Моисеевичем. Гельфанд был не только великий математик, но и выдающийся профессор. На вопрос, как надо учить математике, он ответил:

– Обучение не сводится к тому, чтобы просто что-то втолковывать. Надо решать задачи. Не надо сразу пытаться всё понять, нужно сформулировать какие-то задачи, достаточно интересные, и попробовать их решить. Так постепенно будете учиться правильно думать, находить выходы из каких-то ситуаций.

А разве не главное в жизни – научиться правильно думать?

Или ещё такое его объяснение, свидетельствующее не только о недюжинном уме, но и замечательном чувстве юмора:

– Люди думают, что не понимают математику, но всё зависит от того, как объяснять. Если вы спросите пьяницу, какое число

больше $2/3$ или $3/5$, он вам не сможет сказать. Но если вы переформулируете вопрос: что лучше, две бутылки водки на троих или три бутылки водки на пятерых, то он сразу же ответит: конечно, две бутылки на троих.

Без еврея не обошлось

Смешная история случилась во время защиты моей докторской диссертации. В отзыве от Института математики СО АН был упомянут академик Виноградов, кажется, Иван Матвеевич, но не уверен. Он возглавлял Отделение математики АН СССР, был признанным специалистом в области теории чисел и очень не любил евреев. И вправду, разве можно смириться с тем, что среди выдающихся математиков они сплошняком.

Помню, как я был удивлён, когда на защите кандидатской диссертации мой друг, аспирант Сергея Львовича Соболева, математика первой величины, получил два чёрных шара, хотя Сергей Львович назвал его работу незаурядной. Тогда академик Соболев не выдержал, вскочил с места и сказал, что он знает, почему эти чёрные шары, но он всё равно будет гордиться тем, что его мама – еврейка.

Так вот Виноградов как-то обмолвился, что теория чисел никогда не будет иметь практических приложений. Профессор, зачитывавший отзыв, отступил от текста и пошутил, что академик Виноградов, должно быть, перевернулся в гробу, поскольку мы видим, что системы сравнений в остаточных классах явились удачной моделью, позволившей решить физическую задачу расщепления интерферограмм. Большого он прилюдно сказать не мог, а лично мне после защиты добавил: «Бедный Виноградов! И тут опять без еврея не обошлось».

Думай сам

Когда я вышел из комсомольского возраста, мне предложили вступить в партию. Я был уже кандидатом наук, но ещё младшим

научным сотрудником. Секретарь парткома намекнул, что это может помочь карьере, хотя его меньше всего волновало желание мне помочь. Просто из райкома последовало указание увеличить число партийных научных сотрудников, так как сложилась ненормальная ситуация – в академическом институте большинство членов партийной организации составляют рабочие экспериментальной мастерской.

Что делать? Отказаться? Заподозрят в несогласии с политикой партии и правительства. А стать старшим научным сотрудником очень хочется. Принять предложение? Значит, согласиться с политикой партии и правительства. Не буду врать, я к тому времени ещё не был противником системы, но в ответ на мой лепет, что система правильная, но люди дерьмовые, мои гораздо более проникательные друзья называли меня идиотом. Задним числом могу только признать их правоту.

За советом я пришёл к мужу моей двоюродной сестры. Он с первого курса технического вуза ушёл в артиллерийское училище, прошёл войну, даже сподобился быть комендантом какого-то маленького немецкого городка. После победы не вернулся в технический вуз, а поступил в Ленинградский университет на исторический факультет. Говорит, захотелось разобраться, как живёт человечество и почему возникают войны.

После окончания университета возникла сильная обида. Молодых ребят, не нюхавших пороха, оставили в аспирантуре, а ему, с красным дипломом, члену партии сказали, что он уже вполне самостоятельный, сложившийся специалист, его не надо учить в аспирантуре, и отправили к чёрту на кулички – в Кемеровский педагогический институт.

Но знай нашего брата! Он стал и доктором наук, и профессором, и известным учёным в области истории культуры. Его основные труды – по советской культуре с 1917 по 1927 год. Этот период был выбран потому, что он, с одной стороны, насыщен интереснейшим материалом, с другой стороны, врать, конечно, надо, но не сильно.

Итак, я пришёл к нему за советом.

– Знаешь, что я тебе скажу. Я бы на твоём месте этого не делал. Может, и получишь сиюминутную выгоду, которая един-

ственная причина для этого шага, но стоит ли овчинка выделки? Думай сам.

Я подумал и не вступил. Огромная благодарность и низкий поклон тому, кто удержал меня от соблазна стать партийным.

Виски

Вскоре после женитьбы я познакомился в Ленинграде с дядей жены, которого звали Нахим. Он был меломаном, почти не пропускал концерты в филармонии, играл на многих инструментах, а по молодости даже подрабатывал тапёром в кинотеатре.

Однажды, в пижаме и тапочках, он пошёл выносить мусор. Десять минут нет, полчаса нет. Жена начинает беспокоиться, спускается во двор. Мусорной машины нет, около подъезда стоит пустое мусорное ведро, а Нахима нет. Опросила соседок по подъезду. Видели, как выносил, а куда потом делся, не знают. Проходит час – нет Нахима. Тётка звонит по ближайшим больницам – такой не поступал.

Нахим явился через два с половиной часа.

– Нахим, где ты был?! – тихо спросила наглотавшаяся валерьянки тётка, у которой кричать не было сил.

– Галенька, – с виноватой улыбкой оправдывался Нахим, – понимаешь, я выбрасываю мусор вместе с нашей знакомой из соседнего подъезда, и она мне говорит, что у неё пропадает билет на концерт в филармонию, не хочу ли я пойти? Времени оставалось в обрез. Я уже не успевал вернуться домой.

– Господи, ты посмотри, в каком ты виде – пижама и тапочки!

– Галенька, ну и что, меня же там все знают.

В этом весь дядя Нахим. С первой встречи мы понравились друг другу, и он неожиданно прибежал проводить меня, заскочил в купе, достал бутылку виски, два бутерброда.

– «Белая лошадь», – с желанием поразить сказал он, откупоривая бутылку, и налил в стоящие на купейном столике стаканы. – Ну, за знакомство и счастливого пути!

Я еле допил до конца. Жидкость была до того противна, что я с трудом уговорил организм не вернуть её обратно, спешно закурил бутербродом с докторской колбасой и от предложения повторить категорически отказался.

С той поры даже при упоминании виски внутри становилось нехорошо.

Много лет спустя, уже в Америке, мы зашли в гости к нашим друзьям, сын которых владел винным магазином и профессионально разбирался в спиртных напитках.

Сын пришёл с бутылкой виски в красивой картонной упаковке. Когда я отказался от виски в пользу водки, он сильно удивился и спросил, пробовал ли я когда-нибудь это виски? Пришлось рассказать ему о моём купейном опыте. Он с сочувствием посмотрел на меня.

– «Белую лошадь» можно сравнить только с самой дешёвой водкой, которую в России называли «сучок» и получали из древесного спирта. Приходилось пробовать?

– Приходилось. Жуткая гадость.

– Вот и виски бывают разные. Рекомендую попробовать.

Попробовал. Да, слово то же самое – виски, а все определения по сравнению с «Белой лошадью» – сплошные антонимы. Спасибо, «Blue Label», Голубой ярлык. Кончилось заблуждение, длившееся много лет.

Хор

В школе решили создать хор. Добровольцев петь в хоре оказалось мало, и директор школы решил проблему просто. Целиком два класса, в которых он преподавал литературу, после уроков в принудительном порядке повели петь.

Директор был очень жёстким, даже грубоватым человеком и абсолютным хозяином в школе, которого боялись и ученики, и учителя. При этом он блестяще преподавал литературу и высоко ценил мою грамотность и моё отношение к своему предмету. Но тут нашла коса на камень. На мои слова, что у меня нет ни слу-

ха, ни голоса, он реагировал, как мне казалось, с издёвкой: «Запоёшь – появятся».

Начался мой протест против насилия. Если не удавалось сбегать с репетиций, я громко фальшивил в заднем ряду. В итоге меня, к моей радости, удалили из хора. А дальше возникла совершенно непредвиденная ситуация.

Хор запел, причём, так, что стал побеждать на разных фестивалях. Его часто приглашали участвовать в концертах, а на следующий после очередного концерта день участников хора не спрашивали на уроках. Я был единственный в классе, который не пел, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я начал сопротивление. Директор вызывает меня к доске, а я отказываюсь отвечать. Он ставит мне кол и предупреждает, что я доиграюсь. В следующий раз упрямо повторяю то же самое, получаю второй кол и угрозу сделать припарки. Как быть? Я понял, что победить мне не удастся, и третий кол может привести к непоправимым последствиям. Поэтому на третий раз я решил очень хорошо подготовиться.

Темой была сатира Маяковского. Маяковский был любимым поэтом моего учителя, а мне он казался слишком громким и грубым. Помню, как я однажды уличил Маяковского в неграмотности.

– Слабые, вы любовь на скрипки ложите, / Любовь на литавры ложит грубый...» – цитировал я учителя. – Да напиши я «ложите», вы бы тут же указали мне на ошибку».

– Да, тебе нельзя, а Маяковскому можно.

Я знал, что нравится моему учителю. Он не любил, когда ему пересказывали учебник, ему надо было демонстрировать знание стихов с небольшими вкраплениями собственных комментариев. И я в поте лица листал тринадцатитомник собрания сочинений, выписывал, учил наизусть, придумывал связки, делающие изложение логичным и последовательным. До сих пор помню, как я начал со стиха, в котором «в тёмной комнате» поэт «и Ленин фотографией на белой стене»:

– Когда «грудой дел, суматохой явлений день отошёл, постепенно стемнев», Маяковский докладывал товарищу Ленину.

И т. д. Я был на подъёме, нигде не заикнулся и ничего не забыл. Глаза учителя светились. Это был результат его работы тоже. Когда я закончил, он два кола легко исправил на четвёрки и рядом поставил пять.

Через много лет на поминках по учителю я спросил у его сына, нет ли у него тетрадки с отцовскими стихами. Сын удивился. Оказалось, что кроме меня, никто не знает, что учитель писал стихи. А мне он читал их и даже рассказывал, что хотел стать поэтом, но вот стал директором школы, и ничуть об этом не жалеет.

А я теперь думаю, что где-то в уголке души жалел, иначе зачем бы со мной, школьником, делился потаённым, тем, о чём даже с сыном не говорил.

Контр-адмирал

Удивительным человеком был Георгий Сергеевич Мигиренко. Он родился и вырос в Одессе, на Молдаванке. Русский по рождению, с украинской фамилией, он рос среди еврейских детей и научился свободно говорить на идише. Одарённый хорошим голосом, Георгий поступил в Одесскую консерваторию, но, прочувшись три года, по комсомольскому призыву уехал в Ленинградскую морскую академию.

На последнем курсе его вдруг вызвал секретарь парткома и напрямую спросил: «Курсант Мигиренко, это правда, будто вы скрываете, что вы еврей?» Как не усомниться, если черноволос и говорит на идише! И пришлось курсанту затребовать выписку из церковно-приходской книги о своём рождении.

Окончив Академию, молодой офицер начал службу. Одновременно, а любовь к пению его не оставляла, он стал солистом знаменитого хора Свешникова. Дальше этого певческая карьера не пошла, но всю жизнь Георгий Сергеевич пел то в кругу друзей, то на официальных и неофициальных встречах, а однажды его попросили даже спеть на королевском приёме в Вестминстерском дворце, где он оказался в составе советской делегации. Говорят,

английская королева поинтересовалась, все ли советские адмиралы ещё и оперные солисты?

Мигиренко знал более семидесяти арий, множество романсов и даже мог подыграть себе немножко аккордами на гитаре.

Георгия Сергеевича обожали женщины. Он несколько раз был женат, расставался с жёнами достойно и благородно, уходя с одним чемоданом личных вещей. Правда, начинать с нуля ему было не так трудно. Он без проблем получал очередную квартиру, а дефицитная мебель доставлялась ему по первому звонку.

Профессиональная его работа была связана с защитой подводных лодок от торпед. Он стал доктором наук, получил звание контр-адмирала, а когда создалось Сибирское отделение АН СССР, первый Председатель СО АН, академик Лаврентьев соблазнил Мигиренко переехать в Новосибирск.

Георгий Сергеевич стал секретарём парткома СО АН и правой рукой Председателя. Лаврентьев шутил, что в Сибири было два адмирала, один – Колчак, другой – Мигиренко.

Когда Лаврентьеву надо было ехать в обком, чтобы решить какой-то непростой вопрос, он брал с собой Мигиренко, причём просил его для важности надеть парадный адмиральский мундир.

Сам Лаврентьев любил сесть за руль персональной машины, одет был всегда очень просто, галстуки терпеть не мог. Как-то на подъезде к городу машину за превышение скорости останавливает гаишник. Лаврентьев выходит из машины, суетливо подбегает к гаишнику, показывает документы. Я, мол, Лаврентьев, спешу на совещание в обком. А Мигиренко сидит в шикарном мундире с кортиком на боку. Гаишник смотрит на документы, потом на Мигиренко:

– Ну, ладно, Лаврентьев. Скажи спасибо, что адмирала возишь.

Мигиренко был выездной, в зарубежные командировки ездил довольно часто. Много раз он летал в США, возвращался под большим впечатлением и в узком кругу говорил, что коммунизм они раньше нас построят. Он был уверен в том, что коммунизм – это будущее человечества. Никакие ГУЛАГИ, никакие культы лично-

стей, ни даже развал СССР не заставили его усомниться в этом. Он был верен идее.

Мигиренко, одному из немногих, было разрешено выписывать журнал «Америка». Я очень благодарен ему за то, что имел возможность читать этот журнал.

А однажды Георгий Сергеевич привёз из Америки подаренный ему фильм о высадке американцев на Луну. В широкой аудитории показывать этот фильм партийное руководство не разрешило, но на своей популярной лекции о развитии науки, которую Георгий Сергеевич назвал «Ленин и наука», он его показывал. Народ, который на лекцию с таким названием было и калачом не заманить, прослышал про фильм и забивал аудиторию до отказа.

Георгий Сергеевич выдвигался в членкоры АН СССР, но Лаврентьев уговорил его снять кандидатуру. «Зачем Вам это, Георгий Сергеевич, мы Вас сразу в академики». В результате Мигиренко так и не стал ни членкором, ни академиком.

В течение нескольких лет мы в одной служебной «Волге» ездили на работу в Технический университет, где последние годы своей жизни Георгий Сергеевич заведовал кафедрой. Сколько замечательных историй услышал я от Георгия Сергеевича по дороге на работу, сорок минут туда и сорок минут обратно. Сколько поучительных противоречий уживалось в этом большом человеке.

Верный ленинец, патриот России, он видел, что всё летит в тартарары, но переломить себя не мог и винил людей, но не систему.

Низкий поклон Вам и светлая память, Георгий Сергеевич!

Стена Плача

Каждый раз, когда мы бываем в Израиле, мы приходим к Стене Плача. Постоять около Стены, прижать к ней ладони, коснуться лбом, ощутить себя внутри необъяснимой ауры, внутри удивительной истории своего народа, которая сегодня продолжается в тебе.

*Исходит поле от Стены
И от прижатых к ней ладоней.
Что выше этой вышины?
И этой бездны что бездонней?*

На этот раз мы пришли к Стене с одним из сыновей и шестилетней внучкой. Внучка была у Стены впервые. Сын рассказал ей о разрушенном Храме, о святости этого места для евреев и обратил её внимание на многочисленные бумажки, торчащие из расщелин между камнями.

– Это записки, в которых люди обращаются с просьбами к Богу в надежде, что Он им поможет. Хочешь, мы тоже можем написать записку. О чём бы ты хотела попросить Бога?

– Хочу, чтобы построили новый Храм.

VOTKA

Семилетний внук учился в первом классе и только что пришёл из школы. Как обычно спрашиваю, что интересного было в школе. Он рассказывает, что им дали разные буквы, и они должны были написать слова, которые начинаются с данной буквы.

– И какая буква тебе досталась? – спрашиваю.

– V.

– И какое слово ты написал?

Он молча достаёт листок из ранца и протягивает мне. На нём большими буквами написано: VOTKA.

Учительница поинтересовалась, откуда непорочное дитя знает это слово, и рядом красным карандашом приписала: Hello Grandpa!

Кланяйся, дурак

Когда я слышу похвалы в свой адрес, особенно чрезмерные, то вспоминаю давнюю историю.

Наши дети были маленькими, и мы на всё лето уезжали с ними в спортивный университетский лагерь, расположенный на живописном берегу Обского моря. Там было много преподавателей с детьми, и у нас с женой возникла идея объединить детей в отдельный отряд в дополнение к существующим студенческому и преподавательскому отрядам. Идея была одобрена, и профком даже выделил сколько-то рублей на призы за участие в спортивных соревнованиях и концертных программах.

И вот на закрытии сезона наша ребятня выстраивается на эстраде. Я стою сбоку, чтобы в случае необходимости прийти на помощь, а жене с микрофоном поручено перемещаться перед сценой и подносить микрофон к тем детям, чья очередь говорить.

Вперёд выходит пятилетний Славик в цилиндре и с бабочкой, уже своим видом вызывая смех зрителей, и говорит:

Здрате, дамы и месье.

Я у них конференсье.

Бурные аплодисменты. Такие бурные, что Славик растерялся и замолчал, не зная, что делать. Тогда Сеня, которому уже лет восемь, наклоняется к Славику и шепчет, а микрофон перед ними, и шёпот слышат все зрители:

– Кланяйся, дурак!

От хохота и студенты, и преподаватели попадали со скамеек. Минут десять мы не могли продолжить концерт.

С той поры, когда слышу похвалы в свой адрес, вспоминаю «Кланяйся, дурак!»

СЫНОВЬЯ

Сначала небольшая предыстория.

Знакомая сотрудница иммиграционной службы, готовившая сборник рассказов о людях эмиграции, попросила меня написать историю наших сыновей. Рассказ понравился, даже очень, но в сборник не вошёл, поскольку сыновья эмигрировали в Израиль, а сборник был посвящён эмиграции в США.

Однако рассказ не остался незамеченным и был опубликован Евгением Берковичем в его интернетном журнале «Заметки по еврейской истории». Откликом было большое число приятных комментариев читателей, которые не только благодарили, но и спрашивали, а почему так мало сказано о дочери?, а почему ничего о внуках и внучках?

Сайт «Семь-40» повторил у себя «Сыновей» с условием, что я дополню публикацию рассказом о дочери. Так появилась «Дочь».

Итак, сначала «Сыновья», а за ними «Дочь».

У нас два сына, не близнецы, а двойняшки, абсолютно не похожие друг на друга ни внешне, ни по характеру. Однажды, когда я объяснял разницу между близнецами и двойняшками одному нашему приятелю и произнёс слово «разнойцовые», то он моментально отреагировал: «Брось голову морочить. Разноотцовые».

До трёх лет мальчишки росли дома. В ясли отдавать было себе дороже. Хотелось, чтобы дети с малолетства не хватали всякую заразу. Поэтому жена, врач, пошла работать на Скорую помощь и брала дежурства по субботам и воскресеньям, а я сидел с детьми. В будние дни мы менялись ролями.

В три года мальчишек можно было уже отдавать в детский сад. Тоже не сахар, но всё-таки не ясли. Жена перешла на работу

Непохожие близнецы

в больницу, к чему очень стремилась, и без детского сада было не обойтись. Запомнился первый день, когда я отвёл ребятшек в садик.

С первого дня они начали активно осваивать великий и могучий. В домашних условиях их язык был не таким великим и не таким могучим. После первого дня в садике, подчёркиваю, после первого, веду мальчишек, держа за руки, домой, и Миша вдруг меня спрашивает: «Папа, я ещё долго буду носить эти блядские сапоги?» От неожиданности я проглотил язык, но что-то надо

было отвечать, и пришлось вернуть язык на место. «Сынок, сапоги, конечно, не очень. Они тебе достались от Ани (это их старшая сестра). Мы обязательно купим тебе новые сапоги». Миша успокоился, а я нет.

И на следующий день, приведя мальчишек в садик, рассказал воспитательнице эту историю, повторив много раз, что у меня нет никаких претензий и жалоб, а просто интересно, откуда появился этот новояз в ещё непорочном детском лексиконе. Воспитательница Ася Григорьевна, хоть и старая дева, но очень добрая и умная, посмеялась и догадалась, откуда. Нянечка, которая раздевала детей после прогулки, долго не могла стянуть с Миши сапоги. Они были без молнии и с узким голенищем. Вот она и определила их коротко и самым исчерпывающим образом.

Ещё пара слов об Асе Григорьевне. Однажды Аня, которая на два с половиной года старше своих братьев и воспитывалась той же Асей Григорьевной, вдруг обращается к маме: «Мама, можно, мы своего папу одолжим Асе Григорьевне?» Оказывается, в садике дети (шестилетние!) поинтересовались, почему у Аси Григорьевны нет своих детей. И та очень просто объяснила. Она стала спрашивать. «У тебя, Аня, хороший папа?» «Хороший». «А у тебя, Таня?» «Хороший». Спросив ещё нескольких детей и получив те же

ответы, Ася Григорьевна сказала: «Вот видите, вы всех хороших пап разобрали, и мне не досталось».

Очень рано, уже с садика мальчишки начали созревать политически. В конце апреля, когда в обязательном порядке проводились Первомайские утренники, веду обоих в садик. Сеня весёлый и жизнерадостный, а Миша не просто грустный, а тоска на лице безысходная.

– Миша, – спрашиваю его, – а ты почему не радуешься? У вас праздник сегодня, стихи будете читать, песни петь.

– А чему радоваться? – отвечает Миша. – Опять этого деревянного Ленина приволокут.

Я не сразу понял, о чём речь. Та же Ася Григорьевна показала мне большой бюст Ленина, покрытый сплошной серебристой краской, который переносили из комнаты в комнату для каждой группы на время проведения утренника.

Достаточно про садик, перейдём к школьному возрасту. Мальчишки росли крепкие, спортивные. Лет в 11–12 их заметил тренер по волейболу из детской спортивной школы и пригласил на тренировку. Владимир Дорофеевич оказался не только умелым тренером, но и хорошим педагогом. Ребята увлеклись и впоследствии стали неплохими волейболистами. Вряд ли я стал бы об этом писать, если бы не один случай.

Встречает меня однажды Владимир Дорофеевич и с хитрой такой улыбкой говорит:

– Юрий Наумыч, надо бы обратить внимание на воспитание сыновей.

– А что такое случилось, Владимир Дорофеич?

– В конце каждой тренировки мы обычно делимся для игры на две команды, и я попросил Мишу, как капитана, поделить ребят. И вдруг Миша говорит: «Давайте, сыграем... евреи против неевреев!» Я слегка оторопел, но согласился. Ребят было семь, и я восьмой. По одну сторону встали Миша с братом Сеней, Илюша и Рома, а по другую сторону три русских богатыря и я вместе с ними, чтобы было четверо на четверо. Про себя подумал – сейчас мы этим евреям покажем! Началась игра. Я смотрел на Мишу и видел, что для него ничего не существует, кроме этой игры. Он

умело руководил своей командой. Он успевал во все уголки площадки, куда я отправлял мячи. Одолеть их не удалось.

– И как всё закончилось?

– Я остановил игру при ничейном счёте, – и добавил с улыбкой, – чтобы не пострадала дружба народов.

– Это вы хорошо придумали, Владимир Дорофеич.

Во время соревнований я очень часто находился рядом с командой и слышал, как Дорофеич даёт наставления перед игрой. Мише он всегда говорил: «Миша, от тебя больше ничего не требуется, только сыграй, как евреи против неевреев!»

Мальчишки были ещё пионерами, но уже не были комсомольцами. Их старшие классы пришли на конец восьмидесятых. Перестройка. Первые, даже самые малые глотки свободы при полном её отсутствии до, казались божественным напитком. Миша возглавил забастовку десятиклассников, отказавшихся учить положенные по программе сны Веры Павловны из «Что делать». Чернышевский был для них уже не указ. Я призывал Мишу пожалеть учительницу литературы. Не пожалели. Неделю длилась забастовка, и ученики победили!

Ещё одна школьная история связана со взаимными поездками в гости советских и американских школьников. Наша школа была английской, и у неё была школа-побратим в американской Миннесоте. Каждый год на один месяц десять школьников из Америки приезжали к нам в Академгородок, а наши десять отправлялись в Миннесоту. При отборе десятки учитывались успеваемость, общественная работа, спортивные заслуги, уровень английского. По каждой позиции начислялись баллы, и по сумме определялось, кто заслуживает поездку в Америку.

Оба, и Миша, и Сеня, попали по баллам в заветную десятку. И тут началось. Как это так, из одной семьи двое! Меня просят отнестись с пониманием и выбрать одного из двух. Я, естественно, сделать это не могу и предлагаю, если двоих из одной семьи нехорошо, отправить второго за свой счёт. Не виноват же я в том, что оба парня достойны и заслуживают.

Мне объясняют, что по договору американцы принимают только десять, и одиннадцать принять никак не могут. Мальчишки

пишут американским школьникам, которые уже побывали у нас и подружились с ними, что приехать сможет только один из них, второго могут взять только одиннадцатым. Из Америки приходит официальная бумага, что они в этот раз согласны принять одиннадцать. Ура! Казалось бы, дело сделано. Ан, нет.

Радость оказалась преждевременной. Из Министерства просвещения СССР сообщили, что коллективная виза на десять человек уже оформлена, и поздно что-либо менять. С Министерством просвещения, да ещё СССР, выяснять отношения было бесполезно. Сеня просил нас сильно не переживать, Америка от него никуда не убежит. А Миша пожил месяц в Америке, поучился в американской школе и даже поиграл в американский футбол в школьной команде.

Как только сыновьям исполнилось по восемнадцать, и они получили право самостоятельно принимать решения, оба эмигрировали в Израиль. Мы с женой проводили их с двумя рюкзаками и сотней долларов на двоих.

Приняли их в киббуце под Беер-Шевой. Днём они работали, а вечером в ульпане учили иврит. Втроём, вместе с киббуцником Ури, они выращивали семьдесят тысяч бройлеров одновременно. В три специально оборудованные ангара с автоматической подачей корма и воды завозились однодневные инкубаторские цыплята, и через сорок дней они достигали нужных размеров. Их отправляли по назначению (рука не поднялась написать «убивали»), куриный помёт вывозили на поля в качестве удобрения и запускали в ангара новые семьдесят тысяч.

Из киббуца мальчишки ушли в армию. Первым ушёл Семён, а Мишу завернули. Оказалось, что по израильским законам двойняшек одновременно в армию взять не могут. Сеня попал в престижную дивизию Гивати. Офицер выбирал восемнадцать человек из двухсот. Когда его выбор пал на Семёна, ему сказали, что Шимон, так теперь его звали, не рождён в Израиле и не может поэтому служить в его подразделении. Но парень настолько понравился, что офицер взял его под свою ответственность.

Когда Шимон после курса молодого бойца принимал присягу, на этом событии присутствовала жена, прилетевшая повидаться

с сыночками. Офицер узнал об этом, подошёл к ней и поблагодарил за сына.

Миша ушёл в армию через полгода. Уже по протекции брата его взяли в ту же Гивати, только в другое подразделение.

На долю мальчишек выпала война в Ливане. Но ни разу они оба вместе не оказались в зоне боевых действий. Начальство чётко отслеживало: когда один входил в Ливан, другого обязательно выводили. В киббуце за ними сохранили их небольшие квартирнки-студии, куда они могли в шабат приехать из армии, как к себе домой.

Нет смысла писать о наших волнениях, переживаниях, страхах. Тут без слов всё понятно. Иногда мы получали звонок из Израиля:

– Папа, вы ещё ничего не слышали?

– Нет. А что?

– Значит, ещё услышите. Вам в известиях передадут о нашем ЧП. Так имейте в виду, что с нами всё в порядке.

А ЧП случались нередко. На войне как на войне.

В мишином цевете (отделении) погиб парень. Офицеру положено в этом случае приехать к родителям и сообщить им об этом. У парня были только мама и сестрёнка. Они эмигрировали из России, и мама ещё плохо говорила на иврите. Поэтому офицер, не говоривший по-русски, попросил Мишу поехать с ним. И Миша впервые не просто столкнулся с невероятным человеческим горем, а увидел, как оно выглядит в первый момент, в самом начале. Он признался, что плакал вместе с матерью. «Мальчики не плачут никогда, а мужчины редко, но бывает» – написал однажды поэт. Да, Миша был уже не мальчиком, а мужчиной.

Уже давно отслужили ребята, но каждый год в день рождения погибшего товарища весь цевет с разных концов Израиля приезжает к матери, потерявшей сына. Она накрывает стол, она называет всех ребят своими сыночками, и они вместе поминают погибшего друга добрым словом.

В сенином цевете за время службы, к счастью, не было погибших, но один из парней подорвался на mine, и у него оторвало ногу. Моментально его доставили в госпиталь в Хайфе. Когда Сеня рассказал мне об этом, я пришёл в ужас. Ведь это могло случиться и с моим сыном. А Шимон сказал: «Папа, это война», и, помолчав минуту, до-

бавил: «Можешь быть уверен, за счёт армии он будет иметь самый лучший протез, который существует в мире».

Отношения в Цахале, так именуется израильская армия, и отношение народа к своей армии удивляли меня не раз. Мне очень нравилось, что друг друга солдаты называют «ахи», что в переводе с иврита означает «брат мой».

Несколько раз я был в Израиле во время службы сыновей в армии. В один из приездов я входил в состав группы учёных, которых Сохнут пригласил из бывшего Советского

Солдаты

Союза для двухнедельного знакомства с Израилем, его научными и техническими достижениями. Всего нас было сорок человек, и программа нам заранее не была известна. Я сообщил сыновьям, что прилетаю, но куда нас повезут из аэропорта, представления не имею. Поэтому позвоню из гостиницы. На том и договорились.

Прилетаем. Нас встречает шикарный автобус с представителем Сохнута и везёт в гостиницу в Иерусалим. Оформляемся в гостинице. Поднимаюсь в свой номер. Едва успеваю переодеться, стук в дверь. Открываю, и... немая сцена. На пороге Мишка в форме и с автоматом на плече. Откуда узнал? Как отпустили? Что за чудеса на земле обетованной?

Миша долго не стал меня томить и объяснил чудо. Он поделился со своим командиром, что прилетает отец по приглашению Сохнута, но где их поселят, неизвестно. У командира родной дядька оказался каким-то чином в Эль-Але (израильская авиационная компания). Он ему позвонил и выяснил, каким рейсом прилетает наша группа, а в Сохнуте назвали гостиницу в Иерусалиме, забронированную для группы.

– Ну, ладно. Понимаю, что хочешь встретиться с отцом. Сегодня я тебя отпускаю, но завтра мы входим в Ливан. К десяти утра ты должен вернуться. Если опоздаешь, ты меня крепко подведёшь.

– Спасибо, не подведу.

Мишка переночевал со мной в гостинице, а наутро мы прощались с ним перед нашим автобусом, и водитель спросил, что за парень. Я с гордостью ответил, что это мой сын, и он должен успеть на «тахану мерказит» (центральный автовокзал), чтобы вовремя вернуться в часть. Тогда водитель обращается к нашему gidу и говорит, что это немного в сторону от нашего маршрута, но он думает, что не будет возражений, если мы довезём солдата до вокзала. Возражений не последовало, и Мишка был рад, поскольку уже начал волноваться, как бы не опоздать.

С прощанием у автобуса связана ещё одна история во время другого нашего визита. Мы до последней минуты стоим у автобуса, на котором должны уехать наши мальчишки. Вот уже водитель гудит, что пора садиться. Прощальные объятия, и оба в форме и с автоматами входят в автобус. А автобус уже заполнен пассажирами, и не осталось двух мест рядом. Тогда к нашему полному изумлению весь автобус встал, и только после того, как два солдата сели рядом, остальные заняли свободные места.

Прошли три года срочной службы. Оба сына поступили в университет, успешно его окончили, стали «чип дизайнерами» и занимаются очень интересными делами на переднем крае высоких технологий. Раз в год армия их призывает на «мелуим», чтобы они не утратили свои военные навыки и были в курсе изменений, происходящих в армии в соответствии с прогрессом.

Однажды Семёну пришла повестка, когда он был у нас в гостях в Америке, где мы к этому времени поселились. Его ребят призвали для осады христианской церкви, которую захватили террористы. Сеня вернулся в Израиль неделю спустя, мог бы на этот раз и пропустить «мелуим» по уважительной причине, но на следующий день он отправился к своим «ахим» (братьям) и держал с ними осаду, пока её не сняли.

Когда мальчишкам стукнуло по двадцать девять лет, они женились. 29 какое-то мистическое число в нашем семействе. Мой дед женился в 29 лет и через два года родил моего отца. Отец женился в 29 лет и через два года родил меня. Я женился в 29 лет и через два года родил, правда, не сыновей, а дочь. И мальчишки оба

Семья
Миши

женились в 29 и через два года родили по дочери. В числовых совпадениях что-то завораживает. Я приехал в Америку в 5757 году по еврейскому календарю, и мне было 57 лет. Может, поэтому моя эмиграция сложилась счастливо? Но про меня другая история, а эта – про сыновей.

Итак, в один год мы справили две свадьбы, мишину – летом, а сенину – зимой. Мишу с будущей женой познакомил брат.

За много лет до этого, когда они ещё были старшеклассниками, за семейным обедом возник разговор о девочках, которые активно добивались внимания обоих братьев. И Миша вдруг заявил, что он женится на темнокожей девочке. В ближайших окрестностях таковой не имелось, а об эмиграции ещё не было и речи. Мы посмеялись и не придали этому заявлению серьёзного значения. А Сеня через много лет вспомнил. Он, будучи студентом, подрабатывал репетиторством по математике и поделился с Мишей:

– У меня в группе есть студентка, очень красивая эфиопская девушка по имени Ирушалаим. Ты же собирався жениться на темнокожей девушке. Хочешь, познакомлю?

И познакомил.

Ирушалаим родилась в дороге. Эфиопские евреи пешком четыре года, гонимые и преследуемые, перемещались в сторону

*Семья
Сени*

Израиля. Наконец, они добрались до места, куда Израиль смог отправить за ними самолёты и привезти на обетованную землю. Дочь назвали по имени священного города, про который они никогда не забывали.

Про необычную пару Михаэль-Ирушалаим узнал один журналист, и в газете появилась фотография, на которой Миша обнимает свою подругу за талию, а под ней подпись: Ирушалаим в его руках!

На свадьбе её отец Абрахам (а мать зовут Эстер. Как вам нравятся эти эфиопские имена?!), так вот Абрахам сказал:

– Если Миха приехал сюда из Сибири, а Ирушалаим пришла из Эфиопии, и здесь они встретились, значит, их встреча от Бога.

Под хупой мы все стояли вместе. Рабай говорил положенные речи, а когда Миша в память о разрушенном храме разбил стакан и произнёс традиционное «Пусть отсохнет моя правая рука, если я забуду Ирушалаим», гости, а их было около четырёхсот человек, дружно засмеялись двойному смыслу этих слов.

Не могу не отметить, что наши эфиопские родственники строго соблюдают шабат, кошрут и другие еврейские традиции, чего не могу, к сожалению, сказать о нас.

Осталось добавить, что Ирушалаим преподаёт математику в старших классах школы, и у них растут две потрясающие молочные шоколадки нам на радость.

Сеню женили в тот же год зимой. Его невеста Ирит родилась в Израиле. Она тоже из двойняшек. Её бабушки и дедушки бежали от фашизма из Австрии в Аргентину, а родители уже из Аргентины эмигрировали в Израиль. Ирит девушка строгих правил, очень организованная и ответственная. После университета она окончила аспирантуру, защитила докторскую диссертацию и сейчас ищет средство для борьбы с «Альцхаймером». Мы надеемся, что её работа закончится успешно до того времени, когда мы в этот «Альцхаймер» впадём. У Сени и Ирит подрастают дочь и сын, не менее любимые, чем мишины «шоколадки».

А свадьба была шумной и многочисленной. На ней, как и на мишиной, присутствовали все ребята, с которыми они служили в армии. Я любовался ими. В России мы привыкли к тому, что еврейские мальчики, как правило, худосочные очкарики с потаённым страхом, укоренившемся в глазах за столетия унижений и преследований. А здесь я видел могучих красавцев с открытыми лицами, с добрыми улыбками, гордых и свободных. Можно быть спокойным за страну, в которой есть такие ребята.

ДОЧЬ

Аня на два с половиной года старше своих братьев.

Хорошо помню, как она, ещё совсем маленькая, проснулась посреди ночи и заплакала. Я взял её на руки и подошёл с ней к окну. Было полнолуние, и сияющий лунный круг светил прямо в окно. Аня увидела его, перестала плакать и спросила:

– Это спящее солнце?

Так мне понравился вопрос, что я тут же написал:

Солнце уснуло и стало луной.

Я засыпаю. Что станет со мной?

С тех пор, когда читаю эти строчки, всегда упоминаю о соавторстве дочери.

Был и такой забавный случай. Веду Аню из садика, и она мне говорит:

– Папа, хочешь, я тебе анекдот расскажу?

Пусть, думаю, расскажет.

– Давай! – говорю.

– Идут два пьяных дяди и под руки третьего ведут. Один говорит: «Смотри-ка, на небе две луны». Второй поднимает голову: «Не две, а три». «Что я, считать не умею? Две». «Да брось ты. Раз, два, три». Они приводят в чувство третьего и спрашивают, сколько лун на небе, две или три? Тот поднимает голову: «А в каком ряду?»

Я от души смеюсь.

– Кто тебе рассказал этот анекдот?

Оказалось, что одна нянечка рассказывала его другой, а дети внимательно слушали. Слава Богу, обошлось без неформальной лексики.

В «Сыновьях» я вспомнил, не буду повторять, как шестилетняя Аня предложила маме одолжить меня своей воспитательнице в детском садике, у которой не было детей и которая блестяще объяснила детям, почему.

Аня училась в той же английской школе, что и братья. Она росла активной, спортивной девочкой, технично плавала всеми стилями (это сыграло важную роль впоследствии), любила танцевать и ходила в танцевальную студию при ДК «Академия».

Каждое лето мы проводили всей семьёй в спортивном университетском лагере, расположенном в живописном месте на берегу Обского моря. Там, кроме соревнований и концертов, в которых наша семья принимала активное участие, значительное время занимала заготовка грибов и ягод.

Дочка проявила недюжинные способности в поисках грибов. Как легенду, много лет рассказывали, как Аня ещё в дошкольном возрасте во время встречи команд по волейболу подошла к одному из зрителей, сидящему на скамейке, и попросила: «Дядя, подвинь ножку». Дядя с недоумением посмотрел на кроху, но она настойчиво повторила: «Подвинь ножку». Тот подвинул, и Аня, расковыряв палочкой бугорок, достала из-под него отличный белый груздь.

Когда она подросла, и ей стало интересней ходить на дискотеку, чем за грибами, приходилось уговаривать её принять участие в грибной охоте. Обычно я шёл за ней следом. Под голубым мхом прятались тёмнокоричневые боровики.

– Папа, ну как ты не видишь?

Смотрю внимательно, вижу только сосновый подлесок и голубой мох. Аня приподнимает мох, а под ним неопишуемые красавцы на толстых бочкообразных ножках. Я их аккуратно срезаю и плетусь дальше за дочерью в ожидании очередного «папа, ну как ты не видишь?»

Дочь окончила школу и поступила в университет на английский факультет. В это время в Новосибирске активно начал действовать Сохнут. Это было чем-то вроде ульпана за рубежом. Наши дети в свободное от учёбы время стали посещать этот ульпан.

Упомяну также, что Аня, будучи студенткой, стала частным образом учить маленьких детей английскому языку, и у неё это

очень хорошо получалось. Дети приходили к нам домой, и я видел, с каким удовольствием они играют с Анной Юрьевной в английский язык. Не могу не отметить, что её заработок был выше зарплаты мамы-врача и чуть меньше зарплаты папы-профессора.

В конце своего третьего курса Аня принесла домой письмо международной организации «Camp America», в котором англоязычные студенты приглашались принять участие в конкурсе на работу в детских лагерях США. Сначала объявлялся конкурс бумаг, победители которого будут приглашены на встречу.

На моё предложение послать бумаги дочь скептически возразила, что шансы нулевые. Есть Прибалтика, Украина, Москва с Ленинградом (шёл последний год существования Советского Союза). Поэтому попасть кому-то из-за Урала... Всё-таки удалось уговорить дочь послать бумаги. Шансов мало, но чем чёрт не шутит.

Через пару месяцев мы получили извещение, что Анна Солодкина успешно прошла первую часть конкурса и приглашается в указанное время в офис «Camp America» в Риге. Это приятно, но приглашены 300 человек, а поедут в Штаты 50. Конкурс немалый, но отступать негоже, и Аня летит в Ригу.

В Риге проверялось, насколько написанное в бумагах соответствует действительности, и уровень английского языка. Ане было сказано, что она понравилась, но решение получит по почте. Аня вернулась в Новосибирск, по-прежнему не веря в то, что будет отобрана.

Но маловероятные события всё-таки случаются, и Аня получила письмо с приглашением в ту же Ригу на инструктаж перед полётом в Америку. Это был праздник в нашем доме. Кстати, из-за Урала в Америку полетели всего двое из пятидесяти, и оба из Новосибирска.

В начале июня 1991 года, дата, как станет понятно дальше, очень важна, Аня улетела в Америку на два месяца для работы в детском лагере под Нью-Йорком.

В лагере отдыхали ученики одной из бруклинских школ, а начальником лагеря был директор этой школы. Познакомившись с девушкой из России и узнав, что она хорошо плавает, начальник

предложил ей учить детей плавать в бассейне. У Ани это хорошо получилось, и дети поплыли на второй-третий день после начала занятий. Впечатлённые родители попросили мисс Анну давать детям дополнительные уроки, естественно, за дополнительную плату. Это был её первый заработок в Америке.

В середине августа дочь звонит из Америки и сообщает, что директор предложил ей на год остаться по рабочей визе в Штатах, чтобы преподавать английский в его школе. У него много детей эмигрантов из России, и двуязыкая Аня как учитель его бы очень устроила.

– Что делать? – спрашивает дочь. – Я ведь потеряю год в университете.

А у нас ГКЧП (кто не помнит – Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению), танки под окнами, Высшее военно-политическое училище, на всякий случай расположенное в Академгородке, в полной боевой готовности. Кто знает, что придёт в голову этим учёным!

– Котёнка (так я зову её с детства) дорогая. Соглашайся, не раздумывая. Этот год для твоего английского даст больше, чем все пять лет в университете.

И дочь осталась ещё на год в Штатах. Директор поселил её в своём доме, отвёл ей небольшую комнатку под крышей. Это была ортодоксальная еврейская семья с большим количеством детей.

Аня начала работать в школе, но это была неполная нагрузка, и она устроилась на подработку в соседнюю школу, где переводила для библиотеки некоторые русские тексты на английский. В свободное от работы время она помогала гостеприимным хозяевам управляться с ребятишками.

Запомнился один случай, который она рассказала. Вся семья отдыхала на берегу океана, и малыши бегали по кромке воды, поднимая кучи брызг и визжа от удовольствия. Аня заметила, что один малыш пытается набрать воду в ладошку, и на всякий случай предупредила его, что эту воду пить нельзя.

– Почему? – удивился малыш.

Все анины слова о непригодности воды для питья встречали непонимание. Тогда Аню осенило:

– Эта вода некошерная!

Тут малышу сразу стало понятно, и он побежал дальше.

Аня до сих пор благодарна семье, которая приютила её в Америке. Но светской девушке было очень непросто соблюдать неукоснительно ортодоксальные семейные порядки. То она сделает не тот салат, нарушающий кошрут. То повесит рядом с портретом какого-то выдающегося рабая (как можно!) компьютерную распечатку, сделанную для неё знакомым парнем.

Её решение переселиться было встречено с пониманием, и она сняла крохотную студию в полуподвале, чтобы дожить в ней до конца отведённого ей года и вернуться домой.

Но нашей «золушке» была уготована другая судьба. Она встретила своего «принца» из нашего же Академгородка, который всего на три года раньше неё окончил ту же школу, приехал в Штаты в гости к дальним родственникам, где и остался. Не гнушался никакой работы – заправлял машины, выколачивал ковры в магазине и много чего ещё. Но к моменту знакомства с Аней он стал уже успешным бизнесменом.

Нетрудно догадаться, что в свои неполные двадцать Аня вышла замуж за Женю. Нам оставалось только познакомиться с жениными родителями, которые, как и мы, жили ещё в Академгородке. Они волновались, как у их мальчика сложится с незнакомой Аней, а мы волновались, как у нашей девочки сложится с незнакомым Женей.

Аня запросила бумаги из университета. Ей зачли какое-то количество кредитов и после собеседования зачислили в нью-джерсийский Rutgers University на третий курс. Через два года она получила степень бакалавра и не без влияния мужа поступила в нью-йоркскую Cordoza Law School, чтобы стать юристом.

В промежутке между университетом и юридической школой дочь родила нашу первую внучку Сару. Для нас это было и поводом и сигналом, что пора ехать. Саре было полгода, когда мы эмигрировали в Америку. Сейчас ей 19, и она студентка университета. Почти на пять лет младше Сары её сестрёнка Наоми.

На время учёбы в юридической школе наши дети сняли апартамент в Нью-Йорке на Джон-стрит, в двух блоках от Всемир-

Семья
Ани

ного торгового центра. У них уже были планы купить апартамент в новой строящейся высотке вблизи Бэттери Парка с видом на Статую свободы.

Трагедия Nine-Eleven, 11 сентября, поделила время на до и после.

В этот день утром Аня повела Сару первый раз в первый класс. Няня, как обычно, покатила коляску с Наоми, которой ещё не было года, мимо Торгового центра к Бэттери-парку, где они всегда гуляли по утрам. Зять в этот день работал из дома. А я с утра был на своей работе в Ньюарке, через Гудзон от Манхэттена. У меня чуть слышно работало радио, шёл живой эфир, и вдруг начались звонки об ужасах, которые происходят с башнями-близнецами. Горят верхние этажи, вниз летят куски человеческих тел.

Будь один звонок – мало ли сумасшедших, но тут звонки один за другим. Звоню зятю, тот ничего не знает, просит не волноваться – ну, пожар, ну, потушат. В это время идёт информация, что во вторую башню, как и в первую, врезался самолёт. Уговариваю Женю пойти на поиски няни и Наоми.

Вокруг башен оцепление. Женя не успел дойти до него, когда случился коллапс первой башни. Огромная лавина хлынула вдоль улицы, и Женя едва успел заскочить в подъезд дома. Тут же гора

мусора погребла под собой всё, что было на пути. Придя в себя после того, как он был на волосок от гибели, Женя стал подниматься по лестнице, чтобы постучать в ближайшую квартиру.

Смешное оказалось рядом с трагическим. Сверху спускалась преклонных лет дама, чтобы выгулять собачку. Женя стал ей объяснять, что происходит, и не услышал собственного голоса. Это была контузия. Слух к нему вернулся только через неделю. Дама привела Женю в свою квартиру, и он позвонил, сообщив, что с ним всё в порядке, а где няня с Наоми, он не знает.

До середины дня мы не находили себе места, рисуя самые ужасные картины. Только в час дня няня и Наоми вернулись домой. Оказалось, что они, благодарение Господу, не успели утром пройти через башни. Там уже было оцепление, и их вместе с другими прохожими завернули и отправили в здание морского порта, откуда не выпускали. Мобильная связь не функционировала, и дать о себе знать не было возможности.

Так закончился для нашей семьи день 11 сентября, 9/11, как пишут в Америке или 11/9, как принято писать в России.

Вместо апартмента в Манхеттене дети купили, к моему удовольствию, дом в Нью-Джерси, среди живописных лесистых холмов. Потому к удовольствию, что внуки и внучки будут расти на природе, а не в каменных нью-йоркских джунглях.

Дочь стала успешным юристом, специалистом в корпоративном праве. Через семь лет после Наоми она с разницей в полтора года родила нам двух внуков – Итана и Ари. Итан окончил в этом году первый класс, а Ари осенью пойдёт в школу. Внуки остроумны и находчивы, сами того не сознавая. Общение с ними доставляет огромную радость.

Вот несколько запомнившихся диалогов.

1

В садике, куда ходил мой трёхлетний внук, был живой уголок, где жил хомячок. Дети вместе с воспитательницей мисс Лиз любили смотреть на хомячка.

- Как дела в садике? – спрашиваю внука.
- Мисс Лиз рассердилась.
- А почему она рассердилась?
- Потому что мальчик плакал.
- А почему же он плакал?
- Потому что он упал.
- А почему же он упал?
- Потому что он мешал мне мышку смотреть.

2

Рассуждаем про живые и неживые предметы. Спрашиваю:

- Вот сейчас в комнате кто у нас живые предметы?
- Я и деда. Только я живее.

3

Мы с внуком любим разжигать костёр. Картина пляшущих языков пламени завораживает и его, и меня. Может, причиной этому костры наших далёких предков, а может, вселенский огонь Солнца и звёзд.

И вот костёр уже полыхает. Я молча сижу и созерцаю это трепещущее чудо, а внук бегает вокруг, собирает сухие ветки и подбрасывает их в костёр. Вдруг вижу, он сел напротив меня, затих и, как я, притих взглядом к огню.

Любопытствую:

- О чём ты думаешь сейчас своей головой?
- Я думаю ногами!

4

Мы с четырёхлетним внуком выясняем, кто такая жена.

– Вот твоя мама – жена твоего папы, – объясняю я. – А Галя чья жена?

- Галя бабушка, – моментально отвечает он.
- Это тебе она бабушка, а мне она кто?
- Няня!

Март 2014 года

P.S.: Прошло пять лет. Когда ты на восьмом десятке, то можно сказать, что они пролетели. А для внуков и внучек это огромный срок.

Ирушалаим родила нам ещё одну внучку, и ей уже почти пять лет. Теперь у нас девять внуков и внучек, и это самая большая радость в нашей жизни. Я не случайно написал четыре строчки:

Колотимся в искусстве и науке,
Лелеем втайне дел своих значенье,
Но в старости у нас есть только внуки,
Чтоб наше оправдать предназначенье.

Старшая внучка уже окончила университет, а её младшая сестра поступила в этом году на первый курс. Остальные, кроме самой младшей, школьники. Все любимые, все нам близки и дороги. Но об одном всё-таки хочу сказать особо.

Сейчас Итану идёт двенадцатый год. А когда ему было девять, его учительница пригласила на уроки литературы поэта, который в течение недели рассказывал детям, что такое поэзия, что такое образы и метафоры, короче, как пишутся стихи и чем они отличаются от прозы. На последнем своём уроке поэт дал детям задание написать стих о предмете, не называя его, но так, чтобы можно было догадаться, о чём идёт речь.

Итан к концу урока выдал стих на целую страницу. Поэт прочитал его вслух, но никто, включая самого поэта, не смог понять, что за предмет описан в стихе. А после того, как Итан его назвал, и поэт и учительница не удержались от восторга.

Стих написан по-английски, и я перечислю только некоторые метафоры, которыми Итан описал предмет: длинные деревянные

пики царапают на мне странные символы; двуногие млекопитающие, посмотрев на меня, иногда радуются, иногда расстраиваются; я не имею вкуса, но четвероногие животные любят меня грызть; символы на мне показывают, насколько ты умный.

Это письменная домашняя работа!! Пики – карандаши! Двуногие – учителя! Четвероногие – собаки! И разве домашняя работа не показывает, насколько ты умный?

А дальше больше. Учительница отправила стих на конкурс. В Америке периодически выпускаются сборники лучших детских стихов, которые присылаются со всей страны. Стих Итана не просто попал в сборник, а был включён в десять лучших стихов в его возрастной группе. Итан подарил мне эту прекрасно изданную книгу, и я попросил, чтобы он оставил на ней свой автограф.

И вот уже больше двух лет Итан пишет стихи. Ни один семейный праздник не обходится без его рифмованных строчек. Но только ими дело не ограничивается.

Недавно мы с ним гуляли прекрасным ранним утром. Восход солнца над лесом. Тишину нарушает только птичье многоголосье.

– Почему-то утро радостнее вечера.

– Да, – соглашается внук.

Мы возвращаемся домой. Итан уходит в свою комнату и через некоторое время приносит листок со стихом «Mornings» («Утра») Приведу только дословный перевод заключительных строк стиха:

Причина, по которой люди любят утра, в том,
Что утра напоминают им, что они ещё живы.
И когда они видят утренний свет,
Они чувствуют себя счастливыми
От того, что будут жить в наступивший день.

Не знаю, что уготовано ему генами судьбы. Но сегодня как мне, деду такого внука, не быть счастливым!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*П*очему «Гены судьбы»?

Про героя первого очерка Иона Дегена я написал четыре строчки:

*Непостижим Ион Деген,
Полна чудес его дорога.
Не сомневаюсь, вот где ген
Судьбы,
дарованный от Бога.*

И герои других очерков имеют удивительные судьбы и замечательные свершения. Про таких людей говорят, что они поцелованы Богом. Вот почему «Гены судьбы».

В послесловии принято рассказывать о себе, а это всегда трудно. Хвалиться не очень скромно, а прибедняться не очень хочется. И тут я вспомнил, что после выступления со своими стихотворными книжками в Израиле, в Реховоте организатор встречи, доктор химических наук, профессор Юлия Давидовна Систер попросила меня ответить на вопросы для местной газеты. Интервью было опубликовано, и мне остаётся только скопировать его в качестве послесловия.

Проф. Юлия Систер

Встреча с учёным и писателем Юрием Солодкиным

22 марта в Институте Вейцмана в зале Шмидта состоялся очередной научный семинар Дома учёных и специалистов Реховота.

*Выступление
Юрия Солодкина
в Реховоте*

Из многих городов приехали гости, которые давно ждали встречи с учёным и писателем Юрием Солодкиным. Присутствующим были знакомы талантливые, глубокие, интересные произведения нашего гостя из США, профессора Юрия Солодкина.

Юрий Солодкин живёт в Нью-Джерси, а родился в Новосибирске в 1940 году. После окончания школы с золотой медалью поступил в Новосибирский электротехнический институт и получил диплом инженера-электрика по специальности «электроизмерительные приборы». Затем была аспирантура в Новосибирском Государственном университете. Его научная карьера началась в Институте автоматики и электрометрии Сибирского отделения Академии наук, в широко известном Академгородке под Новосибирском.

Мы поговорили с Юрием Солодкиным после встречи, и он ответил на некоторые мои вопросы.

Юлия: Что было Вашей кандидатской диссертацией?

Юрий: Моей темой было измерение вибраций и ударов. Приложение – измерение ударного импульса в ближней зоне подземного ядерного взрыва. Требовалось с допустимыми искажениями записать форму импульса. Для оценки искажения формы было

предложено использовать корреляционный критерий. Моделирование измерительного эксперимента проводилось на ЭВМ БЭСМ-6. Это был огромный монстр на электронных лампах, который занимал почти весь первый этаж нашего Вычислительного Центра. Информация вводилась на перфокартах. О характеристиках этой машины сегодня смешно говорить. У меня ощущение, что я видел динозавров.

Юлия: Удалось увидеть Вашу работу в действии?

Юрий: Для участия в испытании на полигоне нужна была специальная среднемашевская форма допуска. Мне пришёл отказ: холостой, беспартийный да и в пятом пункте не то. Полетел мой товарищ по аспирантуре – женатый, две дочери, член партии и с пятым пунктом всё в порядке. А дальше случилось то, почему я всю жизнь благодарен osobistам из Министерства среднего машиностроения. Вы знаете, как делается подземный ядерный взрыв?

Юлия: Нет, не приходилось.

Юрий: Выбирается гора из сплошного скалистого грунта. От подножия к центру пробивается туннель. Там помещается заряд, а вдоль туннеля устанавливается измерительная аппаратура. Наш прибор находился примерно на расстоянии 100 м от эпицентра. ЧП возникает, когда в каком-то месте порода оказывается недостаточно прочной, и радиоактивная волна вырывается наружу.

Это как раз и произошло. Счетчики не замелькали, а засветились, как бешеные. Народ с наблюдательного пункта срочно погрузили в машины и помчались от вырвавшегося облака. Когда мой товарищ вернулся, его срочно положили в специальную клинику, и дважды ему полностью переливали кровь. Как же не благодарить после этого всю жизнь неизвестных мне особистов!

Юлия: А дальше продолжилась работа в том же направлении?

Юрий: Моя докторская работа тоже связана с измерительными системами, но с использованием лазеров и голографии. Голографический принцип записи световой волны позволил применять интерференционные методы для диффузно рассеивающих объектов и привёл к революционным изменениям в области измерений деформаций и вибраций. Информация получалась бес-

контактным образом по всему полю измеряемых величин.

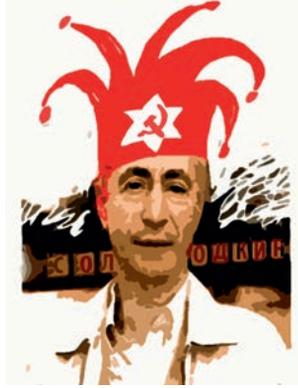
Мы исследовали деформации тонких оболочек и формы колебаний лопаток и дисков с лопатками компрессоров авиационных двигателей. От получаемых интерференционных картин необходимо было переходить к численным величинам, т. е. осуществить расшифровку интерферограмм. Вручную это можно сделать только в простейших случаях. Для расшифровки возникает необходимость вводить интерферограммы в компьютер, обрабатывать по определённым алгоритмам и представлять результаты в удобном для экспериментаторов виде. В итоге получаем голографическую измерительную систему, разработка которой явилась предметом моей докторской диссертации.

Задача казалось бы очень простая: надо определить число интерференционных полос, пробежавших через точку в процессе, например, деформации исследуемой поверхности. Но эксперимент с такими «живыми» полосами редко реализуем. Обычно мы имеем интерферограмму двух волн, рассеянных объектом в начальном и конечном состоянии. Как тут считать полосы, как выбирать точку отсчета, как учитывать градацию полосы? Вопросы звучат просто, но каждый раз требуют конкретного решения. Очень трудно автоматизировать такой процесс расшифровки.

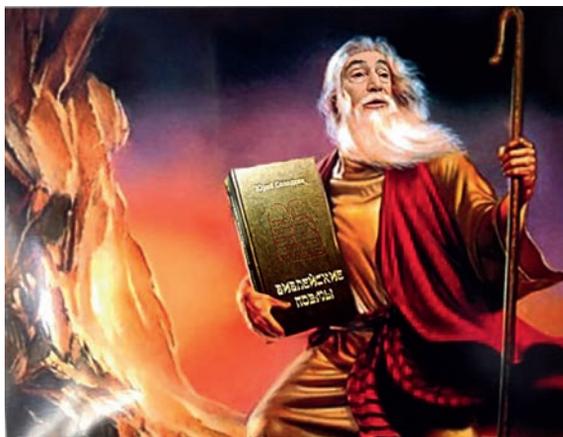
И здесь я дошел до главного момента моей докторской работы. Нам с проф. Владимиром Ивановичем Гужовым удалось предложить алгоритм, который позволяет получить число интерференционных полос, не считая полосы. Звучит фантастически, но это так. Алгоритм получил название целочисленного (Integer

ДАЖЕ ЕСЛИ ПОСТАРАТЬСЯ -
НЕВОЗМОЖНО НАМ ДОБРАТЬСЯ
ДО СОЛОДКИНСКИХ ВЫСОТ
В НАПИСАНИИ ОСТРОТ!

ЕСЛИ Ж ВКРАТЦЕ -
БРАВО, БРАТЦЫ!!!

*Дружеский шарж
Сергея Мосиенко*

*Дружеский шарж
Славы Мелкумова*

Interferometer). В основе его лежит использование свойств целых чисел. В теории чисел рассматривается решение систем сравнений по модулю в остаточных классах. Это послужило математической моделью для расшифровки интерферограмм.

Не могу умолчать о смешной истории, случившейся во время защиты моей докторской диссертации. В отзыве от Института математики СО АН был упомянут академик Виноградов. Помните, он возглавлял Отделение математики АН СССР, был признанным специалистом в области теории чисел и очень не любил евреев. Виноградов как-то обмолвился, что теория чисел никогда не будет иметь практических приложений.

Профессор, зачитывавший отзыв, отступил от текста и пошутил, что академик Виноградов, должно быть, перевернулся в гробу, поскольку мы видим, что системы сравнений в остаточных классах явились удачной моделью, позволившей решить физическую задачу расшифровки интерферограмм. Большого он прилюдно сказать не мог, а лично мне после защиты добавил: «Бедный Виноградов! И тут опять без еврея не обошлось».

Юлия: Почему-то математическое сообщество было особенно богато антисемитами. Как не вспомнить другого математика, академика Игоря Шафаревича, автора статей и книг о малом народе, идеолога борцов с сионизмом из общества «Память».

Юрий: А как, прикажете, смириться с тем, что среди выдающихся математиков они сплошняком?!

Лет двадцать тому назад в качестве отклика на статью одного из моих друзей я написал «Открытое письмо Игорю Шафаревичу», с которым никогда не был знаком. Это письмо с подачи моего друга опубликовала одна санкт-петербургская газета. Оно попало в Интернет и с тех пор гуляет по его пространству. Письмо заканчивается так:

...Почувствовав себя внутри еврейской истории, содрогнувшись от жертв, которые понёс мой народ, не могу не выразить признательность и благодарность антисемитам и палачам за то, что мы такие, какие мы есть. Пожалели бы нас и обласкали, и исчезли бы мы давно в волнах ассимиляции. Вы же умный человек. Сколько можно способствовать совершенствованию евреев, обострять их ум и практическую смекалку. Вы же любите математику, которая, несомненно, мать всех наук. Идите к матери. Бог с ними, с евреями. И будьте счастливы!

Юлия: Красиво Вы его, элегантно и по существу.

А чем пришлось заниматься в Америке?

Юрий: В Америке я двадцать с небольшим лет проработал в Метрологической лаборатории в Ньюарке. Это была работа, связанная с поверкой и калибровкой высокоточной измерительной аппаратуры.

Юлия: И тут, думаю, пришла пора поговорить о Вашей второй ипостаси – поэта и писателя. От себя могу отметить безупречное поэтическое мастерство, отражающееся, в частности, в том, что Ваш стих легок, не вымучен, а как бы сам собой сложился. Да и Ваша «учённость» ощущается едва ли не в каждой строфе.

Юрий: Спасибо на добром слове.

Стихи я писал по разным поводам всю жизнь, но кто их не пишет?

В Америке я впервые получил работу, которая не отнимала, как в России, всё моё время без остатка. Появилась возможность

больше читать и пробовать собственное перо. Я решил, наконец, прочитать Книгу книг – Библию. Удивительные образы и не менее удивительная мудрость изумляли меня на каждом шагу. Впечатлительное было настолько сильным, что я написал солидный том «Библейских поэм». Это все библейские истории от Сотворения мира до речи царя Соломона на открытии Первого храма.

Для начального представления об этих поэмах приведу несколько строк. К примеру, первый день творения «Да будет свет!» выглядит так:

*Настал великий миг Творенья,
Тот первый миг. Да будет свет!
Возникло Время в то мгновенье
И потекло до наших лет.*

А речь царя Соломона заканчивается следующими строчками:

*Ты Авраама, Ицхака и Якова Бог,
Не дай в народах других раствориться нам.
Сколько бы ни пришлось нам испытать дорог,
Не дай позабыть одну, ведущую в этот Храм.*

Юлия: Я с удовольствием, как и все, собравшиеся на встречу, слушала отрывки из Ваших библейских поэм. Обязательно прочитаю книгу целиком.

Юрий: Да, спасибо. Я ощутил доброжелательность и интерес к тому, что читал и рассказывал.

Юлия: «Библейские поэмы» – грандиозный и впечатляющий труд, но аудитория с наименьшей одобрительной реакцией встретила Ваши строчки из книги «Если вкратце...».

Юрий: Да, всю жизнь я писал короткие, в две-четыре строки стихи на самые разные темы. В книге их более семисот. Здесь и парадоксы, и игра слов, и такие главы, как «*Религий прокрустово ложе / Тебя не вмещает, о Боже!*», «*Как мы хитрим, как мы финтим, / А на уме один интим*», «*Язык мой – враг мой, нет вопроса, / Но всё же больше бед от носа*» и др.

Давайте из последней названной главы приведём для примера несколько строчек об Израиле. Сам Бог велел, мы ведь всё-таки в Израиле.

Юлия: Давайте.

Юрий: Сейчас открою книжку. Вот:

*

*Звезда с звездой говорит,
А я восторженно внимаю
И ничего не понимаю.
Придётся выучить иверит.*

*

*Сады повсюду расцвели в пустыне
От Иерусалима до окраин.
Всё просто объясняется – отныне
Вернулся в этот край его Хозяин.*

*

*Если речь о территории,
Миль квадратных в нём немного,
Но огромен вглубь Истории
И простёрся ввысь до Бога.*

*

*На юге мёртвою водой,
На севере живой омытая,
Две тыщи лет назад убитая,
Страна воскресла молодой.*

*

*Израиль по судьбе своей непрост.
Был два тысячелетия без отечества.
Он вечный раздражитель человечества
И в нынешних сражениях форпост.*

Юлия: Спасибо, Юрий. Могу только повторить то, что сказала ранее про поэтическое мастерство. Строчки остроумные, мудрые, точные. Не могу не упомянуть также Ваши детские книжки, прекрасно изданные с очень хорошими иллюстрациями. Присутствующие оценили их по достоинству.

Юрий: Спасибо и Вам, Юлия, за отлично организованную встречу, за такую доброжелательную и отзывчивую аудиторию.

Юлия: Да, равнодушных не было. Были вопросы, аплодисменты, приятное послевкусие от встречи с настоящим творчеством, ощущение радости от возвышенного, духовного.

Март 2016 года

СОДЕРЖАНИЕ

Слово об Ионе Дегене	5
Памяти Иона Дегена	36
Слово об Аркадии Тиморе	42
В гостях у Иерусалима	58
Гаон	91
Сквозь бури и грозы	130
«Жизнь – интересный путь...»	166
Его божеством было Слово	195
Читая Библию	216
Слуга двух муз	231
Встречи с Игорем Губерманом	247
Голограммы	257
Сыновья	277
Дочь	288
Послесловие	298

Литратурно-художественное
издание

Юрий Солодкин

ГЕНЫ СУДЬБЫ

Художественный редактор
В. В. Зайцев

Корректор
Т. Д. Романосова

Верстка
Л. А. Дерр

НОВОСИБИРСКИЙ
издательский дом

ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
Подписано в печать 14.10.2019. Формат 60x90/16. Печ. л. 19,25
Печать офсетная. Тираж 150 экз. Заказ № 27-7-8.